

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ИЮЛЯ 2017 Г.

в четырех частях

ЧАСТЬ 2

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 июля 2017 г.

В четырех частях
Часть II

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
С 83

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 83 **Стратегические направления развития науки, образования, технологий** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 июля 2017 г.: в 4 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть II. – 146 с.

ISBN 978-5-9500747-0-7

ISBN 978-5-9500747-2-1 (Часть II)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Стратегические направления развития науки, образования, технологий», состоявшейся 31 июля 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам филологии, искусствоведения, культурологии, юриспруденции.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Афанасьева И.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	6
<i>Белоус Л.В.</i> МЕСТО ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АХМЕДА ЦАЛИКОВА	8
<i>Бредихина Ю.И.</i> СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ «ЖАЛОБА» В РАМКАХ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	16
<i>Вандышева Л.В.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАЦИИ В РЕКРУТИНГЕ ВОЛОНТЁРОВ	19
<i>Виноградов А.А.</i> ИНТЕРМЕДИЯ В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ»	22
<i>Дацко Д.А.</i> ДИГИТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	27
<i>Исмаилова С.Н.</i> СИМВОЛИЧЕСКИЕ НАПОЛНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА	30
<i>Кихтан В.В.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИИ	33
<i>Королева М.Э.</i> «Порог сознания» как форма самосознания персонажей в романах Г. Грина	36
<i>Петрова Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ЛИНГВОЮРИСТИКИ	40
<i>Семенова А.А.</i> НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ВАЛЯНОЙ И ПЛЕТЁНОЙ ОБУВИ В ГОВОРАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	43
<i>Степин С.Н.</i> К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ МОРДОВИИ	46
<i>Тулина Е.В., Козько Н.А.</i> ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ	49
<i>Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А.</i> ЗАГАДКА ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»	53
<i>Шерова А.</i> О ФОНОСТАТИСТИКЕ СЛОВАРЯ ЭПОСА «МАНАС»	58
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	66
<i>Бугаева П.А.</i> ПРИНЦИПЫ ОРИГАМИ В АРХИТЕКТУРНЫХ СТРУКТУРАХ	66
<i>Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А., Кулабухова В.А.</i> ГАРМОНЬ КАК КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И РУССКОГО МИРА	69

Оленченко Н.В. ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ЭКРАН ДЛЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МУЛЬТИМЕДИА ПРОЕКТОВ.....	73
Прохоров С.А., Прохоров Н.С. ЦВЕТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЕ	83
Смирнова А.Г. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	87
Чекаева Р.У., Уразгалиева А.М., Жумабекова Б.Б. АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИРПИЧНЫХ ЗДАНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	91
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	97
Бахаев С.Н. РЕЕСТРОВАЯ ОШИБКА	97
Бринева О.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В РОССИИ.....	100
Горовенко С.В. ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	102
Давыдова А.И. НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ.....	105
Козырева М.В. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	108
Куржупова Я.В. «НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	112
Мысовских С.А. ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ...	115
Путра М.А. ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ БИКАМЕРАЛИЗМА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	118
Силантьева Я.В. КОНТРОЛЬ СДЕЛОК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ	123
Сулумов Р.И. РОЛЬ ИНТЕРПОЛА В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВООПОРЯДКА	125
Тахаев А.А. ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА.....	128
Тахаев А.А. РОССИЙСКАЯ ПРАВООЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА И ЛИЧНОСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	131

Тахаев А.А.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
---	-----

Федорец М.Н.

ФЕДЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ	137
--	-----

Юн Л.В.

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	141
--	-----

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Афанасьева И.В.

доцент кафедры иностранных языков, канд. пед. наук,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
Россия, г. Чебоксары

Настоящая статья посвящена преимуществам использования специализированных учебных пособий. Автор статьи приходит к выводу, что работа с профессионально-ориентированными пособиями повышает уровень конкурентоспособности будущих специалистов в сфере пожарной безопасности, математики и IT.

Ключевые слова: иностранный язык, профессиональная направленность, профессионально ориентированные пособия, спецлексика, неязыковой вуз.

В условиях модернизации образования «Иностранный язык» – один из важнейших базовых предметов, необходимый для получения профессиональных знаний путем знакомства с иностранными источниками (учебники, Интернет, электронные издания по специальности).

В неязыковом вузе важно систематически вводить спецлексику по профилю подготовки бакалавров на занятиях иностранного языка. Во время фонетической зарядки мы отрабатываем произношение спецтерминов.

Следует отметить, что в процессе речевой деятельности осуществляется профессиональная направленность в обучении иностранному языку. Для решения данной проблемы необходимо преподавателю подготовить специализированный лексический материал, который бакалавры смогут использовать в профессиональной деятельности. Более того, спецлексика должна быть усвоена как для устной, так и для письменной коммуникации. Ее можно отбирать, например, по следующим пунктам: 1) названия наиболее употребляемых инструментов и терминов; 2) названия используемых механизмов, транспортных средств или специальных устройств; 3) названия экипировки и обмундирования; 4) названия рабочих операций и действий. Знания спецлексики нужно студентам-бакалаврам для чтения текстов по профилю подготовки и совершенствования речевых навыков как на основе изученных профессиональных текстов, так и для общения с иностранными коллегами в соответствующей области.

Для решения этой задачи неязыковым вузам необходимы современные учебные издания. В последнее время появляется много новых направлений подготовки бакалавров и, соответственно, возникает нехватка специализированных учебных пособий. С похожей проблемой мы сталкиваемся при работе со студентами-бакалаврами, обучающимися, например, по профилям подготовки «Пожарная безопасность» и «Математики и информатика» в нашем вузе.

В 2014 г. было опубликовано учебное пособие «Пожарная безопасность. Тексты и упражнения на английском языке» (сост. И. В. Афанасьева), которое получило Гриф УМО РФ по образованию в области лингвистики [4]. В 2016 г. было опубликовано учебное пособие «Математика и информатика. Тексты для чтения на английском языке» (сост. Афанасьева И.В., Кордон Т.А.) [3].

Основная цель данных пособий – формирование навыков и умений чтения оригинальных иноязычных текстов, монологической и диалогической речи, адекватного перевода, извлечение необходимой информации из первоисточников.

Дидактический материал данных пособий соответствует требованиям к языковым вузам, предъявляемым ФГОС и программой по дисциплине «Иностранный язык» для бакалавриата. В пособиях представлены аутентичные тексты по специальности, взятые из научных и периодических изданий, языковые упражнения и дополнительные материалы, способствующие обогащению словарного запаса, глубокому пониманию читаемого, а также расширению профессионального кругозора, развитию познавательных интересов студентов-бакалавров. Содержание текстов отражает: 1) работу противопожарной службы в России и в некоторых англоязычных странах; 2) достижения математиков и изобретателей, а также процесс становления математики и информатики как науки.

Пособие «Пожарная безопасность. Тексты и упражнения на английском языке» состоит из четырех блоков: 1) спецтексты для чтения, 2) лексико-грамматические упражнения, 3) дополнительные информативные материалы, 4) тестовые задания и клише.

Тексты в первом блоке сопровождаются подлежащим активному усвоению вокабуляром. Представленные тексты связаны с будущей деятельностью студентов и содержат материал о: структуре огня, методах его разжигания, видах ожогов, экипировке пожарных, способах пожаротушения, оказании первой помощи и др. Также добавлены данные об организациях, ответственных за пожарную безопасность в разных странах мира. На занятиях по иностранному языку наши студенты сначала читают текст, затем передают его содержание на родном языке или переводят, используя иностранно-русский словарь. Несколько незнакомых слов с переводом даны под текстом. Для проверки понимания прочитанного текста мы используем различные приемы контроля, например: студенты отвечают на вопросы по содержанию, составляют план текста, делают выборочный перевод на родной язык.

Во втором блоке предлагаются упражнения на развитие умений и навыков устной речи, монологической и диалогической, перевода с английского на русский и с русского на английский язык. Все упражнения содержат в себе различные задания:

- опишите, каким должен быть пожарный, используя модальные глаголы *can, may, must, should*;
- перечислите, что должно быть в офисе согласно правилам пожарной безопасности;
- прочитайте и переведите стихотворение «A Firefighter poem» (by Kathy Bond), выучите его наизусть;
- переведите пословицы и поговорки на английский язык;
- напишите эссе по теме «To be a firefighter is a hard job»;
- разгадайте сканворд;
- перескажите текст на английском языке, используя клише;
- переведите текст на русский язык; расскажите о подобных случаях возникновения пожара; и др.

В третьем блоке представлены Интернет-материалы для расширения лингвострановедческого и профессионального кругозора обучающихся (американская техника «Stop, drop and roll», история Мальтийского Креста, история возникновения Молитвы Пожарных, Святой Флориан, День Пожарной охраны в России, Меж-

дународный день Пожарной охраны). Их использование стимулирует познавательную активность студентов, при этом создаются все условия для плодотворной аудиторной и самостоятельной работы.

Четвертый блок содержит 30 тестовых заданий с ключами для самопроверки и образцы для реферирования, пересказа научных англоязычных статей.

Пособие «Математика и информатика. Тексты для чтения на английском языке» состоит из четырех блоков: 1) спецтексты для чтения о математиках и компьютерных «пионерах», 2) спецтексты для чтения о науках, 3) интересные факты, 4) лексико-грамматические упражнения и тестовые задания. К тому же, в пособии представлены различные математические и компьютерные термины.

Студенты-бакалавры неязыковых вузов используют данные учебные пособия, как на практических занятиях, так и для самостоятельной учебной деятельности во внеаудиторное время.

В заключение следует отметить, что использование профессионально ориентированных учебных изданий в обучении иностранному языку в неязыковом вузе повышает уровень конкурентоспособности будущих специалистов в сфере математики, IT или пожарной безопасности.

Список литературы

1. Алексеева, С.С. Профессиональная направленность обучения студентов неязыковых специальностей иностранному языку / С. С. Алексеева, А. С. Нестерова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2015/02/9819>

2. Ильин, А. Е. Профессиональная направленность в обучении иностранному языку будущих менеджеров сферы управления / А. Е. Ильин // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.science-education.ru/122-17341

3. Математика и информатика. Тексты для чтения на английском языке : учебное пособие / сост. И. В. Афанасьева, Т. А. Кордон. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 110 с.

4. Пожарная безопасность. Тексты и упражнения на английском языке : учебное пособие / сост. И. В. Афанасьева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 83 с.

МЕСТО ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АХМЕДА ЦАЛИКОВА¹

Белоус Л.В.

доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы, канд. филол. наук,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Предлагаемая статья – анализ представленных в творчестве осетинского русскоязычного автора и общественного деятеля Ахмеда Цаликова фольклорных элементов, их места в наследии писателя и значения в его мировоззренческой и художественной парадигме. В статье описаны предпочтения автора в выборе тех или иных фольклорных форм; его отношение к ним, зависящее от типа создаваемого текста; подчеркнуто желание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Северная Осетия-Алания в рамках научного проекта № 16-14-15001

А.Цаликова законсервировать фольклорные элементы в менталитете народа и спасти привычный уклад жизни горцев, разрушенный под влиянием революционных событий в России и активного вмешательства российской политики в жизнь народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: менталитет, национальная самобытность, фольклор, этнографические особенности, разрушение обычаев.

Введение

Ахмед Темболатович Цаликов, представитель русскоязычной литературы Северной Осетии первой четверти двадцатого столетия, стал известен широкому читателю только в конце XX века. Он входит в группу так называемых «возвращенных авторов». Единственным серьезным научным исследованием его жизненного пути остается обширная статья З.М.Салагаевой, помещенная в изданном в 2002 году сборнике произведений писателя [10].

Фундаментальное изучение художественных особенностей наследия Ахмеда Темболатовича до сих пор не предпринималось, чем обусловлены актуальность и научная новизна предлагаемого исследования. Однако некоторые аспекты его творческой биографии и созданных им художественных текстов описаны в трудах ученых Республики Северная Осетия-Алания [2, 4, 5, 7, 8, 12, 18].

Наследие писателя не так велико по объему, но крайне разнообразно по стилю и тематике. Основными жанрами его творчества являются роман, миниатюры, рассказы. Много внимания Ахмед Темболатович уделял публицистической деятельности.

Целью статьи стало изучение осетинского фольклора в сугубо реалистическом романе автора и в символических, а иногда даже мистических его миниатюрах.

Осетинский фольклор в тексте романа «Брат на брата»

А.Цаликов в своем единственном романе «Брат на брата» (возможно, не все его произведения до нас дошли) показывает с огромной любовью и приязнью как мелкие, так и важные детали бытового повседневного существования горцев-осетин, национальные особенности их мировоззрения, традиции и обряды.

Ахмед Цаликов активно и умело, с нескрываемым восторгом перед народной мудростью использует в тексте романа осетинские пословицы. Писатель практически дословно переводит их на русский язык, хотя мог бы подбирать аналогичные высказывания из русского фольклора, тем более что это несложно и более понятно русскому читателю. Но цель А.Цаликова – познакомить человека, имеющего весьма приблизительное представление об осетинском фольклоре или не знающего осетинскую народную культуру вовсе, с духовным, бытовым и ментальным миром осетин, со способом их мышления, с уникальностью их взгляда на окружающий мир, поэтому писатель избирает единственно правильный в данной ситуации путь – максимально близкий к оригиналу перевод.

Перечень осетинских пословиц, использованных в романе, весьма объемен, поэтому приведем только некоторые из них: Красивы снега наших гор, но только жгут они ступни ног холодом [17, с. 289]; Башня разваливается от собственного камня [17, с. 357]; Когда смерть приближается к муравью, то у него отрастают крылья [17, с. 361]; Бедный родственник лучше богатого приятеля [17, с. 366]; Быка не спрашивают, когда нужно пахать, иначе и пахать никогда не придется [17, с. 367].

К этому списку следует добавить наиболее часто используемые осетинами проклятия, сохранившиеся до сих пор и весьма распространенные в речи совре-

менных представителей осетинского этноса: Да будет поминальной пищей твоей смерти ослиная голова!.. [17, с. 406]; Да съест тебя болезнь живота [17, с. 351].

Принцип подстрочного перевода А.Цаликов использует и в том случае, когда вставляет в текст романа стихотворение основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова «Вдова с детьми». Это одно из самых популярных произведений классика, ставшее неотъемлемой частью культуры народа и известное современному читателю в поэтических вариантах перевода на русский язык под названием «Мать сирот».

Безусловно, Цаликов мог бы перевести текст в стихотворной форме, но тогда теряется больше смысла в угоду рифме, ритму и другим формальным элементам. Писателю же гораздо важнее была содержательная сторона, как в случае с пословицами.

В тексте романа «Брат на брата» приведены осетинские легенды и притчи.

Одна из них изложена так: «Когда-то и где-то в Азии народ наш осетинский имел свое царство. И царем был старик. А у старика был сын. И восстал сын против отца. И началась между ними война... Наконец, отец победил сына. Сын вместе со своими сторонниками бежал на Кавказ. Но отец, видя, сколько зла наделал сын, проклял его вместе со всеми теми, кто бежал с ним. И проклятие царя-старика было таково: «Да будет вечная междоусобная брань в потомстве вашем, из рода в род! Да не будет у вас никогда единого языка! Да восстанет брат на брата, сын на отца!» И постигло нас это отцовское проклятие... Постигло...» [17, с. 323].

Эта легенда интересна тем, что говорит не только и не столько о разобщенности осетинского народа, о его разделении на несколько крупных диалектных групп, о наличии внутри осетинского этноса мусульман, христиан и язычников, сколько о силе жанра, о котором уже было сказано выше: жанра проклятия. Причем, старший проклинает младшего, что достаточно жестоко. С другой стороны, обратный вектор в традиционном осетинском обществе вообще немыслим. Легенда связана с событиями, которые происходят вокруг главного героя романа, когда он возвращается из России: осетинский народ, по легенде, был проклят и обречен на междоусобицу. Эту междоусобицу ему и пришлось наблюдать в реальности.

Вторая легенда, больше похожая на сказку, очень напоминает подобные фольклорные истории, встречающиеся практически у каждого народа. Нельзя не отметить, что подобные истории представители разных диалектов внутри осетинского этноса рассказывают друг о друге. Считается, что изначально человек в такого рода сказках обманывал животное, но потом, после появления христианства или иной религии, место лесного жителя занял черт или другое мистическое существо: «Вышел в поле дигорец косить траву. Ан и черт тут поодаль... Сделал себе деревянную косу и тоже косит. Тогда дигорец сорвал несколько лоз и крепко перевязал себе ноги и продолжает косить. Смотрит – и черт сорвал лозы и тоже перевязал себе ноги. Дигорец быстро перерезает косой лозы, которыми связаны его ноги, и кидается к черту. Черт пытается тоже перерезать свои лозы деревянной косой, но ничего не выходит. Хочет бежать, но дигорец его ловит. И стал черт батраком дигорца. Так если дигорцы черта надули, почему же им не надуть осетинский народ?» [17, с.341].

Третья легенда еще более поздняя, она носит открыто социальный характер и связана с образом народного мстителя и защитника, который у многих этносов является одним из любимых фольклорных героев. Достаточно назвать имя Робин Гуда.

«Жил когда-то крепостной одной родовитой осетинской семьи по имени Чермен... Храбрый был человек Чермен, и обидели его. Однажды, во время его отсутствия, члены его рода поделили между собой землю. Но о Чермене забыли... Наступает время пахоты. Члены рода запахали землю. Каждый свой кусок. Пошел Чермен в поле, облюбовал себе участок. Запряг в плуг волов и перепахал поперек тот участок, который облюбовал. Вот и началась тут у Чермена борьба за землю с его обидчиками... Он убивает одного, другого, третьего. И члены рода пускаются на хитрость. Мирятся с Черменом и ждут удобного случая. Едут однажды вместе с Черменом в набег, в Кабарду. Останавливаются. Предлагают Чермену взобраться на дерево и обозреть местность. Оставляет Чермен оружие под деревом, а сам лезет вверх. Тут и убивают его. Народ сложил песню в память Чермена. Его именем и воспользовались несколько молодых дигорцев и создали партию «Кермен» [17, с. 341-342].

Этим керменистам и посвящена последняя из присутствующих в тексте романа легенд: «Собрались однажды деревья в лесу и держат совет. Как им быть с врагом – железным топором. Рубит он их да и рубит. Скоро уж от леса ничего не останется. Машут ветвями деревья да изрыгают проклятья: «Этот железный топор – убийца, да будь он проклят!...» И говорит им дуб: «О, глупые... Зачем клянете вы железо топора... Ведь это железо подымается и опускается потому только, что в нем есть топориче. А топориче – то ведь – наш брат...» [17, с. 400-401].

Две последние легенды напрямую связаны с появлением новых для осетин общественно-политических движений. Легенда о Чермене, популярном народном герое, связана с объяснением того, почему керменисты выбрали именно его имя для приобретения популярности у населения Осетии. А легенда о топоре позволяет сказать, что А.Цаликов обвиняет во всех бедах, случившихся с осетинами, не только русских и Россию, но и своих соплеменников, которые позволили использовать себя в политических и иных играх, не всегда идущих на пользу родине.

Использованные А.Цаликовым легенды разнообразны. Они нужны автору не только для того, чтобы оттенить определенные смысловые и философские грани жизни своего народа, но и для того, чтобы показать красоту, глубину, оригинальность мировосприятия осетин: они мудры и понимают, что разобщенность для них губительна; они жизнерадостны, остроумны и способны даже черта обмануть, если это понадобится; они унижены и мечтают о таком защитнике, как Чермен; они винят в своих бедах самих себя, своих братьев, соплеменников, что не может не вызывать уважения.

В романе «Брат на брата» А.Цаликов показывает, что осетины красиво поют. Их героические песни уносят человека от суеты сегодняшнего дня, и при звуках этих песен «сердце охватывает жажда подвига» [17, с. 334], смерть перестает быть страшной.

В связи с песнями А.Цаликов выделяет жителей Куртатинского ущелья, владеющих этим искусством лучше обитателей других ущелий. А.Цаликов сравнивает пение куртатинцев с морским прибоем, то поднимающимся, то опускающимся. А тоненький фальцет запевалы напоминает автору стрелу, пущенную из лука в небо сильной рукой воина [17, с. 333].

Осетинский танец описан Цаликовым изнутри, от первого лица. Это не оставляет сомнений в том, что сам писатель владел искусством танца в совершенстве, иначе он не смог бы так точно и умело описать ощущения кавказского мужчины, захваченного волной ритмических движений. Цаликов показывает, что танец

делает человека максимально свободным, пылким, не признающим преград, легко и смело глядящим в лицо смерти.

Звуки, которые издают страстно танцующие кавказские мужчины, вырываются из их груди непрочно. О знаменитых подвернутых носках Цаликов говорит, что они «вонзаются» в землю. Руки же, как крылья, поднимают мужчину высоко над поверхностью. Танец сравнивается с экстазом, с опьянением. Во время этого действия от избытка чувств свидетели особенно удачного и красивого танца палили из огнестрельного оружия, чтобы поощрить танцующих. Кстати, этот обычай отражен в графических работах этнографа и художника М.Туганова.

Очень трудно описать словами то, что должно быть увидено, но Цаликов использует свой талант писателя, чтобы адекватно передать, к примеру, характерную для кавказского танца особенность: статичность туловища при максимальной подвижности ног: «Тонкая талия, охваченная ремнем, вытягивается, и мне кажется, что туловище мое связано в талии с ногами только нитью, которая вот-вот может оборваться, а ноги мои получают особое самостоятельное бытие. Будто разум переселяется в концы пальцев, и он-то их толкает в ослеплении счастья и порыва на самые причудливые комбинации» [17, с. 315].

Новым для писателя танцем, удивляющим его и явно не очень для него привычным, был танец религиозного типа, соединенный с молитвой Аллаху. Этот танец, сопровождаемый чтением священной книги, делает лица его участников бледными, а глаза наполняет фосфорическим фанатичным блеском. Тела танцующих дрожат от напряжения, их головы писатель называет «отуманенными дурманом». В том, как описывается танец, чувствуется если не неприятие, то некоторое неодобрительное удивление перед чем-то пугающим: «Но вот слова умолкают, и люди, взявшись за свои носы, издают какие-то хриплые звуки. Потом стоящие в кругу начинают выбивать дробь ногами и, неистово взвизгивая, с ожесточением хлопают в ладоши в такт какой-то лезгинке» [17, с. 381].

Фольклорная основа миниатюр А.Цаликова

А.Цаликов в совершенстве владел родным языком. Блестяще знал нартовский эпос, предания и легенды, осетинские героические песни, пословицы и поговорки, переводил их и вводил в свои многожанровые публицистические статьи, в художественные произведения. Эпические и эстетические идеалы народа, отраженные в фольклоре, вошли в ткань его миниатюр, определили вкусы и пристрастия художника.

Все творчество Цаликова пронизывает мотив одиночества. В осетинском фольклоре, как ни удивительно, значительное место занимают произведения о судьбе Одинокого, о его доле. Достаточно вспомнить вариант «Сказания об Одиноком», записанный народным художником М.Тугановым в 1901 г. Представление о доле Одинокого передано через судьбу одинокого дерева: «Среди равнины одинокое дерево – и оно бедное! И солнце его непомерно греет, и зноем палит, и река от него подальше течет...» [6, с.127]. Природа: луч солнца, листок клена, журавли – выдают убийцу Одинокого. Окружающий мир одухотворен и, как живой, выполняет предсмертную волю Одинокого отомстить за него.

Конечно, с некоторой натяжкой, но можно говорить о том, что даже сугубо романтический мотив одиночества мог иметь некую фольклорно-этническую составляющую для А.Цаликова. Мотив Одинокого именно с этнической и эпической его сторон полно разработан уже в начале XXI века А.Черчесовым в романе «Реквием по живущему».

Использует А.Цаликов представления осетин о сакральных предметах, в частности, о мече. Известен культ бога-меча у скифов. В коротком мече (акинаке) отразилось почитание древнего божества, функционально тождественного индоевропейским и индоиранским божествам грозы, бури и ветра. Данные осетинской этнографии дают массу примеров древних представлений о мече. Поклонение мечу в прошлом отмечалось у некоторых осетинских семей уже давно и неоднократно. Известно святилище «Цыргъы дзуар» – святилище острия, ножа, клинка [3, 11, 13, 16, 19].

Национальная символика, связанная с мечом, активно используется А.Цаликовым в миниатюре «Последний отдых»: «Мой меч... Тяжелый меч бойца – сломан... И шлем, мой крепкий шлем – разбит... Там, где поле битвы усеяно костями павших в неравном бою, – лежит труп моего коня... Еле живой, в крови я приполз к башне... И здесь мой последний приют... И здесь мой последний отдых...» [17, с. 26].

Меч, конь, башня всегда имели сакральное, символическое значение, аланская национальная культура немыслима без этих предметов. В нарттовском эпосе мы встречаем поражающее воображение современного читателя сказание о том, как появился первый конь: «Все это время мать Хамыца и Урузмага оставалась в склепе без присмотра. Воспользовавшись этим, Уастырджы отомстил ей. Пока Хамыц и Урузмаг искали себе жен, в одну из ночей он вошел в склеп и вначале сам побыл с матерью Хамыца и Урузмага, а потом пустил своего трехногого коня и борзую. Мертвая женщина забеременела и через десять месяцев у нее родились девочка, жеребенок и щенок» [9, с. 11].

Сказания нарттовского эпоса подтверждают важную роль, которую играл конь в повседневном быту древних, обладая при этом целым рядом сказочных, сверхъестественных свойств. В.И.Абаев в книге «Нарттовский эпос осетин» отмечает, что для мифологических представлений совершенно обычно и в порядке вещей, что первый земной конь произошел от небесного коня [1].

Историю появления меча мы также находим в эпосе.

Интересен один факт из жизни А.Цаликова, напрямую связанный с образом меча.

В осетинском фольклоре сохранились повествования о событиях XVIII века, в частности, о посольстве осетин к русскому царю. Мужество возвращающихся домой куртатинцев и вероломное нападение на них кабардинцев описано в десятках фольклорных произведений. Певцы называли имена, фамилии послов, селения, откуда они родом, подробно описывали, как они действовали в бою. Далекий предок А.Цаликова – Дзадже Цаликов получил задание вступить в бой, так как у него был меч, сделанный из небесного камня. Этому герою посвящены отдельные сказания. «Кузнец выковал для Дзадже меч из того камня, что упал с неба, и слава об этом мече, который резал железо как тонкий волосок, распространилась далеко за пределы Куртатинского ущелья. Кабардинский князь готов был отдать за него табун коней с табунщиком и выдать дочь замуж за сына Дзадже. Но Цаликов ничем не соблазнился. А в день битвы с кабардинцами меч сослужил ему верную службу. Не хотел Дзадже оставлять его врагам и сунул в ось колеса, чтобы сломать, но это не удалось сделать, и он бросил его далеко в бурьян. Но кабардинцы подожгли бурьян и нашли меч... Один из певцов утверждает, что позже он нашел этот меч у кабардинца Татаркана Дохчукина и сумел передать Цаликовым их фамильную реликвию» [14, с. 135-137].

В исторической песне описано мужество одного из предков писателя А.Цаликова: «Ой, будь в раю, Цаликов отважный Дзадже, твоя шашка рассекала кабардинских богатеев знатных». В другом сказании Дзадже Цаликов вынул из ножен свой чудесный меч со словами: «Если на острие его появится кровь, то, значит, приближаются к нам недруги, если же оно останется чистым, то приближаются друзья». На острие появились багряные капли, знаменующие появление врагов» [14, с. 138]. В одном из вариантов Дзадже Цаликова и Ацамаза Колманова называют «ма цаугæ хох, ма лаугæ масыг (моя идущая гора, моя стоящая на месте крепость (башня), т.е. опора)» [14, с. 138].

Использованные А.Цаликовым в миниатюре «Последний отдых» этнические образы (труп коня, сломанный меч) свидетельствуют о гибели самых ценных в жизни осетин атрибутов, и сам герой «еле живой, в крови...» приползает к башне, к «последнему приюту» своему. Именно башня – это то, без чего не мыслилась ни одна осетинская фамилия. Башня для предков осетин – прежде всего оборонительное сооружение, но это еще и дом, крепость. Башни – это свидетельства уникальной материальной культуры осетинского народа. О последовательном уничтожении осетинских башен упоминает Коста Хетагуров в этнографическом очерке «Особа» [15]. Он пишет, что в Нарской котловине, да и во всей Осетии, нет ни одной сохранившейся в целостности башни; все они были разрушены по распоряжению русского правительства.

На родине, где находится фамильная башня, для героя миниатюры «Последний отдых» и небо чистое, родное, и звезды большие, манящие, и лес вдали задумчив, и откуда-то доносится шум потока. Это дом, где все родное и близкое. Возвращаясь на землю своих предков, герой находит свой последний приют, последний отдых.

Миниатюру «Последний отдых» можно назвать одной из самых национальных. Текст насыщен национальной (аланской) символикой: меч бойца, без которого не мыслится культура осетин; труп коня, что сопровождает своего хозяина даже в загробной жизни (достаточно вспомнить обряд посвящения коня покойнику), и, конечно, башня, под которой понимается фамильная башня осетин. Для лирического героя башня – это оплот всего ценного в жизни, здесь его «последний отдых», «последний приют». И только на родной земле он находит успокоение. Герой обессилен, он «еле живой, весь в крови» приползает к башне, и ему слышится шум реки, символизирующий время на разных его этапах: сначала оно «светлое, манящее», затем оно «задумчиво-прекрасное», но в обеих фазах оно остается для лирического героя «недоступным и неразгаданным».

Башня встречается и в миниатюре «Звезда счастья». Здесь она тянет героя вверх, к небу, она служит ему лестницей к мечте, к недостижимому [17, с. 24].

Заключение

А.Цаликов, используя в романе осетинские пословицы, поговорки, причитания, проклятия и так далее, не подбирает максимально похожие соответствия в русском народном творчестве, а дословно переводит на русский язык осетинские высказывания, чтобы максимально точно и тактично зафиксировать особенности взгляда на мир представителей своего родного этноса.

Текст романа «Брат на брата», это совершенно очевидно, предназначен для русскоязычного читателя, не знакомого с осетинской культурой изнутри, отсюда постоянные пояснения, уточнения, «расшифровки» А.Цаликова, призванные помочь читателю понять дух и ментальность чужого этноса.

Писатель пытается передать особенности осетинских песен и танцев, хотя это практически невозможно сделать с помощью слов, потому что эти явления человеческой жизни из разряда тех, что лучше один раз увидеть или услышать самому, чем воспринять через чьи-то рассказы.

А.Цаликов в совершенстве владел родным языком. Блестяще знал нартовский эпос, предания и легенды, осетинские героические песни, пословицы и поговорки, переводил их и вводил в свои многожанровые публицистические статьи, в художественные произведения. Эпические и эстетические идеалы народа, отраженные в фольклоре, вошли в ткань его миниатюр, определили вкусы и пристрастия художника.

Использованные А.Цаликовым этнические образы свидетельствуют о гибели самых ценных в жизни осетин атрибутов.

Если в реалистическом тексте А.Цаликов ставит перед собой задачу почти научную, этнографическую, пытаясь максимально точно, достоверно передать культурные явления, дорогие осетинскому народу, важные для него, то в миниатюрах, отличающихся глубокой лиричностью, эмоциональностью, мистической настроенностью, этнографические моменты выглядят неявными, расплывчатыми и растушеванными. А.Цаликов однозначно не намеревался придавать этим миниатюрным шедеврам национальную окрашенность, это происходило, по-видимому, бессознательно, что говорит о глубоком проникновении традиционной осетинской ментальности в мировоззренческие парадигмы Ахмеда Темболатовича. Ни русская, ни европейская культуры не смогли уничтожить того этнического фундамента, который сформировал талант осетинского автора.

Список литературы

1. Абаев В. Нартовский эпос осетин // biblio.darjal-online.ru/text/Abaev-V_I/index.rus.shtml
2. Айдын-Туран М. Цаликов Ахмед // Мах дуг. 1997. №4.
3. Газданова В. Золотой дождь: Исследование по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.
4. Гутнов Ф. Века и люди. Владикавказ: «Ир», 2004. С.125-126.
5. Джикаев Ш. Жизнь – путь подвижничества и долга // «Литературная Осетия». 1988. №72. С.72-74.
6. Джикаев Ш. Древний быт и мировоззрения осетинского народа. Миф. Фольклор. Ритуал. Владикавказ: СОГУ, 2009.
7. Мецаев Э. Ахмат Цаликов. Социалист и патриот // «Владикавказ». №71 (537) от 26 сентября 2007 г. С.6.
8. Мзоков А. Ахмед Цаллыккаты // «Дарьял». 1995. №4. С.43-44.
9. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989.
10. Салагаева З. Ахмед Цаликов // А.Цаликов. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 417-502.
11. Уарзиати В. Избранные труды. Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ: Проект-пресс, 2007. С. 180.
12. Фидарова Р. Художественный мир Цаликова // Вестник СОГУ. 2011. №3. С. 262-265.
13. Хадикова П. Традиционный этикет осетин. С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургского университета. 2003.
14. Хамицаева Т. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе. «ИР». 1973.
15. Хетагуров К. Особа. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие. им.В.Гасиева, 2012 г.

16. Цагараев В. Золотая яблоня нартов. История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гасиева, 2000.
17. Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002.
18. Чеджемов С. Ученый. Просветитель. Гуманист. К 125-летию со дня рождения А. Т. Цаликова // «Северная Осетия». 2007. 26 сентября.
19. Чибиров Л. Традиционная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ «ЖАЛОБА» В РАМКАХ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бредихина Ю.И.

ведущий специалист отдела социальной помощи и поддержки населения,
Комитет труда и социальной защиты населения администрации г. Ставрополя,
Россия, г. Ставрополь

В настоящей статье анализируются конститутивные признаки речевого действия «жалоба» в качестве неотъемлемых элементов реализации адекватного иллокутивной цели перлокутивного эффекта в пограничном дискурсе социальной работы. В статье описываются конкретные языковые средства интенсификации и нейтрализации высказывания с привязкой к подтипам исследуемого речевого действия. Подчеркивается исключительная важность учета «концептуально-валерной системы продуцента» в выборе стратегий, тактик и конкретных языковых средств в построении высказывания.

Ключевые слова: дискурс социальной работы, перлокутивный эффект, иллокутивная цель, речевой акт «жалоба», нейтрализация информативности.

Объектом настоящего исследования являются основные конститутивные признаки речевого действия «жалоба» в пограничном типе дискурса социальной работы, способствующие реализации адекватного перлокутивного эффекта, т.е. вызывающие адекватную реакцию сотрудников социальных служб. Речевое действие по выражению жалобы в дискурсе социальной работы относится к числу одного из самых сложных речевых актов, по причине неоднозначности и базовых векторов реализации дискурсивных практик, подчиняющихся как политико-социально-идеологическим, так и организационно-профессиональным факторам, и трихотомической дифференциации иллокуции социально-значимых и личностных компонентов в рамках модели «социальный работник – клиент – социальная служба», в то же время оно весьма частотно в данном типе дискурса, и обладает уже сформированной этикетной спецификой в различных лингвокультурах.

Жалоба является особым речевым действием, направленным на достижение специфического перлокутивного эффекта, реализуемого как в рамках личностно-ориентированного компонента коммуникации в социальной сфере, где по сути отсутствуют четкие ограничения в формальном и содержательном представлении, так и в компоненте институционального инкоативного общения (при письменном обращении граждан в форме свободного или открытого письма), где гораздо выше степень ритуальности.

В речевом действии «жалоба» присутствует ряд конститутивных признаков, которые не только отличают его от сопутствующих речевых действий в рамках речевого жанра «обращение», но и представлен неоднородными и неоднозначными по степени реализации перлокутивного эффекта образованиями, распадающимися

на отдельные структурные типы, эксплицируемые разноуровневыми единицами речи.

Прежде всего необходимо отметить сами конститутивные признаки речевого действия «жалоба», которыми являются:

1) когнитивное действие осознания «клиентом»-продуcentом нарушения собственных прав со стороны того или иного социального служащего или административного работника (чаще всего это является причиной составления более регламентированной жалобы в письменной форме); или же попытка представить свое «бедственное» положение (в данном случае это ведет к появлению большего количества личностно-ориентированных элементов в письменном или устном обращении).

2) иллюкутивная цель информирования социальных служб или органов администрации об акте данного осознания и положении дел;

3) иллюкуция на эмоциогенность речевого действия с целью вызвать желаемый перлокутивный эффект (сочувствие, исполнение просьбы и т.п.);

4) в качестве сопутствующей цели можно признать конфликтогенизацию речевого действия с целью наказать того или иного «виновника» в сложившейся ситуации;

5) реализация фатической функции по привлечению внимания со стороны социальных служб с целью получения (иногда в рамках эффекта запугивания и конфронтации) особого статуса;

6) интенсификация перлокутивного эффекта в рамках неоднократного подчеркивания сложившейся ситуации и эмотивизации высказывания.

В качестве основы речевого действия «жалоба» можно предположить наличие интенции «клиента»-продуcentа к вербальной экспликации различных когнитивных речевых стратегий: а) просьбы о помощи; б) просьбы о сочувствии; в) просьбы о понимании; г) просьбы о наказании виновника сложившейся ситуации.

Можно выделить несколько вариантов речевых тактик в речевом акте «жалоба» в исследуемом типе дискурса, при этом функциональные различия данных вариантов обуславливаются статусными характеристиками коммуникантов а также целями и стратегиями, в личностно-ориентированном компоненте коммуникативного целого конкретные различия информативного характера могут нейтрализоваться.

В зависимости от ситуации семиозиса, а также отношений контркоммуникантов и третьих лиц, описываемых в рамках речевого сообщения, мотивов, целевых установок и «когнитивно-валерной системы продуcentа» [2, с. 642] продуcent использует целый сонм языковых средств для интенсификации воздействия или, наоборот, в рамках его нейтрализации или смягчения. Данные средства достаточно часто ведут к тому, что «смысловое восприятие единиц текста и, следовательно, смысловое восприятие тех или иных отрезков речевой цепи периодически затрудняются» [1, с. 15], что повышает внимание реципиента к излагаемой проблеме посредством многократного возвращения к данному пассажи. Средствами интенсификации в устном сообщении могут служить не только вербальные: лексические и синтаксические повторы, средства языковой игры и использование устойчивых выражений, вокативы, упоминания в рамках конфликтогенизации высказывания третьих лиц и т.п., но и просодические элементы; для смягчения или нейтрализации в основном используются маркеры модальности и грамматические элементы нивелировки конфликтогенов и категоричности, например, сослагательное и условное наклонение.

Степень экспликации эмоциональности и конфликтности или, наоборот, тактичности и гармонизированности коммуникации, определяется зачастую нормами

лингвокультурного сообщества, его общей «концептуально-валерной системой» [2, с. 640], выбор способов и средств вербализации интенсивности или нейтральности в каждой конкретной ситуации обусловлен также и целым рядом социолингвистических и прагматических факторов, например, личностной «концептуально-валерной системой продуцента», возводящей предмет жалобы и собственные интересы в абсолют, «при концептуализации понятия и реализации релевантных нозм различных типов в суперструктуре смысла главнейшим условием является интенциональность» [1, с. 12] – намерения привлечь к себе внимание и наказать «виновника» и т.д.

Вербализация иллюкутивных целей в рамках прогностического ожидания в речевом акте «жалоба» в пространстве пограничного дискурса социальной работы на стыке социально-ритуального вида институционального типа и бытийного вида личностноориентированного типа может быть реализована экспрессивными и эмоциональными, аксиологическими единицами, , при этом отмечается чрезвычайно высокая частотность использования конструкций экспрессивного синтаксиса (зевгма, эллипс, полисиндетон, синтаксический параллелизм). В рамках некоторых специфических подтипов жалобы, например, с целью прогностического ожидания «понимания», нередко конвергенция средств различных уровней, что не только обеспечивает чрезвычайно высокую эмоциональную нагруженность, но и «предполагает наличие оппозиции «фактуального/концептуального смысла» [2, с. 642], нередко порождающего высокую конфликтность высказывания. Реализация перлокутивного эффекта по «наказанию виновного» влечет за собой частотное употребление таких лексических средств как интеръективы и релятивные конструкции, эпитеты, а также восклицательные директивы. В каждом случае, вне зависимости от подтипа целевой установки «жалобы» в ней эксплицируется отрицательная аксиологическая характеристика ситуации.

Данные языковые средства, однако, чаще всего нивелируются в инкоативном институциональном типе официального запроса или обращения, здесь в рамках социально-ритуальной коммуникации отмечается преобладание сложных синтаксических структур, пассивных конструкций, инверсий. Достаточно частое использование аллюзий и цитат, обращений к административным документам и терминологии призвано обеспечить точность и структурированную содержательность коммуникации, в экспликации целевой установки продуцента сообщения на побуждение органов администрации и социальных служб к выполнению того или иного действия. При привлечении к интенсификации высказывания описанных выше единиц, предмет описываемой в жалобе ситуации начинает действовать в рамках определенных моделей, который «располагаются в вертикальной оси координат “Прототекст – Текст – Метатекст”» [1, с. 12].

Как правило каждое из используемых речевых средств реализации специфических перлокутивных эффектов речевого действия «жалоба» в дискурсе социальной работы несет информацию с негативной аксиологической коннотацией об источнике неблагоприятного воздействия, имплицитно в тех же средствах просьбы о помощи и ожидание наказания «виновника» собственного «бедственного положения».

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных нозм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 12-15.

2. Бредихин С.Н., Вартанова Л.Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-3. С. 639-643.

3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые жанры и социальные роли // *Русский язык в контексте современной культуры: тез. докл. междунар. науч. конф.* (Екатеринбург, 29-31 октября 1998 г.). Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 73-74.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАЦИИ В РЕКРУТИНГЕ ВОЛОНТЁРОВ

Вандышева Л.В.

доцент теории и технологии социальной работы, к.п.н., доцент,
Национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва,
Россия, г. Самара

Статья посвящена недостаточно изученному аспекту – коммуникации в организации волонтеров. Внимание автора сосредоточено на особенностях коммуникации на этапе рекрутинга. Отмечается, что эффективность рекрутинга определяется специальной подготовкой рекрутеров.

Ключевые слова: рекрутинг, коммуникация в организации волонтерства, этапы организации волонтерства, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Проблематизация коммуникации в организации волонтерства представляется не случайной, поскольку, именно ее эффективность определяет качество отбора волонтеров и, соответственно, результативность мероприятий, в которые они вовлечены. В настоящее время широко развивается спортивное волонтерство, предполагающее различные волонтерские позиции, функции и т.д. Выделяют основные этапы организации волонтерства: «Планирование»; «Привлечение, набор и отбор волонтеров»; «Обучение волонтеров»; «Документоведение»; «Поддержка и сопровождение волонтеров»; «Оценивание волонтеров».

В фокусе нашего научного интереса находится этап, связанный с отбором волонтеров. Суть этого этапа заключается в организации работы с мотивацией потенциальных волонтеров. Мотивация понимается как процесс стимулирования кого-либо (отдельного человека или группы людей) к деятельности, направленной на достижение целей (М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хэдоури). Мотивы можно определить как внутренние побудители волонтеров. Поэтому во многом от мотивации зависит эффективность выполнения поставленных перед волонтерами задач.

Анализ научной литературы свидетельствует о значительном исследовательском интересе к проблеме мотивации волонтеров (М.С. Горбулева, У.П. Косова, Т.Г. Нежина, К.Н. Никитина, К.А. Петухова, К.И. Хаджиалиев, Е.И. Шуваева и др.). В свою очередь на основе пилотажного опроса студентов мы условно выделили волонтеров «альтруистов», «тусовщиков», «карьеристов» [2].

На заявленном выше этапе организации волонтерства, как самостоятельно, так и в комплексе используют методы – собеседование, анкетирование, тестирование, наблюдение. Собеседование представляет собой официальную непубличную беседу представителя волонтерского центра с кандидатами в волонтеры. Этот метод помогает диагностировать кандидата, то есть в полной мере выявить не только его мотивацию, но и компетенции, нужные для функционала.

В спортивном волонтерстве прочно утвердился тождественный

собеседованию термин «рекрутинг». Характеризуя рекрутинговый дискурс, Ю.В. Агеева выделяет в качестве системообразующих черт следующие: доминирующая роль рекрутера в диалоге при общем позитивном настрое, обоюдное целеполагание, четкий хронотоп, ритуализированный характер общения, наличие «межинституциональных» признаков [1, с. 14.]. Эффективность коммуникативного поведения рекрутера определяется умением комбинировать разного типа тактики, вербализуя их с помощью актуальных языковых средств, а также способностью определения подготовленных, социально-одобряемых ответов кандидата в волонтеры.

Для успешного проведения собеседования важно, чтобы и волонтер был к нему подготовлен. Для него доминирующей коммуникативной стратегией является стратегия самопрезентации. Исследователь Ю.В. Агеева, изучая коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе, в репертуар данной стратегии включает тактики самоопределения и косвенно самопрезентирующие тактики (при преобладании тактик второго типа), что продиктовано спецификой российского менталитета и особенностями деловой коммуникации. Речевое поведение кандидата характеризуется как «конструктивное манипулирование» – неявно выраженное речевое воздействие на рекрутера как активного коммуниканта с целью склонить его к решению, выгодному для кандидата. При этом кандидат стремится сохранить позитивный характер коммуникации. Ю.В. Агеева подчеркивает, что эффективность реализации стратегии коммуникации кандидата зависит от его умения балансировать между аутентичной скромностью и позитивным самопредставлением [1, с. 10-11.].

В свою очередь анкетирование позволяет получить общую информацию о волонтере (наличие у него волонтерского опыта, мотивы участия в волонтерстве и т.п.). Тестирование направлено на составление характеристики потенциального волонтера, его готовности к выполнению конкретного функционала. Наблюдение позволяет увидеть потенциального волонтера в действии, скорость его реакций, особенности общения с другими людьми и т.п. Как правило, этот метод используется для получения дополнительных данных о кандидате. Наблюдение, осуществляемое во время рекрутинга, позволяет конкретизировать уровень стрессоустойчивости, коммуникабельности кандидата в волонтеры. Кроме этого на этапе отбора волонтеров используется прием «презентация», когда координатор проводит для потенциального волонтера экскурсию, во время которой знакомит его с деятельностью организации, с сотрудниками и особенностями их работы. Подобное ориентирование потенциального волонтера на месте предполагаемой работы позволит ему утвердиться в правильности выбранного функционала или отказаться от работы.

Организация волонтерства на заявленном этапе во многом определяет успешность реализации тех или иных волонтерских акций, а также мероприятий, на которые волонтеры проходят отбор. Прохождение этого этапа становится основанием для перехода к следующему.

Результаты собственного исследования представим в реферативно-методическом ключе. С целью составления характеристики коммуникации в рекрутинге использовали метод анализа документов и экспертный опрос.

Во время подготовки Универсиады (Казань, 2013) рекрутеры проходили специальную подготовку. Подготовленные волонтеры должны были составить

«наследие Универсиады». Так, экспертный опрос показал, что рекрутеры Универсиады являются «костяком» организации последующих спортивных мероприятий.

В процессе обучения рекрутеров Универсиады была подготовлена «Книга рекрутера» (объем 66 страниц). Содержание пособия направлено на помощь рекрутерам эффективно реализовать свой функционал. Выявлены коммуникативные стратегии «оценивание» и «информирование». Среди принципов рекрутинга выделены: корректность, ответственность, объективность в оценке, позитивность.

Деятельность рекрутера регламентируется процедурами: изучение анкеты кандидата в волонтеры, приглашение его на интервью. При этом приглашение носит формальный характер, т.е. в пособии прописан текст, который рекрутер зачитывает во время приглашения кандидата. Приглашение позволяет решить задачи приветствия, представления и определения продолжения или прекращения общения. Рекрутеру предлагаются два варианта сценария приглашения: если разговор в данный момент удобен кандидату и, если нужно отложить разговор на другое время. Если кандидат готов к общению, то рекрутер использует тактики: «представление», «благодарность», «информирование», «договоренность», «предупреждение», «обратная связь», «повтор», «прощание». Можно говорить о том, что наличие шаблона текста позволяет рекрутеру придерживаться правил речевого этикета, сообщить необходимую информацию и избежать возможных коммуникативных неудач.

На этапе – интервью – выделены следующие этапы:

1. Приветствие кандидата, взаимное представление, знакомство.
2. Обсуждение цели встречи, определение ее продолжительности по времени.
3. Собственно интервью (вопросы) относительно мотивации кандидата и обладания набором компетенций.
4. Рассказ об Универсиаде 2013, видах и типах волонтеров, их задачах и функциях.
5. Ответы на вопросы, возникшие у кандидата в ходе интервью.
6. Благодарность за встречу, информирование о дальнейшем взаимодействии.

Коммуникативная стратегия «оценивание» сводится к оценке мотивации и компетенции (коммуникабельность, стрессоустойчивость, проактивность, организованность, командность) кандидата. Оценивание осуществляется с помощью таких методов, как: проективные вопросы, кейсы, сравнительный анализ, STAR, модель успеха/неудачи, выявление дезинформации. Иными словами, коммуникативная стратегия «оценивание» направлена на получение объективных данных и не исключает адресного подхода, персонального рассмотрения кандидатов. Коммуникативные стратегии «оценивание» и «информирование» реализуются с момента приглашения кандидата на интервью и завершаются подсчетом оценок.

Поскольку организация Чемпионата мира (2018 г.) осуществляется в настоящее время, то документы, позволяющие сделать выводы о коммуникации в рекрутинге, представляют определенную секретность. Именно по этой причине проведенный нами анализ памятки «Проведение интервью» и «Формы для проведения интервью» представим в обобщенном варианте.

В первую очередь отметим, что интервью с кандидатами в волонтеры на Чемпионат мира по футболу так же, как и на Универсиаду, проводятся строго по инструкции. Анализ документов позволяет составить представление о рекрутинге как о процессе, имеющем четкий алгоритм действий, сопровождаемый конкретными коммуникативными тактиками и приемами.

Контактная коммуникация в рекрутинге, по данным экспертного опроса, ограничена ролями коммуникантов, когда рекрутер стремится к поддержанию согласия, информируя кандидата о его функциональных возможностях. Диалог в рекрутинге носит информационный характер. Непосредственная коммуникация в рекрутинге осложняется тем, что рекрутер должен одновременно с общением вести записи.

Таким образом, характеризуя коммуникацию в организации волонтерства, отмечаем, что она представляет собой, прежде всего, непосредственную коммуникацию, осуществляемую по стандартам делового общения. Наличие конкретных речевых клише, коммуникативных стратегий и тактик, отраженных в соответствующих методических материалах, предназначенных для рекрутеров, повышают эффективность коммуникации и увеличивают вероятность правильности в отборе кандидатов в волонтеры. Рекрутеры, как правило, представители молодёжи, студенчества, вовлеченные в данный процесс, приобретают уникальный опыт общения с волонтерами, различными по своим возрастным, психологическим, социальным и т.д. характеристикам. Наличие же специально разработанных правил общения, речевых клише и т.п. позволяют рекрутерам избежать коммуникативных ошибок. Отмечаем, что специфика рекрутинга не позволяет в полной мере отразить все слагаемые коммуникативной компетентности. Однако это является вполне обоснованным в контексте задач, решаемых в ходе рекрутинга.

Список литературы

1. Агеева Ю.В. Коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2016. 44 с.
2. Подготовка волонтеров в классическом университете / под общ. ред. Л.В. Вандышевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 168 с.

ИНТЕРМЕДИЯ В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ»¹

Виноградов А.А.

преподаватель, канд. филол. наук,

Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома

Интермедию в пьесе А.Н. Островского «Комик XVII столетия» обычно рассматривают как комическую сценку, смысл которой заключается в воссоздании исторического колорита. Однако драматург не только трансформировал старинный текст, но и значительно усложнил его с помощью приёма «театр в театре». В статье раскрывается своеобразие этого приёма, конкретизируется роль интермедии в композиционном строе пьесы.

Ключевые слова: летопись, текст, комедия, драма, сравнительный анализ, А.Н. Островский, Н.С. Тихонравов, В.И. Резанов.

Принято считать, что пьеса «Комик XVII столетия» написана специально к 200-летию официального открытия театра в России. Так об этом сообщается в собрании сочинений драматурга под редакцией А.И. Ревякина, в полном собрании

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00323.

сочинений и писем под редакцией Г.И. Владыкина. «Музыкальный строй, – уточняет В.Я. Лакшин в своей монографии, – определил и пьесу о первых русских актёрах, написанную Островским к 200-летию юбилею русского театра, – “Комик XVII столетия”» [1, с. 465]. Действительно, пьеса имеет отношение к юбилейной дате, только не прямое, в качестве посвящения (в автографах комедии нет ссылок на 30 октября 1872 г.), а опосредованное. Связано оно с именем профессора Московского университета Н.С. Тихонравова, который именно ко дню основания русского театра планировал издать сборник первых русских и переводных драматических сочинений (в результате появилось двухтомное издание: Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения 1672-1725 годов: к 200-летию юбилею русского театра. СПб., 1874). По всей видимости, в конце 1871-начале 1872 г. он поделился своими планами с Островским, с которым был знаком с 60-х годов. 28 января 1872 г. драматург сообщает Ф.А. Бурдину: «От Николая Савича я получил интересные материалы» [4, XI, с. 385]. «После Вашего отъезда, – писал Тихонравов, – я нашёл документ, на котором я основываю существование списков ролей при Алексее Михайловиче. Вот это место: “1673 года января в 22 день в приказе Галицкие чети окольникову Артемону Сергеевичу Матвееву... магистр Яган Годфрид, что ему надобно на комедию, подал роспись, а в ней пишет: что надобно на комедию: 1-е платья многово нет... 4-е *четыре дести бумаги, написать робятом комедия*”». Из других подробностей доклада надобно заключать, что готовились ко второму представлению Есфири или к первому Иудифи» [2, с. 563].

Вскоре Островский начинает работу над черновым автографом пьесы. После слов: «Чтоб цыгане с голоду пропадали!» – в рукописи имеется запись: «Вставить prologium» [3, л. 27]. На отдельных листах автор выписывает сценку под названием «Цыган и лекарь». Отметим, что старинные интермедии были известны в XIX веке в двух списках. Первый список, хранящийся в Российской национальной библиотеке (СПб.), впервые был опубликован Н.С. Тихонравовым в издании «Летописи русской литературы и древности» (М., 1859); второй список, сначала принадлежащий профессору Киевского университета А.М. Лободе, а теперь хранящийся в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского (Киев), впервые был изучен В.И. Резановым в работе «Памятники русской драматической литературы. Школьные действия XVII-XVIII ст.» (Нежин, 1907), а опубликован Н.К. Гудзием в работе «Украинские интермедии XVII–XVIII столетий» (Киев, 1960).

Выбранная Островским интермедия в обоих списках игралась в рамках пятиактной драмы И. Одровонс-Мигалевича «Стефанотокос» (1742 г.), посвящённой восшествию на престол императрицы Елизаветы Петровны. Содержание сценки «Цыган и лекарь» в первом списке фактически не отличается от киевского варианта: «Цыган голодный во сне видит колбасу, а проснувшись и не нашовши, опять лягнется спать и паки видит и во многих видениях мусит и, аки голодный. После выходит лекарь-немец, которому показывает цыган рот, и лекарь зубы ему вырывает» [6, с. 40]. В издании Тихонравова интермедия имеет заголовок: «Prologium secundum» – то есть просто порядковый номер, тогда как в рукописи Лободы даётся точное указание, что шутливая сценка должна играть «по 1-м явлении действия 3», где «Совесть» и «Надежда» пытаются уберечь «Верность» от «смирения пред Завистью и Злобою» [5, с. 235]. У Островского, который работал с изданием Тихонравова, интермедия играет непосредственно перед представлением «Есфири». «Теперь “Есфирь”?» – спрашивает Михайлов у Грегори. И слышит в ответ: «Сейчас. Пожалуйста, войдите здесь в палату! В минуту всё у нас готово будет»

[4, VII, с. 334]. В драме «Стефанотокос» библейская история о храброй царице составляет четвёртое действие, одно из явлений которого предваряется интермедией «Грек и Барышник».

Не имея под рукой точных данных, Островский, очевидно, ориентировался при выборе интермедии прежде всего на решение своих творческих задач. Поскольку содержание шутильной сценки должно отражать последующие события, драматург усложняет старинный текст вставными конструкциями, то есть использует приём «театр в театре», когда сцена представляет собой одновременно и «сцену», и «зрительный зал». На «сцене» идёт театральное представление (интермедия «Цыган и лекарь»), а публика, находящаяся в «зрительном зале» (Клушин, Грегори, Лопухин), периодически вмешивается в ход театрального действия. Предполагаем, что каждое такое вмешательство играет в структуре комедии определённую роль.

У Островского интермедия начинается с восклицания цыгана: «Чахбей, чахбей!». Однако в обоих списках начало совершенно другое: «Когда ж люди видали...» [Там же. С. 329]. Оригинальное приветствие взято драматургом из предыдущей сценки, когда цыган впервые появлялся на сцене («Proludium primum» в «Летописи...»). Слово «чахбей!» не имеет точного лексического значения, никак не объясняется Островским и воспринимается как междометие; в издании Тихонравова оно звучит иначе: «чхабей!» – что, впрочем, также не проясняет его смысл; а вот в списке Лободы цыган появляется на сцене с другими словами: «Чхаве! Чхаве!» – что значит «парень», «цыган» [7, с. 146]. В этом случае зрители получали ясное представление о том, кто перед ними появился. Впрочем, и вариант Тихонравова Островского соответствует этому критерию благодаря особенному, свойственному цыганскому языку сочетанию в слове глухих и звонких согласных.

В тексте комедии восклицание «Чахбей, чахбей!» повторяется дважды. Между повторами драматург вписывает первую сценку из «зрительного зала»: при появлении печального цыгана Клушин не может удержаться от смеха, а Грегори его оговаривает: «Молчи!». Контраст между настроениями, царящими на «сцене» и в «зале», автор обозначает с помощью уточняющих ремарок и звучных кратких реплик: «Цыган (*печально*). Чахбей!» – «Клушин (*хохочет*). Охо, гого!» [4, VII, с. 329]. В пародийном ключе эта краткая зарисовка напоминает встречу старых друзей в третьем явлении третьего действия комедии. В ответ на доброжелательное приветствие гостя Кочетов, «снимая очки», произносит: «Добро пожаловать, приятель особенный, Василий Фалалеич!» [Там же. С. 342].

После монолога цыгана: «Когда ж люди видали...» – в издании Тихонравова следует ремарка: «Ложится спать, которому показывается колбаса: он зубами ловит и, не поймавше, прохватывается» [6, с. 40]. Островский разделяет эту ремарку на две: 1) «Ложится на лавку»; 2) «Цыган видит во сне сало, ловит его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается» [4, VII, с. 229]. Между этими частями, то есть в то самое время, пока актёр располагается на лавке, вписана очередная сценка из «зрительного зала». «Ну, как не так! – кричит Клушин цыгану. – Приснится, дождайся! Ложись, ложись!». Грегори просит подъячего замолчать, Клушин обещает, но в тот момент, когда цыган повторно «ложится на лавку», нарушает данное слово: «Клушин хохочет. Грегори зажимает ему рот» [Там же. С. 229-230]. Как и прежде, Клушин грубо насмехается над всеми движениями цыгана; однако в тексте третьего явления третьего действия все его насмешки превращаются в покорное согласие с оппонентом. «И вправду так. Винюсь», – произносит он в ответ на «жизненные» утверждения Кочетова [Там же. С. 344]. В этой части интермедии ав-

тор заметно усилил элемент «зрительного зала», причём и в количественном (появляется третья реплика) и в качественном (речь героев более распространена) отношении.

Вся сцена, по ходу которой лекарь выдёргивает у цыгана здоровый зуб, соотносится с текстом XVIII века и не имеет каких-либо вставок со стороны. Очередная реакция зрителей на представление появляется в тот момент, когда цыган оказывается на свободе. В издании Тихонравова «Цыган (*вырывается и с плачем жалуется*): Черта нашов, а не добродия! Я сказал, что наготует, А вин вырвал мне зубы» [6, с. 42]. Трансформируя старинный текст, Островский изменяет ремарку (вместо «и с плачем жалуется» – «воет»), а также добавляет две новые реплики, между которыми вписывает сценку «из зала». Первая добавочная реплика озвучивает изменённую часть ремарки: «Цыган (*вырвавшись, воет*): Ай, ай, ай-ай. Батюшки мои!» [4, VII, с. 332]. Зубная боль, поразившая цыгана, не оставляет Клушина равнодушным; повторяя движение актёра, он «привстаёт», Грегори его оговаривает, но утихомирить беспокойного «зрителя» призван новый персонаж. «Заткните рот ему тряпицей старой!» – приказывает Лопухин [Там же. с. 332]. Вероятно, появление влиятельного лица должно показать, что тучи уже сгущаются над бедной головой подьячего.

Сразу после того как Клушин успокаивается, «на сцене» звучит вторая добавочная реплика: «Слуга (*цыгану*): Присядь-ко, мы ещё дёрнем» [Там же. С. 332]. Издевательское предложение слуги напоминает эпизод в третьем действии, когда Кочетов, получив страшное известие о потешной службе Якова, «садится и закрывает лицо руками» [Там же. С. 351]. Клушин в этой части интермедии фактически предсказывает своё будущее, с той только разницей, что умирая «в зале» от смеха («Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходит!»), он затем чуть не лишается жизни по-настоящему. «Убью тебя, клеветника!» – грозит ему Кочетов в третьем явлении третьего действия [Там же. С. 350].

В обоих списках «Цыган и лекарь» заканчивается словами слуги: «Некрещёный лоб, вшивой паручишко!» [6, с. 42]. У Островского после этой реплики сцена избияния лекаря продолжается, только теперь внимание публики фокусируется на персонажах из «зрительного зала». «Валяй его! Валяй! – кричит Клушин. – Вот так! Прибавь! Прибавь ещё!» [4, VII, с. 333]. Все попытки Грегори урезонить соседа приводят к тому, что Клушин «лезет на подмостки» и едва не становится одним из персонажей сценического действия. Вновь в ситуацию вмешивается Лопухин, Клушина «выталкивают», обозначая тем самым завершение представления «на сцене». Мотив предсказания, обозначенный в прежней вставке, звучит здесь с новой силой. Например, эпизод выдворения Клушина «из зала» в пятом явлении второго действия предопределяет состояние подьячего в конце третьего действия: «Кому жена, да радость, да веселье, а Клушину в чужом пиру похмелье» [Там же. С. 359].

Таким образом, приём «театр в театре», который использовал драматург, вполне соответствует композиционным задачам, решаемым в пьесе:

1) каждое выступление Клушина «из зала» (II действие) соотносится с событиями, которые затем происходят в доме Кочетова (III действие): а) встреча друзей; б) разговор Кочетова и Клушина о жизни; в) страдания по поводу потешной службы Якова; г) обличение клязника;

2) Грегори, предостерегая Клушина от необдуманных действий, выполняет в интермедии античную роль вроде «Верности-Правды». Если бы Клушин прислу-

шался к советам Грегори «в зале», не только не был бы опозорен в третьем действии, но и, вполне возможно, достиг свой корыстной цели;

3) считая Лопухина своим покровителем, Клушин с самого начала комедии неоднократно обращается к этому имени и даже пугает им семейство Перепечиных. Как и Грегори, Лопухин выполняет в интермедии «характерную» роль, на этот раз «Власти, способной применить силу»;

4) грубая речь, свойственная действующим лицам интермедии, по контрасту соотносится с возвышенными монологами персонажей в третьем действии, что так же указывает на подражание античному театру, в данном случае – представлению «Есфирь».

Содержание библейской истории в комедии не раскрывается (встречаются лишь многочисленные упоминания названия и дважды имена главных героев), но для действующих лиц оно не является тайной. Например, одного упоминания об «Есфири» оказывается достаточно, чтобы Кочетов и Клушин стали уважительно относиться к театральной постановке. Между тем в четвёртом действии «Стефанотокоса» разыгрывается настоящая драма: Аман, возненавидев Мордохея, добивается согласия царя Агасфера на издание указа об истреблении евреев; Есфирь, будучи еврейкой, обращается к царю с просьбой о защите «объявляя яко Аман их всех купи серебром на смерть»; узнав, в чём дело, царь приказывает повесить Амана [5, с. 236]. Если рассматривать события, произошедшие в «государевой» палате над аптекой (II действие комедии), во дворце царя Агасфера (четвёртое действие драмы) и в доме Кочетова (III действие комедии), в зависимости друг от друга, то можно заключить, что во всех случаях нарушение морального кодекса (обман лекарем цыгана; Аманом Агасфера; Клушиным Кочетова) приводит к печальным последствиям (лекарь лишается вознаграждения, его бьёт слуга; Амана казнят; у Клушина разрушаются все планы).

Однако Островский не останавливается на том, что порок наказан. После мнимого обличения Натальи и восклицания Татьяны: «Простите, Бога ради! Возьмите с рук, избавьте от стыда!» [4, VII, с. 358] – Клушин самоустраняется, а вот Кочетов, столь рьяно следующий за «Домостроем», неожиданно легко нарушает свои принципы и соглашается сначала на брак Натальи и Якова, а затем и на его «подозрительную» службу. В историческом контексте всё это указывает на идею постепенного отмирания прежних порядков и установления новых. В том, что перемены необратимы, не сомневается Артамон Матвеев, который в эпилоге обращается к собравшимся у Постельного крыльца согражданам: «И в нашем государстве комедию заводит царь великий на пользу нам; народ её полюбит и доброго царя добром помянет» [Там же. С. 363].

Список литературы

1. Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1982. 568 с.
2. Неизданные письма к А.Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932. 744 с.
3. ОР РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 9.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1973-1979.
5. Резанов В.И. Памятники русской драматической литературы. Школьные действия XVII–XVIII вв. Нежин, 1907. 331 с.
6. Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности: в 2 т. М., 1859. Т. II. 119 с.
7. Цыганско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. 191 с.

ДИГИТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Дацко Д.А.

преподаватель, кандидат филологических наук,
Западный филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Калининград

В данной работе рассматривается дигитальная (цифровая) немецкоязычная поэзия. Поднимается проблема искусственно генерированных текстов, а также дается характеристика современного немецкоязычного поэтического дискурса.

Ключевые слова: дигитальная поэзия, немецкоязычный поэтический дискурс, перформанс, медиатехнологии.

*«Интернет сделал для поэзии то же, что сделала для живописи фотография –
освободил от фигуративности, от необходимости изображать и отображать»
Р. Моррис*

Немецкоязычный поэтический дискурс XXI века как составляющая интердискурсивного пространства представляет собой уникальный феномен, обладающий рядом черт, типичных для постмодернистской эпохи: тенденция к нивелированию границ между поэтическим и повествовательным дискурсами, метафоризация концептов, обозначающих явления природы, языковая игра, свободные ритмы, а также ряд особенностей, характерных непосредственно для современной немецкоязычной лирики: амбивалентный характер определенных маргинальных рассматриваемых в современных стихотворениях концептов, репрезентированных из различных сфер (FINANZKRISE, APOKALYPSE, DOPING, ALKOHOL), развитие таких жанров поэтического дискурса, как слэм, дигитальная поэзия, комбинаторная поэзия, спам-поэзия и др. Отдельного внимания исследователей, на наш взгляд, требует дигитальная поэзия. Достаточно часто данное направление называют также цифровой или медийной поэзией, которая представляет собой ответвление цифровой литературы, т.е. созданной при помощи мультимедийных технологий, причем, по мнению немецкой ученой Э. Шмидт, без использования подобного рода технологий «такое произведение теряет свою актуальность и перестает существовать» [4].

К основным чертам цифровой литературы причисляют наличие гипертекста, а также включение мультимедийного контента [1]. Как правило, все современные экспериментальные литературные направления делают акцент не на содержании, а на способах репрезентации определенной информации. Данное утверждение справедливо, как в отношении конкретной, визуальной, так и в отношении дигитальной (цифровой) поэзии.

Обращаясь к истории развития цифровой литературы, нужно отметить, что первые произведения в подобном формате появляются в 50-60-х годах прошлого века. В частности, немецкий математик и информатик Т. Лутц в 1959 г. начал экспериментировать над языком при помощи ЭВМ. Его поэтические эксперименты впоследствии станут известны, как стохастические стихотворения. Суть эксперимента заключалась в создании алгоритма, который программировал стихотворения «в случайной перестановке заданного набора слов, следуя определенным правилам языка» [3]. Необходимо отметить, что подобная закономерность лежит в основе программ современного американского специалиста в области информатики

Н. Монфорта, изучающего медиа-компаративистику и генерирование поэтических текстов при помощи компьютерных технологий.

Также проблему искусственно генерированных текстов поднимали в своих научных исследованиях Э. Уильямс, Ж. Бодо, Р. Кено, Ф. Крамес, Э. Кас. Отдельно следует упомянуть объединение писателей, математиков, информатиков – УЛИПО (OULIPO Ouvroir de littérature potentielle– Цех потенциальной литературы), которые занимались математически выверенным поиском литературных ограничений, а также конструированием различных поэтических текстов.

В Германии дигитальная поэзия начиная с 90-х годов прошлого века считается самостоятельной формой искусства. В последнее время также пользуется большой популярностью. Б. Беттхер – один из ярких представителей современной немецкоязычной поэзии в своем творчестве обращался к медийной поэзии. В частности, в 1997 он публикует интерактивное стихотворение “Loorpool”:

Рис. 1. “Looppool” [7]

“Loorpool”- это медийный перформанс: пользователь нажимает на стартовую кнопку на стихотворном лабиринте, приводя в движение курсор, затем звучит музыка, и произносится текст. Если изменить направление курсора, изменится и произносимый текст.

Следует упомянуть и виртуальный поэтический эксперимент „Null-projekt“ Т. Хетхе, который появился в начале 2000-х и привлек многих молодых литераторов. Цель проекта заключалась в создании электронных текстов в рамках авторского форума таким образом, чтобы каждый поэт, зарегистрированный на этом «форуме» мог ссылаться на созданный текст. Это способствовало появлению гиперссылок, различных смысловых связей внутри поэтического чата, которые на сайте были представлены в форме звездного неба („Sternenhimmel“). Так как подобный формат презентации поэтических текстов все-таки предусматривает интерактивность, поэты имеют возможность не только загружать свои тексты, но и общаться друг с другом в режиме онлайн.

Й. Ауэр создал на основе визуального стихотворения – открытки шуттгартского поэта – визуала Р. Дёля «Apfel» дигитальное стихотворение «Worm applepie for Döhl», в котором главным действующим объектом является червь, съедающий все знаки и слова, изображающие форму яблока. Пожирание яблока червем символизирует мимолетность и быстротечность цифровой поэзии.

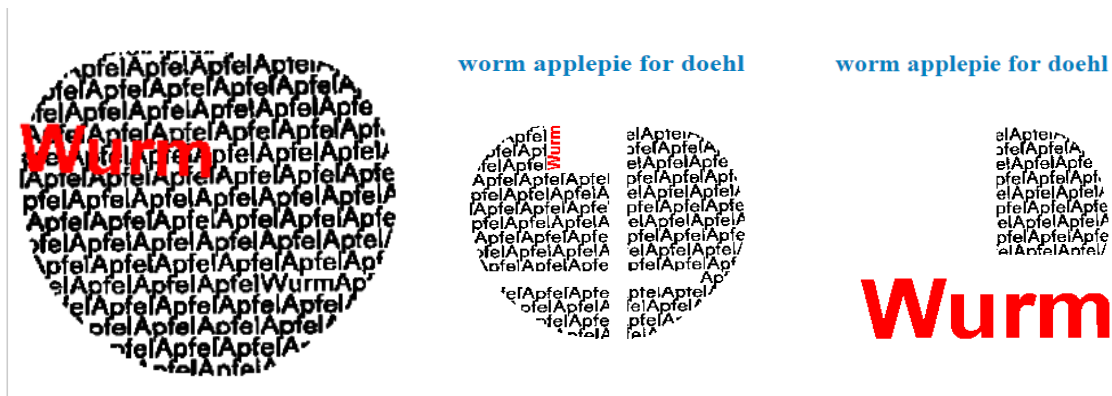

Рис. 2. Worm applepie for Döhl [5]

Рассматривая дигитальную поэзию, уместно вспомнить немецкого экспериментального поэта Ф. Блока, наиболее полно, на наш взгляд, охарактеризовавшего основные черты данного феномена. Согласно точке зрения ученого, во-первых, «дигитальная поэзия ставит перед собой цель выиграть, в отличие от других жанров, эстетически у реципиента» [6], поскольку способы актуализации авторской мысли весьма необычны и требуют определенных медийных технологий, без которых жанр дигитальной поэзии не сможет существовать. Во-вторых, сама по себе дигитальная поэзия не привносит ничего радикально нового, сочетая в себе авангардистские традиции и различные компьютерные технологии, которые создают импульсы для развития цифровой литературы в целом. В-третьих, дигитальная поэзия – это не реинкарнация постмодернистского письма. Вопреки распространенному мнению, согласно которому с появлением компьютера возникла и постмодернистская литература, это не так, поскольку в данном случае речь идет скорее о «редефиниции современной литературы» [6]. В-четвертых, дигитальная поэзия существует только в рамках литературного эксперимента, так как вся экспериментальная поэзия – это и есть медийная поэзия. Нет ни одной другой литературной сферы, где бы так интенсивно занимались медиатехнологическими вопросами. М. Бензе, Р. Костеланец, Д. Розенберг, Р. Дель, А. Де Кампос – наиболее известные представители медийной поэзии, примкнувшие в разное время к этому лагерю. В-пятых, дигитальная поэзия использует язык как систему компьютерных символов и HTML-кодов. В качестве примера можно привести ASCII Art Ensemble, изображающую поэтический текст в форме кода ASCII. В-шестых, дигитальная поэзия расширяет спектр поэтического оформления времени и пространства. Речь идет о трехмерном пространстве изображения поэтического текста, получившем широкое применение в 60-х годах прошлого века, в частности, в произведениях Д. Шоу, А. Маркуса [6].

Итак, дигитальную поэзию едва ли можно сравнивать с традиционной поэзией, где акцент делается на экспликации внутреннего мира лирического героя или выражении авторской позиции. Отправной точкой медийной поэзии является язык как система знаков, в некоторых случаях, язык представляет собой систему компьютерных символов и HTML-кодов, поэтому все чаще высказывается мнение, что современный поэт обязан владеть языком программирования, чтобы создавать свои произведения в сети. В современном немецкоязычном Интернет – пространстве дигитальная поэзия представлена преимущественно в произведениях авторов-визуалов или слэммеров. Средствами выразительности подобных медиа – поэтических произведений становится весь арсенал компьютерных технологий, а также, по

мнению соавтора медиапоэтической группы «Machine Libertine» Н. Федоровой, «все чувственные аспекты реальности: слух, зрение, прикосновение» [2]. Феномен цифровой поэзии является синтетическим жанром, который соединяет в себе как поэзию, так и новейшие медиатехнологии, однако, главным в этом культурном симбиозе является перформанс, некое событие, в котором реципиент становится непосредственным участником.

Список литературы

1. Гик, Ю. Визуальная поэзия в России. Тенденции // Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/12330> (дата обращения: 01.07.2017).
2. Богатырева Е. Think global act local: интервью с Натальей Федоровой, поэтом, медиахудожником, теоретиком, соавтором медиапоэтической группы // Эл. Ресурс. – Режим доступа: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/505/think-global-act-local> (дата обращения: 02.07.2017).
3. Степенко А. Ник Монфорт- эксперименты с живым языком // Эл. Ресурс. – Режим доступа: <http://okolo.me/2015/04/nik-montfort-eksperimenty-s-zhivym-yazykom/> (дата обращения: 01.07.2017).
4. Шмидт Э. Буквальная (не)движимость: цифровая поэзия в РУЛИНЕТЕ // Эл. Ресурс.- Режим доступа: <http://www.netslova.ru/schmidt/digital.html> (дата обращения: 04.07.2017).
5. Auer J. Worm applepie for döhl // URL: <http://auer.netzliteratur.net/worm/applepie.html> (дата обращения: 01.07.2017).
6. Block W. Acht poetologische Thesen zur digitalen Poesie // Эл. Ресурс. – Режим доступа: http://www.brueckner-kuehner.de/BLOCK/acht_thesen (дата обращения: 03.07.2017).
7. Böttcher B. Looppool // URL: <http://www.basboettcher.de/?page=looppool> (дата обращения: 10.06.2017).

СИМВОЛИЧЕСКИЕ НАПОЛНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Исмаилова С.Н.

аспирант кафедры германистики и лингводидактики,
Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

В статье классифицируются существующие в лингвистике точки зрения на основе символической представленности фразеологизмов во фразеологической картине мира. Привычное представление о символе связанное с идеей, которое служит планом выражения для другого культурного более ценного содержания. При этом материальным носителем замещения является не только реальия, но и имя, выделяющая признаки символа.

Ключевые слова: образность, мотивированность, комплексность содержания, многозначность.

Целесообразно сделать систематизацию существующих в лингвистике точек зрения в отношении символической представленности фразеологизмов во фразеологической картине мира. Вначале хотелось бы привести общее понимание символа А.Ф.Лосевым, который считает, что символ представляет собой специфический фактор социокультурного кодирования информации и механизм передачи этой информации [3, с. 367]. Ю.М.Лотман разделяет данную точку зрения и отмечает, что

в культуре наследуются наряду с текстами и символы [4, с. 191-199]. Термин «символ» по-разному понимается литературоведами и лингвистами. Ю.С.Степанов утверждает, что символ – понятие не научное, это понятие поэтики [5, с. 265].

С позиции лингвокультурологии В.А. Маслова определяет символ как конгломерат равноценных значений, который отличается от других тропов своей спецификой. По ее мнению, прямое значение в символе равноправно абстрактному значению. Абстрактная идея может включаться в конкретное содержание для выражения абстрактного через конкретное. И наоборот, конкретное содержится в абстрактном для демонстрации его идеального, отвлеченного смысла [6, с. 208]. В нашей работе за основу берется понимание символа, предложенное Ю.М. Лотманом.

Ю.М. Лотман отмечает, что привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое служит планом выражения для другого культурно более ценного содержания. Материальным носителем замещения является не только реалья, но и имя [4, с. 191-199].

В свою очередь, В.А Маслова выделяет признаки символа, к которым относит: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип [6, с. 208]. Исследователь считает образность, важнейшим свойством символа, отмечая тот факт, что некоторые лингвисты подходят к понятию символа через образ. Согласно ее мнению, во многих дефинициях символа присутствует цепочка таких взаимосвязанных понятий, как «образ – символ – знак». Она считает, что символ и знак имеют много общего, так как оба построены по трехкомпонентной модели (означаемое – означающее и семиотическая связка), конвенциональны. Однако по ее мнению, смысл знака, в отличие от символа, конкретен. В основе символа лежит образ [6].

В языковедении часто говорят о символических образах. Однако, символу сопутствуют высокие смыслы, в то время как образ может ассоциироваться с объектом любого уровня. Исследователь рассуждает о случаях перехода от образа к метафоре, причина которого обусловлена семантическими и художественными нуждами. Переход к символу от образа и от знака определяется факторами экстралингвистического характера [6].

О соотношении знака и символа высказывается Н.Д.Арутюнова, которая подчеркивает, что знаки конвенционализируются, а символы канонизируются [1, с. 896]. В нашей работе за основу берется понимание соотношения символа и образа, которые представлены в работе В.А. Масловой.

А.А. Потебня в своей работе «Мысль и язык» делает, на наш взгляд, важное замечание о том, как «рождается» слово. Рассуждая о поэзии, он отмечает, что слово в живой речи есть переход от чувственного образа к его представлению или символу, который он называет сравнением [7, с. 184].

Считаем необходимым в нашей работе сделать подробное изложение точки зрения М.Л. Ковшовой представленной в ее докторской диссертации на значимость слов-символов во фразеологических единицах языка, где находят свое воплощение идеи А.А. Потебни, представленные выше. М.Л. Ковшова в работе говорит о сло-

вах-символах, которые выступают компонентами фразеологизмов. Они составляют образно-смысловой центр фразеологических единиц. Вокруг подобного символа возникает целый ряд образований, отражающих его значимость [7]. Во фразеологизмах любого языка, как отмечает лингвист, имеет место, как слова-символы, заимствованные из других языков, так и исконные слова-символы. Символы-компоненты во фразеологизмах могут обозначать предметы, признаки, действия. Во фразеологии осуществляется системное смысловое закрепление символа [7]. Следует также упомянуть в анализируемой работе Л.М. Ковшовой противопоставление символов и квазисимволов во фразеологизмах. Автор диссертации предлагает следующее понимание символа, которое в противоположность квазисимволу является компонентом фразеологизма и материальным экспонентом культурного смысла, если обнаруживает устойчивое символическое прочтение и за рамками фразеологизма – в многочисленных фактах культуры, разъясняющих культурный смысл данного знака [7].

В нашей работе будут рассматриваться слова-символы в составе паремий английского и азербайджанского языков, которые выступают в качестве настоящих символов, а не квазисимволов, опираясь на их интерпретацию М.Л. Ковшовой. Выяснение подобных слов-символов в рамках паремии представляющих дихотомию «красота-безобразие» будет осуществляться на материале каждого языка отдельно с целью последующего установления общих, универсальных и отличительных черт их характера и отображения во фразеологической картине мира [7].

Считаем необходимым в нашей работе сделать подробное изложение точки зрения М.Л. Ковшовой представленной в ее докторской диссертации на значимость слов-символов во фразеологических единицах языка [2], где находят свое воплощение идеи А.А. Потебни, представленные выше.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999 – 896 с.
2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2009. URL: http://dibase.ru/article/26102009_kovshovaml/7 Дата обращения: 09.06.2017.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. – Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры – Таллин, “Александра”, 1992. – С. 191-199.
5. Мартыненко Е. И. Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск: «Язык. Культура. Общество», 2011. – 265 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001 – 208 с.
7. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и комм. А.Л.Топоркова Автор: Издательство: М.: Лабиринт Год: 2000 – 184 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997 – 824 с.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РОССИИ

Кихтан В.В.

зав. кафедрой журналистики, д-р филол. наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В работе мы рассмотрели «повестку дня» современного типа общественно-политического издания на примере газет «Наше Время» и «Российская газета». В ходе исследования нами был проведен контент-анализ выбранных газет. Мы проследили содержательное наполнение изданий общественно политического типа.

Ключевые слова: тематическая направленность СМИ, общественно-политические издания, качественная пресса, заметка, корреспонденция, контент-анализ.

Общественно-политические печатные периодические издания характеризуется особой близостью к аудитории, востребованностью у основной части населения, способностью выражать в газете непосредственные читательские интересы и проблемы.

От того, как выполняют свою роль общественно-политические газеты, которым доверяют и прислушиваются в народе, зависит наполнение информационного пространства России. В связи с этим изучение «повестки дня» в современных общественно-политических изданиях в эпоху увеличения интенсивности информационного обмена является особенно актуальным.

Как известно информационный рынок возникает только когда в нем есть потребность, а информация становится необходимым товаром. С усилением информационной потребности информационный рынок постепенно формируется и развивается. Особенно это наблюдается в период кризисных явлений в обществе. В это время, как правило, пресса вовлекается в происходящие события, становится их участником. Резко возрастает число политизированных изданий. Примером этого может служить бурное развитие прессы в последние годы существования СССР.

По мнению Я.Н. Засурского данный тип прессы отличает общедоступность, охватом всех сфер жизни, реализацией базовых функций средств массовой информации [4, с. 48].

Сегодня, главной газетой страны является «Российская газета», ее учредителем выступает Правительство Российской Федерации. К официальным государственным изданиям еще относят газеты «Российские вести», «Парламентскую газету» и журналы «Россия» и «Российская Федерация».

Центральную тему газеты можно определить как федеральные политические новости, т.е. им отводится большая часть всей первой страницы. Обычно на этой странице не содержится не одной статьи целиком, а лишь их начало (хотя и весьма обширное).

Статьи на тему «общество», отражающие социально-бытовую тематику, занимают значительное место в газете. В среднем на номер их насчитывается около девяти. Тематические группы в рамках данного раздела довольно сложно, т.к. авторы здесь следуют за непосредственными событиями в обществе.

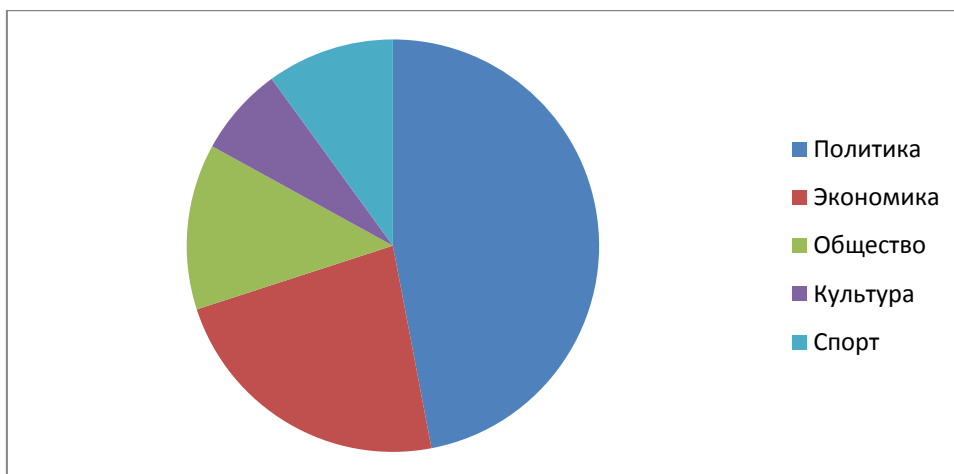

Рис. Тематическое распределение материалов в «Российской газете»

Данные на рисунке показывают, что наиболее объемной в газете остается политическая тематика.

Интересно отметить, что этот раздел в газете вынесен на первое место, при подсчете мы объединили внутривнутриполитические и внешнеполитические материалы, но их общее количество все равно составило менее половины материалов по экономической тематике.

Разделы «Общество», «Спорт» и «Культура» относительно сопоставимы по объему и являются в газете тематически второстепенными.

Можно сделать вывод, что «Российская газета» достаточно полно освещает важнейшие события всех сфер общественной жизни. Она, безусловно, является качественным типом прессы, объективно отражая общественно-политическую жизнь России, изменения и дополнения в законодательстве Российской Федерации, а также дает обзоры в проблемах образования, здравоохранения, спорта и социальной сферы. Прежде всего издание несет в себе цель разъяснять правительственную политику и методы ее реализации.

«Наше время» – общественно-политическое издание, основным направлением которого является публикация законов и законодательных актов губернатора Ростовской области, конкурсные торги предприятий и организаций города и области, новости политики, экономики, культуры, здравоохранения, спорта и отдыха. Газета предоставляет полосы для публикации материалов специалистов Ростовской области в различных областях экономики, политики, культуры, образования, здравоохранения [5, с. 246].

Стоит отметить, что система рубрик в газете «НВ» достаточно разнообразна, последовательность рубрик из номера в номер меняется, а неизменной остается лишь рубрика «Новости». В некоторых номерах может совсем отсутствовать какая-либо рубрика, которая была в предыдущем номере. Как мы видим содержание рубрик достаточно полно освещает общественную жизнь Ростовской области.

Самые разные новости узнают горожане и жители районов из заметок и корреспонденций: «Молоко: работа на опережение» – о развитии молочной отрасли в Целинском районе. «Головная боль» с правом передачи» – о передаче аренды земли в х. Семимаячный Белокалитвинского района. Из заметки «И хорошее настроение» читатели узнали о том, как Таганрогская библиотека им. А.П. Чехова в очередной раз пригласила жителей города на акцию «Библионочь» [1].

Можно сделать вывод, что материалы в газете разнообразные, они не только информируют людей о происходящем в Ростовской области, но и заставляют переживать, сочувствовать, радоваться или огорчаться, следовательно, каждый номер «Нашего времени» ожидаем читателями.

Для более точного отображения тематики газет мы составили таблицу основных тем общественно-политического издания «Наше время» и «Российской газеты» (см. таблицу).

Таблица

Контент-анализ газеты «Наше время» и «Российской газеты»

Тематическая направленность материалов	«Российская газета»		«Наше время»	
	Количество, шт.	Доля, %	Количество, шт.	Доля, %
Работа выборных органов	68	13%	41	7%
Деятельность Правительства/администрации	83	16%	81	15%
Финансово-коммерческая деятельность	31	6%	16	3%
Промышленность, экономика, строительство	6	1%	24	4%
Сельское хозяйство	0	0%	20	3%
Деятельность правоохранительных органов	11	2%	11	2%
Общественные движения, партии	61	12%	70	13%
Официальные материалы	66	13%	51	9%
Культура, литература, искусство	6	1%	1	0%
Образование, просвещение	25	5%	21	4%
Социальное обеспечение	7	1%	20	3%
Торговля, бытовое обслуживание, общественный транспорт, городское хозяйство	14	3%	25	4%
Здравоохранение, целительство	33	6%	18	3%
Досуг, отдых, туризм	29	6%	14	2%
Религия, церковь	3	1%	1	0%
История, краеведение, воспоминания о войне	2	0%	1	0%
Личная жизнь, семья, быт	5	1%	6	1%
Природа, экология	7	1%	14	3%
Спорт, физкультура	43	8%	20	3%
Деятельность редакции	2	0%	12	2%
Армия, допризывная подготовка	7	1%	5	1%
Литературно-художественные материалы	1	0%	4	1%
Происшествия	6	1%	19	3%
Научная работа	6	1%	1	0%
Другое	1	0%	28	6%
ИТОГО:	523	100%	523	100%

Итак, можно говорить о многообразии тем, поднимаемых авторами-публицистами на страницах газет. Но все их можно свести к ряду следующих проблем: социальные, нравственно-этические, политические. Мгновенный отклик,

направленность на отражение «панорамы действительности», авторское присутствие в тексте, оценочность и полемичность, – вот, пожалуй, основные специфические черты газетной публицистики.

Список литературы

1. Акопов, А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов) [Текст]/ А.И. Акопов. – Иркутск, 1985. – 96 с.
2. Газета Ростовской области «Наше время», рубрика «Рады помочь» [Электронный ресурс] дата обращения: 01.04.2017 <http://www.nvgazeta.ru/news/12566/>
3. Гуревич, С.М. Экономика отечественных СМИ: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 520600 и специальности 021400 «Журналистика» [Текст]/ С.М. Гуревич. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – 287 с.
4. Засурский Я.Н. Система средств массовой информации России [Текст]/ Я.Н. Засурский. – М., 2003. – 259 с.
5. Кихтан В.В. Предметно-тематические и жанровые особенности газеты «Наше время» [Текст] // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 56 междунар. форума (13-14 апреля 2017 г.) / отв.ред. В.В. Васильева. – 2017. – №2: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Высш.шк. журн. и мас. коммуникаций. – С. 246-247.

«Порог сознания» как форма самосознания персонажей в романах Г. Грина

Королева М.Э.

кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Россия, г. Калининград

В статье рассматриваются экзистенциальные ситуации порога сознания главных героев романов английского писателя Г.Грина «Сила и слава» и «Суть дела». Пороговые ситуации, которые проживают герои, выявляют их готовность добровольно жертвовать собой из любви к ближнему. Их способность к самопожертвованию во имя любви рассматривается автором как онтологическое свойство человека как индивида.

Ключевые слова: экзистенциализм, порог сознания, сущность человека, онтологическое свойство, свобода выбора.

Милан Кундера в своем знаменитом эссе, рассуждая об эволюции романного жанра в XX веке, замечает: «...вираж, который незаметно заставил свернуть искусство романа с пути психологизма (пути исследования характера) и направил его к экзистенциальному анализу (анализу ситуаций, которые освещают основные стороны человеческого поведения), произошел лет за двадцать или тридцать до того момента, когда мода на экзистенциализм охватила всю Европу; и способствовали этому не философы, а сама логика эволюции искусства романа» [4, с. 95]. Сказанное не означает, что герои романов экзистенциальной направленности не являются психологически убедительными; нет, речь идет о том, что психологическая проблематика уходит на второй план. Писатели уже не анализируют характер героя, его формирование под влиянием среды; их романы больше не являются описанием общества и иллюстрацией истории. Писатели стремятся другим способом постичь личность человека, формируют другой подход к исследованию человеческой жиз-

ни: повествовательным фундаментом романа становятся ситуации, которые раскрывают разные стороны экзистенциальной (относящейся к бытийному, сущностному) загадки человека. Романы Г.Грина «Сила и слава» (1940) и «Суть дела» (1948) написаны до того, как слово «экзистенциализм» стало популярным благодаря группе французских интеллектуалов: Ж.-П.Сартру, А.Камю, Г.Марселю. Однако эти романы по своей проблематике и формам художественного освоения действительности в полной мере можно отнести к одному из ведущих эстетических направлений XX века – экзистенциализму.

Центральной проблемой гриновских романов является проблема человеческого самоопределения, становления личности. Поэтому история падре из романа «Сила и слава», история Скоби из «Суть дела» – это не только истории каких-то событий их жизни: встреч, поступков, столкновений. Это прежде всего история их самопознания, пути внутрь себя. Поэтому история каждого из персонажей – это глубоко личная история. Духовный путь каждого из них – это поиск истины, своего предназначения, своего призвания в жизни. Экзистенциальная мысль признает поиск истины во внешнем мире бесконечным, никогда не оконченным, всегда относительным. Единственная истина, которая открывается человеку вполне – это истина о нем самом. Открывая себя самого, человек выходит за пределы истории, освобождается от всех относительных условностей, которые она ему доставляет и которые ограничивают его творческую свободу.

Истина открывается Скоби (роман «Суть дела») через его стремление сделать все возможное (и невозможное), чтобы его жена Луиза чувствовала себя счастливой. В этом пути он приходит к пониманию, что «никто никого не может сделать счастливым» [6, с. 160]. Любовь к Элен только подтверждает его выводы. Скоби осознает, что их отношения вскоре будут напоминать его отношения с Луизой. И в этом нет ничьей вины: ни его, ни Элен, ни Луизы. Этот парадокс в основе своей строится на осознании, что человек не может строить свое счастье на чем-то внешнем по отношению к себе. Счастье человек может обрести только в следовании самому себе, в обретении самого себя, в прозрении смысла своего предназначения. Призвание человека всегда глубоко индивидуально, поэтому никто не может разделить с другим своего пути. Согласно экзистенциальному пониманию, в этом проявляется удел человеческого одиночества. Потому, чувствуя свою ответственность за счастье Луизы, Скоби одновременно осознает и невозможность этого.

К сходным выводам приходит падре (роман «Сила и слава»), который, оказавшись в безопасном штате, вспоминает о своей неустроенной, полной лишений жизни, но понимает, что именно тогда он был счастлив, потому что следовал своему внутреннему призванию.

В житейских ситуациях Скоби всегда поступает так или иначе не потому, что так диктуют ему обстоятельства, а потому, что так велит ему совесть. Он помогает капитану торгового корабля, рискуя своей должностью, но не может поступить иначе, потому что в глубине души верит, что он обязан ему помочь – именно во взаимной человеческой поддержке и помощи он видит смысл человеческих отношений. Он испытывает чувство гнева, когда в клубе местных чиновников задевают самолюбие Луизы, и уверен, что он имеет полное право отомстить за свою жену. Это его глубинный порыв, глубинная вера, что человек имеет право на месть, оберегая моральное благополучие женщины, за которую несет ответственность. Пытаясь осуществить мечту Луизы, он совершает должностное преступление – вступает в сговор с Юсефом: полицейский чиновник одалживает деньги у местного

преступного воротины; в любви к Элен, он, женатый человек, нарушает границы общепринятой морали. Движимый внутренним голосом совести, Скоби преступает общепринятые условности, хотя осознает, что рискует. Нарушая границы общепринятого, он не изменяет себе, своему духовному долгу [6, с. 161-162].

Трагедия Скоби (как и трагедия «пьющего падре») спровоцирована социумом, но не обусловлена им [8, с. 116]. Спровоцирована противостоянием самоопределившегося человека и установленными в социуме нормативными рамками поведения. Именно «небунтующий» бунт Скоби вызывает подозрения Уилсона: бедность Скоби, вызванная тем, что он не берет взятки (когда все берут); отсутствие подобающего его должности «приличного жилья» (когда мог бы его отстоять); равнодушие к повышению в должности (когда «обязан» за него бороться); отсутствие стремления покинуть колонию (когда об этом мечтают все чиновники). Такое «асоциальное» поведение Скоби заставляет Уилсона начать шпионить за ним [7, с. 166-179]. И именно эта слежка приводит в итоге Скоби к узлу противоречий: Уилсон доносит Луизе о связи Скоби с Элен, и Луиза возвращается домой.

Важным пунктом экзистенциальной философии является понятие порога сознания, пограничной ситуации, когда человек оказывается перед лицом Ничто, когда выявляется сущность человеческого «Я». Третья книга романа «Суть дела» посвящена этому этапу в ходе духовного становления героя. Когда приходит телеграмма от жены, Скоби понимает, что душа его «навсегда утратила покой». Еще раньше, когда завязывались его отношения с Элен, он сознавал, что, вопреки данному когда-то обязательству заботиться о счастье Луизы, он теперь берет на себя другое обязательство, и предчувствовал, что обрекает себя на жертву. Но тогда еще была надежда, что все сложится иначе. Теперь, когда обстоятельства сложились так, как он предполагал, «к горлу подступила тошнота» (писатель словно отсылает читателя к роману Сартра «Тошнота»). Это та самая точка отсчета, с которой для Скоби начинается ад. Он, по его собственным словам, «вступил на землю отчаяния и безысходности», в его душе теперь, как и во внешнем мире, царит «хаос», привычная жизнь стала казаться «нереальной», «земля уходила у него из-под ног», «ему казалось, что он куда-то падает». Скоби не пытается вернуть утраченный покой своей души, «надежда покинула его навсегда», а вступает в яростную борьбу за сохранение гармонии, душевного покоя тех, кого он любил, а, значит, за кого он нес ответственность. В этой отчаянной борьбе ему приходится встать на путь отступничества по отношению к самому себе: научиться хладнокровно лгать, хитрить, подозревать, выслеживать, наконец, быть причиной смерти любимого и верного слуги Али. Раньше Скоби выбирал между «сострадать» и «не сострадать» в сторону «сострадать». Он испытывал чувство вины и ответственности не только за свою жену Луизу, но и за всех «униженных и оскорбленных», за всех неудачливых, слабых, беспомощных (отец Ранк, отец Пембертона, капитан корабля «Эсперанса», слуга Али и др.). Теперь его сознание решает мучительную проблему: кому *больше* сострадать, за кого *больше* нести ответственность? Сохраняя ответственность в первую очередь перед Луизой и Элен, он вынужден вступить в противоречие с другими «несчастными». Обстоятельства сгущаются, ставя героя в пограничную ситуацию, когда последнее, что Скоби может сделать для тех, кого любил, – это убить себя. Его разговор с самим собой, со своим внутренним «я», с Богом [10, с. 32] носит характер гамлетовских рассуждений: «Быть или не быть... Что благородней духом?» Выбор обоих героев лежит по ту сторону добра и зла. Скоби не выбирает между добром и злом в их расхожем понимании. По официальной рели-

гии, «добро» – оставить одну из женщин, «зло» – продолжать «прелюбодеяние». Но никаким из указанных путей Скоби пойти не может, хотя внутренний голос убеждает Скоби оставить одну из женщин, «а уж я позабочусь, чтобы это (ее. – *М.К.*) страдание не было безмерным» [2, с. 443]. Но Скоби не может пойти на «преступный» компромисс: «Утешиться слишком легко... Я не могу переложить свою ответственность на тебя (Бога – *М.К.*). А если бы мог, я не был бы тем, что я есть» [2, с. 444]. Остаться жить – значит для Скоби продолжать «причинять боль» обеим и, скорее всего, наносить боль другим (как случилось с Али). Скоби выбирает третий путь – самоубийство. Автор не оставляет своему герою надежды на счастье в этом мире: «покажите мне счастливого человека, и я покажу вам либо самовлюбленность, эгоизм и злобу, либо полнейшую духовную слепоту» [2, с. 314]. Но остается надежда на его прощение и милосердие Бога. Последние строки романа – разговор отца Ранка и Луизы. Луиза как «истинная католичка» знает, что за самоубийство человек обречен на вечное проклятие Бога. На что отец Ранк яростно возражает: «Миссис Скоби, не воображайте, будто вы... или я... хоть что-нибудь знаем о божественном милосердии... Откуда у вас к нему (Скоби. – *М.К.*) столько злобы?» – «У меня не осталось даже злобы.» – «И вы думаете, что у Бога больше злобы, чем у женщины?» Эта надежда на прощение звучит в духе философии Льва Шестова: «Неизменность Бога значит, что все, даже истины, им сотворенные, остаются в его власти и повинуются ему» [5, с. 414].

Ж.-П.Сартр писал, что свобода человека предшествует его сущности, между бытием человека и его «свободобытием» нет разницы. Грэм Грин своим романом «Суть дела» словно вносит в это рассуждение свой оттенок: человек свободной воли, если воля его добра, обречен на отчаяние: «...отчаяние. Говорят, это непростительный грех. Но злым и растленным людям этот грех недоступен. Только человек доброй воли несет в своем сердце вечное проклятие» [2, с. 261].

В чем смысл отчаяния гриновских персонажей? Когда Скоби получает письмо от Луизы, он испытывает глубочайшую тревогу. Это чувство тревоги сродни тому томлению духа, глубокого сомнения, которое падре испытывает в безопасном штате при появлении метиса. Это чувство тревоги – страх, но не страх потерять житейское благополучие. Это онтологический страх перед самим собой. Эта тревога – глубокое предчувствие того, что внутреннее «я» потребует от них последней жертвы, но без этой жертвы они никогда не обретут своих идеалов, не обретут своего предназначения до конца. В обоих случаях это пороговая ситуация, когда человек проходит свое последнее испытание, делает последний свободный выбор, находясь перед лицом смерти.

В романах Г.Грина человек выступает прежде всего как существо, добровольно приносящее свою жизнь в жертву своей любви-предназначению. Эта способность к самопожертвованию выступает как бытийное свойство сущности человека как индивида. В поиске безусловного, в стремлении посвятить свою жизнь этому безусловному по сути отражается трансцендентальная, духовная, структура человеческого «я» [9, с. 87]. Гриновские персонажи ищут истину и обретают ее в любви к ближнему. Сострадание к человеку является той истиной, которую они обретают в жизни. Романы Г.Грина исполнены надеждой [3, с. 99], она сродни той, которую увидел А.Камю в отчаянно-трагическом мире Кафки, которую увидел С.Булгаков в «унылом, хмуром» мире чеховских героев [1]. Эта надежда связана с верой в человека, в его созидательную, творящую суть, без которой мировая история не имеет смысла.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. Избранные статьи. С. 131-161.
2. Грин Г. Суть дела // Грин Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 2. С. 213-458.
3. Ивашева В.В. Английский роман последнего десятилетия. (1950-1960). М., 1962. 414 с.
4. Кундера М. Занавес / Пер. с фр. А.Смирновой. СПб: Азбука-классика, 2010. 238 с.
5. Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Шестов Л. Сочинения. М.: Паритет, 1995. С. 386-419.
6. Atkins, John. Pity Destroys // Atkins, John. Graham Greene. London: John Calder, 1957. 240 p.
7. Chace, William M. Spies and God's Spies: Graham Green's Espionage Fiction // Graham Green: A revaluation: New essays. Ed. By Jeffrey Meyers, Prof. New York: St. Martin's Press, 1990.
8. Chapsal, Madelaine. Les ecrivains en personne. Julliard, Paris, 1960.
9. Karl, Frederick R. The Contemporary English Novel. New York: Farrar, Straus & Cudahy, 1962.
10. Lodge, David. Graham Green. New York; London;: Columbia University Press, 1966. 48 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ЛИНГВОЮРИСТИКИ

Петрова Е.А.

заведующая кафедрой иностранных и русского языков, д-р филол. наук, доцент,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются вопросы эквивалентного перевода юридических текстов, что становится особенно актуальным в настоящее время, когда все больше возникает практическая необходимость соотнесения национальных законодательств с международными нормами права. Все эти обстоятельства позволяют сегодня более расширенно толковать сам термин «юридический текст». Современное понимание юридического текста не ограничивается строгими рамками собственно юридического документа, а включает также другие виды как устных, так и письменных текстов, предметом которых являются различные правовые вопросы.

Ключевые слова: лингвоюристика, юрислингвистика, правовая логика, юридический текст, переводоведение.

В последние десятилетия язык юриспруденции неизменно привлекает внимание лингвистов, работающих в самых разных областях современного языковедения. Исследуются социолингвистические, прагматические, стилистические, семантические, а также междисциплинарные особенности языка юриспруденции, что позволяет говорить о комплексной сфере его изучения. При этом важно учитывать, что собственно внутри языка юриспруденции функционируют существенно отличающиеся друг от друга языковые единицы, оформляющие различные отрасли права. Лингвистика традиционно изучает функционирование языка в различных сферах – политической, психологической, в сфере идеологии, художественной литературы и юридической в том числе. Это означает, что во всех социальных сферах

лингвистика рассматривает функциональные разновидности языка, отвечая на вопрос: как ее объект – язык – развивается и функционирует в различных социальных или профессиональных условиях.

На наш взгляд, сугубо филологический подход к языку и речи правомерен и важен, тем не менее глубокое влияние лингвистики на юридическую сферу возможно лишь при таком моделировании юридического языка и речи, которое исходит именно из их специфики как отправной точки теоретических описаний или практических рекомендаций. Такой подход и должен определять лингвоюристику.

Нет ничего удивительного в том, что язык юриспруденции – популярный объект лингвистических исследований. Язык и право связаны теснейшим образом, поскольку обучение правоведению и изучение правовых норм также осуществляется с помощью различных текстов, чаще – документных. В этой связи необходимо указать, что правовые нормы – это тексты, созданные из текстов парламентских дебатов, слушаний, научных комментариев и т.д. Потребности правовой логики в юридических текстах реализуются на основе логики естественного языка, обусловленной необходимостью обслуживания потребностей обыденной коммуникации. Воля законодателя, обозначенная в тексте закона, должна быть приспособлена к закономерностям и нормам естественного языка (и наоборот).

Логико-рационалистическое (материалистическое в своей основе) направление философии, логики и лингвистики считает язык средством выражения мысли. Существует также романтическое видение языка, исходящее из идеи, что язык есть орган, образующий мысль, при этом возникновение мысли неотделимо от языка. Язык является внутренней, а не внешней формой мысли. Право, основанное на логике, принимает во внимание только первую сторону языка, но это лишь одна сторона его сущности. Мы, вслед за Б.М. Гаспаровым и Н.Д. Голевым, считаем, что язык в такой же мере рационален, как и иррационален, так же детерминирован категориями логического познания мира, как и чувственного, регламентировать же его, имея в виду только одну ипостась языка, значит создавать законы, изначально имеющие ограниченный диапазон действия [2, 3].

Н.Д. Голев также отмечает, что противоречие двух «логик» создает особый драматизм в юридических текстах, ибо «исходный материал» естественного языка вовсе не предназначен для прямой «юридизации», и неизбежное проявление его специфики в правовых документах может оказаться не безболезненным для них [3, с. 11-12]. Имеется ввиду то, что элементы структуры (логики) естественного языка, попадая в юридический текст, так или иначе «юридизируются», и это может означать, что вольно или невольно (если иметь в виду волю законодателя) они приравниваются к собственно юридическим элементам.

Поскольку цель нашего исследования заключается в исследовании особенностей эквивалентного перевода языка юриспруденции, в частности, юридических текстов, остановимся на наиболее значимых вопросах обозначенной проблемы. Итак, эквивалентный перевод языка юриспруденции не должен ограничиваться профессиональной и терминологической составляющей. Это одна из немногих языковых сфер, имеющих выраженный комплексный характер и требующих учета базовой культуры личности и общества в целом. Пограничная область лингвистики и юриспруденции предоставляет возможность изучать язык не в «самом себе и для себя», а в контексте смежных с ним феноменов. Это привело к глобализации объекта лингвистического интереса: изучение отдельных минимальных лингвистических единиц сменяется изучением дискурса. Отсюда вытекает, что в сферу юри-

лингвистики входят те закономерности естественного языка, которые лежат или должны лечь в основания текста закона, во многом определяющие как его создание, так и применение в юридической практике.

Далее. Анализ материала показывает, что лексика современных юридических текстов интересна для лингвистического анализа и практики перевода потому, что она активно пополняет состав общеупотребительных слов того или иного языка. Лингвистика и перевод тесно взаимосвязаны и существенно дополняют друг друга, как теоретическая основа и ее прикладное применение. Изучение перевода позволяет обнаружить немаловажные особенности, которые могут оставаться невыявленными в рамках «одноязычного» исследования [4, с. 4].

Следующая особенность, на которую нужно обратить внимание при переводе аутентичного юридического текста, состоит в том, перевод является своеобразным каналом взаимодействия языков и культур. Такой подход означает, что в результате переводческой деятельности возникает новый текст, адекватно заменяющий текст оригинала в другой культуре, другом языке, другой коммуникативной ситуации [5, с.3]. Именно на этом пути находится способ достижения эквивалентности двух текстов, которая предполагает не абсолютную их тождественность, а «достаточную общность для целей коммуникации в конкретных условиях» [6, с. 7]. Таким образом, эквивалентный перевод сохраняет относительное равенство содержательной, смысловой, стилистической, функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе [1]. Кроме того, эквивалентность перевода зависит от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту, и многоуровневость этого понятия.

И, наконец, как показывает практика, абсолютной эквивалентности (тождества) при переводе достичь невозможно в силу целого ряда причин, наиболее важными из которых являются специфичность семантики языковых знаков в разных языках; несовместимость «картин мира», создаваемых языками; различия в самой реальности, культуре и цивилизации носителей разных языков. Понятие эквивалентности распространяется, прежде всего, на текст в целом, и смысл целого не равен механической сумме его частей. При этом верно и то, что любое сообщение состоит из языковых единиц, каждая из которых несет определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание всего высказывания не существует помимо значений языковых единиц, из которых оно состоит, а цель любого перевода – передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики (функциональные, стилистические, социолокальные, эмоциональные и т.п.) не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание сообщения лишь наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ей, трансформируется в образные ассоциации [1].

В заключение хочется отметить, что одной из проблем, которыми занимается юрислингвистика, является проблема эквивалентного перевода юридических текстов, требующая одновременно юридической и лингвистической компетенции. Данная проблема многогранна и непроста. Тем не менее, можно сделать вывод, что лингвистический анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения является основным способом выявления словесных конструкций и языковых единиц, подпадающих под признаки конкретного деликта, предусмотренного соответствующей законодательной нормой.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Проблема эквивалентности и тин переводимого текста // В кн.: Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). 2004. URL: <http://sitim.sitc.ru> (дата обращения 20.07.2017).
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
3. Голев Н.Д. Юридический аспект в лингвистическом освещении // Юрислингвистика № 1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11-58.
4. Комисаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: Черо, 2000. 136 с.
5. Комиссаров В. Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема // Текст и перевод. Под ред. А. Д. Швейцера. М., 1988. С. 6-17.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты М.: Наука, 1988. 215 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ВАЛЯНОЙ И ПЛЕТЁНОЙ ОБУВИ В ГОВОРАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Семенова А.А.

преподаватель, Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В данной статье описываются наименования плетёной и валяной обуви в говорах Нижегородских говорах как часть тематической группы «обувь», даётся классификация наименований лаптей и валенок по внелингвистическим характеристикам: качество обуви, материал, способ изготовления. А также представлены основные словообразовательные модели лексем данной группы.

Ключевые слова: говор, диалект, название обуви, тематические группы, обувь, валенки, лапти.

В 40-х годах XX века начинается процесс исчезновения диалектов под влиянием литературного языка. Особенно активно этот процесс проходит в центральной России, в том числе и в Нижегородской области. В настоящее время перед исследователями стоит задача зафиксировать диалектные явления, так как в них отражены менталитет носителей, история и специфика взаимоотношений с окружающим миром.

Нижегородская область представляется интересным регионом для исследования говоров. Территория распространения нижегородских говоров как диалектная величина впервые была выделена в диалектологической карте русского языка 1965 года. Наличие своеобразных местных языковых черт, ареалы которых создают сочетание друг с другом, очерчивая границы определённой территории, позволили выделить в составе Владимирско-Поволжской группы более мелкую диалектную единицу, названную Горьковской подгруппой, а впоследствии Нижегородской подгруппой.

В последнее время объектом пристального внимания диалектологов становится лексика, отражающая материальную культуру народа. Одним из основных компонентов этнической идентификации народа является костюм (одежда и обувь). На формирование традиционного комплекса одежды влияют этические и

эстетические представления, традиции, климатические, экономические условия жизни.

В настоящее время большинство лексем тематической группы «Обувь» является принадлежностью пассивного словарного запаса носителей и употребляется в их речи только при описании старого быта, а некоторые наименования и просто утрачиваются в силу различных причин. Научная проработка лексического материала не только обладает самостоятельной лингвистической ценностью, но и позволяет сделать выводы этнографического характера. Источником анализируемых единиц послужили Основная и Дополнительная картотеки Диалектного словаря Нижегородской области (ДСНО) в электронном варианте, а также ответы по программе «Одежда, обувь» для сбора данных к Лексическому атласу русских народных говоров (ЛАРНГ), полученные в рамках диалектологических экспедиций в Нижегородской области. Для классификации лексики данной тематической группы представляется уместным использовать внелингвистические характеристики, а именно: материал из которого изготовлен тот или иной вид обуви: кожа, материалы растительного происхождения, резина, шерсть, качество обуви: новая или изношенная. Такой подход позволяет систематизировать материал и подготовить его для словаря. Внутри тематической группы «обувь» были выделены следующие подгруппы (всего 6): родовые наименования обуви, наименования поношенной обуви, наименования плетёной, кожаной, резиновой и валяной обуви. Материал поддаётся дальнейшей детализации, так внутри подгруппы плетёной обуви выделяются группы наименований лаптей поношенных, для погребения, без завязок, сплетенных из определённого количества лык.

В качестве родового названия плетёной обуви в нижегородских говорах используется литературное слово: лапти (ед. лАпоть, – птя, м.) “обувь, плетенная из лыка, бересты или веревок, которую прежде носили крестьяне”. С тем же значением используются диалектные варианты (насчитывается 7 лексем): лАпотки причём в Семёновском районе в ед. ч. употребляется форма ж.р. (лАпотка), лапоткИ, лапотОнцы, лапотОчки, лапотОшики, лАпоты, лаптЁнки. Каждая из лексем вариантного ряда образованы от корня лапот- при помощи суффиксов, за исключением слова лАпоты, являющегося словообразовательным диалектизмом. При образовании множественного числа сохраняется корневое “о”, основной “т” не смягчается.

Также, в нижегородских диалектах существуют видовые названия, используемые для обозначения лаптей в зависимости от какой-либо специфической особенности или признака:

1) Лаптей, которые носились без завязок (6 лексем): босовикИ, стОпни, стУпни, ступнИ, стрУпни, чУни. Слово босовики образовано от прилагательного при помощи суфф. ов-, ук- и мотивирующим признаком является способ ношения обуви. Несовпадение определения и семантики слова легко объясняется: основное назначение обор – удерживать онучи на ноге. В случае с лексемами стопни, стУпни, ступнИ есть основания говорить о метонимическом переносе названия части ноги на обувь, которая закрывает только эту часть. Слово чУни заимствованно из саам. кильд. tšuønne «лопарские сани», кольск. čioinne – то же [Фасмер].

2) Лаптей, сплетённых из конкретного количества лык (4 лексемы):

а) из семи лык: семерикИ. Причем данная лексема встречается чаще всего, что объясняется тем, что лапти традиционно плели из семи лык; б) из шести лык: шестерикИ; в) из пяти лык: пятерикИ; г) из четырёх лык: четверЕни. Все слова микрогруппы образованы по одной модели: корень мотивирующего слова (собира-

тельное числительное) + суфф. *ик.*, за исключением слова *четверени*, образованного от собирательного числительного, но с другим суфф. *ени*.

3) Лаптей, изготавливаемых для однократного использования: *одноцЕнки*, - собственно-лексический диалектизм, сложное слово, с нетипичным для литературного языка сочетанием корней. *одноцЕночки* -это лапти для покойника. Слово образовано при помощи суфф. *очк* от мотивирующего слова., *одношИнки* – лапти, прошитые 1 раз.

4) Старых, поношенных лаптей (4 лексемы): *осмЁтки*, *ошмЁтки* *ошмОтки*, *отОпки*. Лексемы образованы от двух корней: *смёт-/шмот-/шмё*, различающихся звуком корневой морфемы б) *топ-* при помощи суфф. *-к*.

Традиционным видом зимней обуви в средней полосе являются валенки. На территорию Руси валенки стали проникать в период Золотой Орды через тюркские и монгольские племена, обувь которых называлась «пима». В России же валенки приобрели широкое распространение в первой половине XIX века, когда их начали изготавливать промышленным способом. До этого валенки являлись элементом костюма зажиточных людей. Усложнение потребностей, рост влияния городских нравов на деревню обусловили смену лаптей валяными сапогами, а вместе с тем и широкое развитие валяльно-катального производства.

В качестве родового наименования валенок выделено 9 лексем:

Валенки – общерусское слово, употребляющееся в говорах, *вАленцы*, *вАлены*, *кАтанки* (данная лексема встречается практически во всех русских говорах), *кАтаны*, *кАтки*, *ктанИшки*, *чЁсанки*, *чесАнки*. Лексемы вариантного ряда образованы от 2 мотивирующих слов- глаголов с корнями *вал-*, *кат-*, по схожим словообразовательным моделям корень глагола+суфф. *ен-/ан-*+ *к-*, корень глагола+ суфф. *ен/ан*. В большинстве русских говоров образования от этих корней бытуют параллельно, так как оба действия, обозначенные глаголами, имеют место при изготовлении валенок, в словаре, в данном значении, эти глаголы являются синонимичными. Наименование *чЁсанки* образовано от глагола чесать (шерсть) с помощью суфф. *ан-*, *к-*. Первоначально чёсанками повсеместно назывались валенки из «чёсаной» шерсти, тонкие. Но, постепенно, домашнее изготовление валенок прекратилось, забылись особенности, в говоре осталось лишь название.

Этимология и способ номинации большинства слов представляются прозрачными: подавляющее большинство моделей имеют собственно русский характер. Во всех рассмотренных выше словообразовательных системах отмечается приоритет суффиксальных способов словообразования над префиксально-суффиксальными; чисто префиксальный способ не зафиксирован.

Наименования плетёной и валяной обуви представляют собой обширный, хорошо сохранившийся пласт лексики. Всего тематическая группа «обувь» включает в себя 65 единиц, из них – 21 наименование плетёной обуви и 9 наименований валяной обуви. Причём, можно говорить и о семантической сохранности лексики данных подгрупп. Что объясняется внелингвистическими причинами: долгое время валяная и плетеная обувь являлась наиболее доступной и функциональной для жителей центрального региона. Кроме того, исследованные названия обуви в русском языке являются группой лексики, которая интенсивно развивалась и значительно изменялась по количеству названий и по употреблению.

Список литературы

1. Андреева, А.Ю. Русский народный костюм. Путешествие с севера на юг. – СПб.: Паритет, 2005.
2. Блинова, О.И. Номинация и мотивация // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Ленинград, 1989.

3. Вахрос, М.С. Наименования обуви в русском языке (древнейшие наименования, до петровской эпохи) // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. – Хельсинки, 1959.
4. Войтенко, А.Ф. Современный подход к изучению диалектной лексической ситуации региона // ЛАРНГ: Матер. и иссл. – 1998. – СПб., 2001.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956.
6. Каргина, Н.Г. Наименование обуви в русском языке // Русская речь. – 2000.
7. Работнова, И.П. Русская народная одежда. – М.: Лёгкая индустрия, 1964. – 54 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. проф. Б.А. Ларина. – СПб., 1996. – Т.1-4.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ МОРДОВИИ

Степин С.Н.

доцент кафедры литературы и методики обучения литературе,
канд. филол. наук, доцент, Мордовский государственный педагогический
институт имени М.Е. Евсевьева, Россия, г. Саранск

В данной статье мы остановились на исследовании аксиологических основ в творчестве современных поэтов Мордовии, чье творчество в результате ряда преобразований приняло курс на еще большую интеллектуализацию формы. Автор обозначил три наиболее функциональных стилевых течения в современной поэзии Мордовии: нравственно-философская лирика, лирика социально-философская и лирика собственно философской направленности.

Ключевые слова: аксиологизм, лирическая поэзия, лирический субъект, художественное мышление, нравственно-философская лирика, социально-философская лирика, лирика философской направленности.

Аксиология присуща любому из типов художественного мышления, но в лирике она возводится в наивысшую степень. Подобный аксиологизм обусловлен тем, что сам предмет внимания лирического произведения, а философского в особенностях – это не что иное, как ценностное представление об окружающем мире, его ценностное восприятие, которое в процессе художественной объективизации трансформируется соизмеримо ценностным представлениям самого автора.

Ориентированность художников слова на различные формы аксиологической объективизации переживания создают своеобразную систему координат, некий универсальный ряд критериев стилевой систематизации позволяющих определить три, как нам кажется, наиболее функциональных стилевых течения в современной поэзии Мордовии. Это нравственно-философская лирика, лирика социально-философская и лирика собственно философской направленности.

Нравственно-философская лирика посвящена художественному познанию и воссозданию кардинальных нравственно-философских проблем эпохи, что убеждает в широте и глубине разработки этой проблематики, а также единстве, нерасчлененности в лирике современных поэтов Мордовии процесса философского осмысления жизни с одновременной нравственной ее оценкой. Избегая формального философствования, поэты «доказывают» первородство мира и общества, которые созидаются их современниками, выявляют закономерности сегодняшнего раз-

вития и моделируют будущее, сливая воедино реальность и идеал, предлагая читателю линию жизненного поведения, оправданную философски и нравственно» [1, с. 117].

Обращаясь к социально-философской лирике, отметим тяготение основных ее представителей к косвенной объективизации переживаний лирического субъекта. Центром ее изображения является реальная действительность как таковая, мастерски переданная художником посредством пластической предметности. В ее рамках авторы в пределах того или иного стихотворения предельно четко сосредоточили свое внимание на воплощении проблематичности взаимоотношений человека и истории, человека и времени, человека и эпохи и т. д. Широкий авторский интерес к социальной проблематике стал, таким образом, причиной интенсивных стилизованных исканий в современной поэзии региона. Но и это не было чем-то принципиально новым.

Обратившись к истории литературного процесса Мордовии, вспомним, что уже начиная с 1980-х годов в поэзии наметился процесс влияния эпической прозы на лирику. Это выразилось в обращении лирики к принципам повествовательного эпизма. В русле данного стилизовочного течения можно выделить две близких друг другу линии. Это творчество И. Пиняева и И. Калинкина, которые продолжали разрабатывать тему человека на войне, но уже на новом трагедийном уровне. Характерной чертой поэзии И. Пиняева, является его обращение к хроникальности, факту, использованию других выразительных возможностей слова. Источник его переживаний, волнующий мысль и чувство автора, довлеет над изображением переживания самого лирического героя и, таким образом, способствует передаче изображения его собственного психологического состояния.

Для поэтической манеры И. Калинкина, неоднократно обращавшегося к теме военного детства, особенно характерным является его стремление к достижению объективной картины и напряженных раздумий над ней. Авторскому слогу типично слияние прозаизации его стиха с ее же преодолением, создание чувственно-экспрессивных, а не прозаически унылых жизненных картин. Однако, очевидно и то, что в своих стилизовочных поисках на пути углубления аксиологического исследования жизни оба художника слова, не переставая расширять границы своей социально-философской лирики, все же тяготели к интеллектуально-философскому уровню обобщения.

В поле зрения представителей собственно философской лирики попадают, как правило, наиболее созвучные современности формы художественного мышления. В центре их творчества находится сам процесс осмысления жизненных реалий, ориентированных на вечные, сущностные ценности. Отсюда и их подчеркнуто индивидуальный характер субъекта переживания, лирического героя, своеобразие духовной коллизии переживаемого им содержания жизни. Наиболее это наглядно прослеживается в творчестве таких поэтов, как С. Казнов и В. Курмышкин, чья лирика отличается своей бытийно-ценностной ориентацией. И поэтому не случайно, что именно их имена оказались в центре литературоведческих дискуссий, посвященных проблемам развития творчества мордовских поэтов «новой волны». В споре с уже устоявшимся в литературных кругах мнением о слабо выраженных гражданских позициях в лирике молодых авторов доказано, что сегодня само понятие гражданственности в поэзии приобретает совершенно иной смысл. И выражается оно в стремлении уйти от поверхностной декларативности, прямолинейной тенденциозности в сторону поисков непосредственных форм укрепления и утвержде-

ния духовного самостояния человека, что, собственно говоря, и свидетельствует о качественно новом уровне ответственности поэта, зрелости его жизненных ориентиров.

Двигаясь в сторону формирования нового художественного мышления, способного более полно оценить и отразить современную реальность, мордовские поэты заметно тяготеют и к русским художественным традициям. В стихах С. Казнова, например, заметна лирическая струя поэтического наследия Б. Пастернака, а в художественном диапазоне В. Курмышкина, где «тема отношений между человеком и окружающей его природой является магистральной» [2, с. 135] немало ярких моментов, говорящих о влиянии на его творчество стихов Н. Заболоцкого и т. д.

Однако данные традиции осмысливаются поэтами XXI века уже сквозь призму их современного мировидения. Их художественным поискам в большей степени свойственна тенденция к сближению таких категорий, как пространство и времени, человек и история и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что художественно-аксиологические тенденции в современной поэзии Мордовии становятся все более заметными. Говоря о ее эстетических критериях, выделим такую отличительную особенность, как характер лирического субъекта и типы отношений между ним самим автором. В нравственно-философской лирике чаще встречаются стилизованные национальные герои, сознание которых направлено на культурно-исторические традиции мордвы. В социально-философской – лирический герой традиционно представлен в своем эволюционном развитии, видна динамика его социального положения, его осознание своей роли в жизни общества. В лирике философской направленности имеет место процесс рефлексии субъекта высказывания, включающий в себя объективный мир как ассоциативный повод не только для созерцания, но и для анализа.

Грани между этими тремя типами можно установить и по способу художественного обобщения. В нравственно-философской лирике художественная типизация может осуществляться через экспрессию самого слова, ориентированного на устойчивые морально-нравственные и национальные черты мордовского народа. В социально-философской лирике – через поэтический интерес художника к социальной и философской сторонам окружающей его действительности. И, наконец, в философской лирике – посредством материализации в слове, а равно как и через интеллектуальную экспрессию процесса осмысления действительности как такового. В этой же связи можно отметить своеобразную тенденцию к синтезу различных стилевых качеств в творчестве современных мордовских авторов. Назовем лишь такую из них, как сочетание наиболее острых реалистических форм постижения жизни с углубленным бытийным импульсом философской поэзии.

Как видим, в творчестве целого ряда современных поэтов Мордовии успешно функционируют самые разнообразные элементы вербально-логического ряда, но здесь же нельзя оставить без внимания и тот факт, что в творчестве многих из них аксиологическое пересоздание, выступающее в роли аксиологической объективизации переживания, нередко находится в прямой зависимости и от предмета изображения (в нашем случае чувства), и от ориентации поэта на определенный народно-эстетический идеал.

Список литературы

1. Борисов А.Г. Художественный опыт народа и мордовская литература. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 192 с.

2. Степин С.Н., Акашкин М.М. Формы выражения авторского сознания в современной лирической поэзии Мордовии // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 1 (29). Саранск: Мордов. пед. ин-т. С. 133-137.

ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

Тулина Е.В.

доцент кафедры английского языка, канд. филол. наук, доцент,
Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск

Козько Н.А.

доцент кафедры английского языка, канд. филол. наук, доцент,
Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск

В статье эвфемия рассматривается в качестве одного из основных инструментов языковой политики и языка СМИ в рамках феномена политкорректности, набирающего обороты в англоязычных странах. Эвфемизмы дают возможность избежать прямых номинаций, снижая градус социальной напряженности и сглаживая конфликты различного характера. Кроме того, делается попытка проанализировать возможность сохранения эвфемистической функции лексических единиц при переводе текстов с английского языка на русский.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизм, эвфемизация политических текстов, эвфемистическая функция лексической единицы, политкорректность.

Эвфемизмы – сложное и противоречивое явление языка. По причине того, что распространение эвфемизмов в СМИ идет активно, осуществляется психологическое давление на читателя. Эвфемизация речи проникает в различные сферы жизни и реализуется на страницах современных СМИ. Процесс эвфемии протекает интенсивно как один из основных инструментов языковой политики, тем самым, эвфемистические единицы помогают избежать прямых конфликтов и создать благоприятную обстановку в обществе.

Если рассматривать состояние общества сегодня, то авторы статей в газетах и журналах, Интернет-изданиях и лентах социальных сетей, рассказывая о наиболее важных и острых событиях, приводящих к проблемам и конфликтам, используют эвфемизмы, чтобы не провоцировать конфликты различного характера и снизить градус социальной напряженности в стране.

Существует множество определений термина «эвфемизм», приведем некоторые, которые отражают суть понятия:

В лингвистическом энциклопедическом словаре О.С. Ахманова дает определение эвфемизма как «эмоционально нейтрального слова или выражения, употребляемого вместо синонимов, которые представляются говорящему достаточно грубыми, нетактичными и даже неприличными словами» [1, с. 259].

По мнению В.П. Москвина, «эвфемизмы – зашифровки слов, используемые для реализации основных целей, а именно для смягчения, завуалирования предмета сообщения, оставляя возможность любому носителю предугадать, о чем идет речь» [4, с. 60].

Д.Э. Розенталь называет эвфемизм «обозначением предмета или явления посредством смягчения грубого выражения на более мягкое» [5, с. 435].

С точки зрения Ю.С. Басковой, «эвфемизм – замена нежелательного в определенной ситуации слова или языкового выражения с помощью нейтрализации или добавления положительной коннотации обозначению с целью предупредить конфликт в общении и скрыть нежелательные явления реальности» [2, с. 7].

Таким образом, основываясь на этих определениях, можно прийти к выводу, что основной характеристикой эвфемизма является способность заменять неприличные и нетактичные слова или выражения. Сформулируем определение, отражающее основную суть понятия: «Эвфемизм» – это замена нежелательного слова или выражения на более корректное и эмоционально нейтральное обозначение, реализующее определенные цели, а именно избежать употребления прямой номинации и замаскировать истинное положение дел.

Известно, что в США и других западных странах сформировалась тенденция эвфемизации публицистических текстов. В России процесс эвфемизации не так широко используется, поэтому возникает сложность в переводе зарубежных публицистических текстов, в которых концентрированно используются эвфемистические единицы.

Передача полного содержания оригинала, обращая внимание и на подтекст публицистического материала, является основной задачей переводчика.

К наиболее распространенным способам перевода эвфемистических единиц относятся:

- 1) калькирование: *period of negative economic growth* – период отрицательного экономического роста вместо использования прямой номинации «экономический кризис»;
- 2) транскрибирование: *fluctuation* – флуктуация (вместо слова «нестабильность»), *depopulation* – депопуляция (вместо номинации «вымирание»);
- 3) описательный перевод: *fall out of bed* – иметь большие финансовые проблемы [3, с.198].

Рассмотрим тенденции перевода англоязычных военно-политических эвфемизмов на русский язык. В первую очередь, переводчику необходимо найти и расшифровать эвфемизм. Кроме того, эвфемизм – это лексема, которая является трудной для перевода, если переводчик намерен сохранить эвфемистическую функцию исходной лексической единицы.

Предположим, что перед нами стоит задача перевести военно-политические эвфемизмы из данных примеров на русский язык:

1. Эвфемизм “*peacekeeping mission*” с точки зрения политической корректности должен переводиться как миротворческая миссия, которая должна быть направлена на спасение жителей в Сирии, но на самом деле речь идет о военных действиях. При переводе на русский язык можно сделать акцент на то, что все-таки это военное действие, тогда данное выражение будет иметь перевод «военная миротворческая миссия», сохраняя при переводе сущность политической корректности, но в то же время, появляется частичная расшифровка истины данного понятия.

Ms. Guerrero said that *the peacekeeping mission* was “dispatching a team to assess the situation and attempt a resolution,” and that the Syrian authorities had been asked to help [6].

Перевод: Представитель ООН Джозефина Герреро заявила, что военная миротворческая операция осуществляется командой военных, которые были направ-

лены в Сирию по просьбе сирийских властей для того, чтобы оценить ситуацию и предотвратить революцию.

При переводе на русский язык трудно сохранить положительную коннотацию, так как для русскоязычного общества характерно использование прямой номинации при освещении событий в СМИ.

Эвфемизм “crisis” используется для замены понятия «гражданская война». Конфликт в Сирии, который вполне можно называть гражданской войной, длится уже больше шести лет.

В примере из газеты “Daily Mail” мы видим, что “crisis” употребляется для обозначения гражданской войны в Сирии: “...the Syrian crisis as the 'lowest point in the world's inability to protect and defend the innocent” [7].

Перевод 1: Сирийский кризис является свидетельством проявления неспособности мирового сообщества защитить ни в чем не повинных людей.

Данный перевод выполнен с точки зрения политической корректности, вуалируя прямую номинацию.

Перевод 2: Гражданская война в Сирии является свидетельством проявления неспособности мирового сообщества защитить ни в чем не повинных людей.

При переводе осуществляется расшифровка сути понятия, открывая глаза читателю на происходящие события в Сирии.

2. Вместо существительного “warfare” в газетном тексте часто употребляется эвфемизм “confrontation”, которое способно скрыть истину явления, а именно маскируя прямую номинацию военных действий.

В статье “The Guardian” о событиях на Украине скрывается понятие “warfare” под эвфемизмом “confrontation: “...Ukrainian soldiers were killed during the confrontation” [8].

Перевод: Во время военных действий были убиты украинские солдаты.

В данном предложении происходит конкретное указание на ведение военных действий на Украине без сокрытия данного факта.

3. Эвфемистическое выражение “military advisers” используется вместо слов “troops” или “soldiers”.

Газета “The Sunday Times” в материал о жестоких военных событиях на территориях Ирака помещают в статью эвфемизм “military advisers”: “The US has sent up to 600 military advisers to Iraq, but John Kerry, the secretary of state, has insisted further aid be conditional on moves by Iraq’s government to heal the sectarian divide within the country” [9].

Перевод: США отправили в Ирак больше 600 военных, но госсекретарь Джон Керри настаивал на том, что дальнейшая помощь будет зависеть от действий правительства Ирака, направленных на примирение конфликтующих сторон в стране.

Эвфемизм “military advisers” возможно перевести на русский язык, давая прямую номинацию, исключая эвфемистическую функцию при переводе, т.к. для носителей русского языка США являются государством, которое всегда вмешивается в конфликты чужих стран, тем самым эвфемизация в данном примере для носителя русского языка неуместна.

4. Тактическая бомбардировка скрывается под эвфемизмом “air support”, не имеющего в своем составе негативных компонентов.

В статье газеты “Washington Post” про военные события в Сирии используется данный эвфемизм: “With U.S. air support, Syrian Kurds captured the strategic town of Tal Abyad from the Islamic State” [10].

Перевод: Благодаря поддержке США с воздуха, сирийский Курды захватили стратегически важный город Телль-Абъяд, который занимали вооруженные группировки «Исламского государства».

Для российского читателя поддержка с воздуха расценивается как бомбежка, поэтому вызывает определенные ассоциации. Так как действия США направлены были против боевиков ИГИЛ (запрещенная организация в РФ), поэтому однозначно данная ситуация расценивается нормально.

5. При освещении событий на Украине в американских и британских СМИ, говоря об уходе Виктора Януковича с поста президента Украины, стали использовать эвфемизм “*ousting*” (отстранение) вместо прямой номинации “*overthrow*” (свержение): “Thousands of people gathered in Moscow on Saturday for an anti-Western protest against the ousting of Ukraine’s pro-Russian president” [11].

Перевод: В Москве в субботу несколько тысяч людей пришли на митинг, выступая против отставки экс-президента Украины Виктора Януковича.

С точки зрения российского общества, Виктор Янукович – потерявший пост и отстраненный от власти президент Украины, который был вынужден бежать за пределы страны, чтобы сохранить свою жизнь и жизнь своей семьи. Таким образом, при переводе отражается суть происходящего со стороны России, которая не разделяет позицию Европы и США по этому вопросу.

6. Эвфемизм “*security assistance*”, под понятием которого вуалируется истинное намерение страны, вмешивающийся в вооруженные конфликты другой страны: “But Ukraine has every right to defend itself and we are in fact providing *security assistance* to help Ukraine in this effort” [12].

Перевод: Но Украина имеет полное право защищать себя, и мы, на самом деле, оказываем им помощь в их действиях по обеспечению безопасности собственных граждан.

В данном переводе удастся зашифровать вмешательство в военный конфликт под номинацией «помощь», но российский читатель, которому известны происходящие события на Украине, однозначно будет расценивать действия США как помощь украинской армии в убийстве мирных жителей.

7. В зарубежных СМИ можно встретить эвфемизм “*freedom fighters*” (борцы за свободу). Под этим эвфемизмом скрывается прямое обозначение террористов (боевиков): “The costs of helping refugees is straining the economies of the countries that neighbor Syria. And *freedom fighters* are now seen in a more complicated way” [13].

Перевод: Затраты на помощь беженцам значительно ухудшают состояние экономики соседних стран с Сирией. Тем самым, боевики оказались в еще более сложной ситуации.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при переводе англоязычных военно-политических эвфемизмов на русский язык, чаще всего, не удастся перевести данную лексему, сохраняя эвфемистическую функцию. В России феномен политкорректности выражен не так ярко, как в Европе и США. В том случае, когда удавалось сохранить феномен эвфемии при переводе, мы использовали калькирование.

Российский читатель привык к прямым номинациям, которые целиком и полностью отражают суть явления или понятия. Перед переводчиком стоит очень сложная задача при переводе эвфемизмов с английского языка на русский замаскировать и завуалировать факты, как это делают представители зарубежного сообщества, для которых эвфемизмы являются неотъемлемым компонентом публицистики, с помощью которого удастся манипулировать общественным сознанием.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Эвфемизм / О.С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 259 с.
2. Баскова Ю.Ф. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 162 с.
3. Миронова А.Ю. К вопросу о роли эвфемизмов в политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 1, №2. – С. 191-200.
4. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – М.: Изд. дом «Наука», 2001. – №3. – С. 58-70.
5. Розенталь Д.Э. Эвфемизм / Д.Э.Розенталь // Словарь – справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 435 с.
6. <http://www.nytimes.com/2013/03/07/world/europe/syria-developments.html> (дата обращения: 15.03.2017).
7. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3054094/Angelina-Jolie-rip-world-powers-Syrias-refugee-crisis.html> (дата обращения: 15.03.2017).
8. <http://www.theguardian.com/world/2014/may/06/ukraine-crisis-worsens-intense-fighting-warnings-civil-war> (дата обращения: 09.06.2017).
9. http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/Middle_East/article1430862.ece (дата обращения: 12.05.2017).
10. https://www.washingtonpost.com/opinions/a-strategy-for-iraq-and-syria/2015/06/18/20a52e28-15f1-11e5-9518-f9e0a8959f32_story.html (дата обращения: 11.05.2017).
11. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11426775/Thousands-take-part-in-Anti-Maidan-protest-in-Moscow-against-uprising-in-Ukraine.html> (дата обращения: 15.03.2017).
12. <http://www.theguardian.com/us-news/2015/feb/05/europa-partnership-joe-biden-ukraine-russia-isis> (дата обращения: 11.05.2017).
13. http://lens.blogs.nytimes.com/2014/10/29/poverty-and-uncertainty-for-widows-of-syrian-martyrs/?_r=0 (дата обращения: 09.02.2017).

ЗАГАДКА ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Ханбалаева С.Н.

старший преподаватель кафедры английского языка №3, д-р филол. наук,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Россия, г. Москва

Веденяпина Э.А.

канд. филол. наук, Россия, г. Москва

В статье рассматривается проблема нравственного конфликта в душе Германна, героя повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», глубинного конфликта между жадой обогащения и выполнением продиктованного свыше обязательства перед девушкой, пострадавшей от него, на почве соотношения реального и ирреального миров. Подспудные нравственные переживания в душе Германна выразились в том, что он, сражаясь за зеленым сукном стола не на жизнь, а на смерть, своей рукой наносит себе поражение.

Ключевые слова: карты, игра, старуха, сон.

В повести «Пиковая дама» А.С. Пушкин, кажется, дальше, чем в других своих произведениях, вышел за пределы реалистического изображения. Герой этой повести – обрусевший немец по фамилии Германн, военный инженер, служит, не богатый, живет скромно. Он страстно наблюдает за карточной игрой, но не играет, так как не может, по его словам, жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее. Однако, услышав тайну трех карт, решился.

Германн не злодей, хотя о нем сказано, что на его совести могут быть три злодеяния. Он не подлец, хотя, уговорив Лизу на ночное уединенное свидание в ее комнате, он не пошел к ней, а проник в спальню старой графини, чтобы любыми путями, вплоть до того, чтобы стать ее любовником, получить тайну трех карт. Он всегда искренен. Это особенно хорошо оттеняет неискренность игрока Чекалинского, тихого и ласкового. Германн сопоставим с романтическим героем, например, с героем поэмы Пушкина «Кавказский пленник». Он горд, одинок, откровенен, человек одной страсти, целенаправлен и мужественен. Словом, супермен. Вот только страсть его – не свобода, не высшие идеалы. «Деньги – вот чего алкала его душа!» [5] – прозрела бедная Лиза. Романтический герой отрицает весь мир ради высокого идеала. Германн отринул все нравственные правила и идеи ради обогащения. Тайну трех карт он воспринял как тайну жизни, как возможность узнать секрет той пружины жизни, овладев которой можно всю жизнь перевернуть, став в ней господином. Подлинным игроком он стал в сумасшествии: он сосредоточился на картах в буквальном смысле.

Характерно, как он ведет себя после смерти графини. Тайна ускользнула от него. Мечется ли он в расстройстве и страхе? Нет. Он хладнокровно говорит Лизе, что был в спальне старой графини: «Я сейчас от нее. Она умерла» [5]. Лиза в ужасе. А он спокойно поясняет: «И кажется, я причиною ее смерти» [5]. Прощаясь с Лизой, он вежливо пожал ее руку и поцеловал ее наклоненную голову. Когда Лиза плакала, он сидел на окошке, «сложив руки и грозно нахмурясь». В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну» [5]. Тайна трех карт вытеснила мысли о жизни и смерти, о его вине в смерти графини, в разочаровании Лизы, вытеснила всё, став выше всех жизненно важных проблем. Но ведь Германн не был в таких условиях, когда деньги решали бы всё! Он, к примеру, не голодал. Он и так был вполне независимым. Иными словами, здесь не столько деньги значимы, сколько проявление натуры героя, героя, раздираемого противоречиями. Ведь спокоен он только внешне. Пушкин пишет: «сердце его ... терзалось». Позже, в пятой главе, читаем: «Не чувствуя раскаяния, он не мог однако совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи!» [5]. И доказательством того, что совесть в нем была жива, является исход карточного поединка Германна с Чекалинским. Графиня правильно назвала карты, Германн неправильно выдернул: вместо туза он достал другую – даму пик. «Он не верил своим глазам: не понимая, как он мог обдернуться» [5]. Не убийца, не подлец и не игрок, Германн не мог в самой глубине души вытравить сознание своего нравственного преступления. Оно заключалось не только в смерти старухи, но и в невыполнении ее условия, сделанного ею посмертно.

В ту роковую ночь она уже согласилась открыть секрет: «она закивала головою», но не успела этого сделать от испуга: «подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела, и осталась недвижима» [5]. «Германн увидел, что она умерла» [5]. В ночь погребения, после того, как Германн приходил просить у нее прощения в церкви на отпевании, она явилась ему.

Пушкин изобразил это событие не как фантастическое, а как реальное, без всякой таинственности и мистических ужасов, как явление вполне бытовое, так что Германн вначале не обратил никакого внимания на происходящее. Он не был пьян, хотя накануне много пил. Он уже проспался, проснулся и сидел на кровати, вспоминая похороны графини. Пушкин пишет: «В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, – и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Чрез минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, – и Германн узнал графиню!» [5].

До сих пор спорят о том, как это понимать. Ф. Достоевский так оценил видение: «Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» – верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразно с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя ее, вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству, духов... Вот это искусство!» [4, с. 178].

Между тем единственное фантастическое движение: она скользнула, когда оказалась перед ним. Уходя, она шаркала, открывала дверь, заглянула в окошко. После ее ухода Германн долго не мог успокоиться, заглянул в переднюю. Денщик спал. Дверь была заперта. Он вернулся к себе и записал видение. В этом видении не было ничего пугающего.

В поэме Пушкина «Медный всадник» есть потрясающий фантастический образ – бронзовый царь на коне мчится по Петербургу. Но это видение дано через восприятие больного человека и воспринимается как образ. В повести – будничная обстановка визита покойницы, обыденность подчеркивает реальность происходящего. Главное: визит описан автором, а не Германном. Он даже не обратил внимания на первое заглядывание в окно. И конечно, самый главный довод в пользу реальности события – сама тайна трех карт. Именно эти три карты и вынул потом Чекалинский. Если бы все происходящее только померещилось Германну, а то, что Чекалинский потом вынул именно те карты, счесть потрясающим совпадением, то повесть лишится главного содержания и сведется к пустому анекдоту. В действительности все гораздо глубже. Реальность (а не фантастичность) визита, как и ухмылка в гробу, имеет значение как проявление того, что смерть и погребение не являются концом жизни, а лишь (хотя и важным) эпизодом нескончаемой жизни. Жизнь предстает в этой повести как отражение другой, не здешней.

Глава IV начинается такими странными, на первый взгляд, словами: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место» [5]. Как можно говорить об идеях, что они «неподвижные»? Почему Пушкин дает физическое определение явлению нефизическому? Выражение «неподвижная идея» в «Словаре языка Пушкина» трактуется как «навязчивая идея (*idée fixe*)» [2]. Пушкин тут же разъясняет смысл идей: «Тройка, семерка, туз – скоро заслонили в воображении Германна образ мертвой старухи» [5]. Если первая идея – выигрыш – и был навязчивой идеей Германна, то вторая, связанная с образом покойной (убитой) графини и ее предложением о женитьбе на ее воспитаннице, никак не может быть

названа навязчивой. Она для Германна не только не навязчивая, но неожиданная, хотя имеющая значение важного условия – условие спасения души. Объяснение такого неожиданного определения (неподвижная идея) может быть только одно: речь идет о мире несотворенных идей, мыслей Бога о мире, которые «предсуществуют в Боге», «определяют и создают всё сущее». Этот мир является «отблесками Божественного Логоса, Бога Сына» – канонов, законов красоты, добродетели, справедливости. «Они статичны». «Это образы, знаки, парадигмы, генетические коды, «перфокарты», существующие вечно в Божественном Разуме». «Бог устроил этот мир как некое отображение надмирного мира, чтобы нам через духовное созерцание его как бы по некоей лестнице достигнуть одного мира», – писал Григорий Палама [3]. Смысл протипоставления нравственного мира миру земному, физическому, содержится в цитированной фразе из повести. Только нравственный мир имеется в виду не тот, носителем которого мы являемся, а – неземной. Свидетельством тому – определение: «неподвижные».

Не отражением ли спора о душе Германна является ухмылка старой графини в гробу? Ведь она этим самым могла заявить о том, что Германн безнадежно безнравственен. Ее ухмылка на карте в виде дамы пик как будто бы подтверждает это. И в самом деле: формально она права. В ту страшную ночь для Германна не существовали нравственные проблемы, и позже они не возникли у него, виновного в смерти без покаяния, самой страшной для христианина смерти. Не возникали они у него и после ее условия: «Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтобы ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне» [5]. Ведь Германн не только увлек Лизу страстными речами, не только сделал ее сопричастницей преступления, но и лишил ее средств к существованию. Однако он не только не принял все это во внимание, но и не обратил внимания на другой момент, имеющий к нему самое прямое отношение: «Прощаю тебе мою смерть» [5]. Невыполнение требования ведет к непростению его вины. Разум Германна не фиксирует этого, но зафиксировала его душа. Подсознательное чувство вины вело его руку, которая вместо видимого глазами туза вынимает и кладет даму пик.

Германн виновен. Не случайно четвертой главе предпослан эпитафия: «*Homme sans mœurs et sans religion! Переписка*», в переводе: «Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого (*франц.*)» [2]. Но, в сущности, он и пострадал, заплатив рассудком за нравственное преступление, став жертвою внутренних противоречий, борьбы между жадой обогащения и совестью. Аморальный человек не ошибся бы, не произошло бы драмы, и не было бы пушкинской повести. Именно пушкинской, которая дает повод не ужасаться, не проклинать порок, а сострадать борьбе, идущей в душе человека.

До этой повести известны сны пушкинских героев. Это, прежде всего, знаменитый сон Татьяны Лариной в романе в стихах Пушкина «Евгений Онегин». В этом сне предсказана судьба Ленского, которого застрелит на дуэли его друг Онегин. И еще одно предсказание: прежде этого сна, во время встречи в саду Онегина с Татьяной, он строго отчитал ее за признание ему в любви – во сне же он ласково обходится с ней. На именинах (после сна) Онегин действительно вдруг одарил Татьяну ласковым взглядом. Этот сон, с медведем и чудовищами, навеян сказочными мотивами, но предсказывает ближайшее будущее. (Иронический сон Адриана Прохорова в «Гробовщике», одной из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, имеет характер шутки, как продолжение той шутки, которую гробовщик пережил накануне, будучи в гостях).

Иной сон в романе «Капитанская дочка». О нем сообщает сам Петр Гринев: «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни» [5]. Сон оказался пророческим и почти в реалистическом, но все же в обобщенном изложении.

Исходя из того, что во сне Германн получил реальную, конкретную информацию, нельзя считать сон символическим. Германн получил несколько новых сообщений: названы три выигрышные карты, сказано о прощении Германна за смерть графини и сформулировано условие: женитьба на ее воспитаннице.

Эта маленькая повесть многоаспектна. Ее вполне можно было бы снабдить подзаголовком: о милосердии Божиим и своеволии человеческом – потому что все происшедшее с Германном с точки зрения христианской морали может быть расценено так: каждому по вере его. Почему ему явилась покойница? Потому что, имея «мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь...» [5] В соответствии с его верой она и является ему, но не вредить, а предупредить, наставить на истинный путь. Притом первое, что она сказала: «Я пришла к тебе против своей воли» [5]. Она выполняет волю пославшего ее – благую волю. Но и ей не внял Германн. И потерял свою маленькую веру.

Германн – человек, через которого прошла ось истории. Он соединил в себе прошлое и будущее русского общества. От прошлого, от дворянства, в нем – благородная трезвость мысли, способность к самоанализу, страстность как сила, влекущая к идеалу. Он не игрок. Игрок играет ради процесса игры, ради особого нервного напряжения. Германн жаждет обогащения – вот в чем смысл его соединения с будущим. Он – первая ласточка будущих буржуазных устремлений в России.

С.М. Бонди считал, что сюжет «Пиковой дамы» «имеет более глубокий и обобщенный смысл», а именно: «Показаны (в самой сгущенной и условной форме) первые шаги, начальная стадия важнейшего исторического процесса – смены старого крепостнического, дворянского порядка новым, буржуазным, капиталистическим. Германн – человек, воплощающий в себе черты хозяев этого нового исторического периода, будущих хозяев жизни». Способен ли Германн стать буржуа? Вряд ли. Его натура слишком возвышенна для этого. Если он получит богатство, он станет его рыцарем, как герой пушкинской пьесы «Скупой рыцарь». Устремление Германна – это движение в сторону первоначального накопления капитала. Для такой личности, как он, это не путь, это тупик [1].

И еще один аспект есть в этом произведении, имеющий далеко идущие последствия в русском обществе. Это проблема средств и цели. Умоляя графиню раскрыть ему тайну карт, Германн убеждает ее именем своих потомков, которые благословят ее память и будут чтить как святыню. Значит, цель Германна – обеспечить семью и потомков. А вот и средство: если тайна сопряжена «с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором... Подумайте: вы старая, жить вам уже недолго, – я готов взять грех на свою душу» [5]. Погубив душу, можно ли спасти потомков? Сюжет показывает, что не только спасти потомков, но и иметь их нельзя, стоя на таком скользком пути. Так средство разоблачает цель.

По натуре Германн незауряден. Не случайно его сходство с Наполеоном. Как незаурядная личность, Наполеон был предметом восхищения Пушкина. Он писал о нем как о гении, о властителе дум (стих. «К морю»). «Гробница славы», «воспоминанья величавы» – это о нем. Культ Наполеона был не мал в русском обществе того

времени. Декабристы офицеры С. Муравьев-Апостол и П.И. Пестель были уверены в своем внешнем сходстве с Наполеоном, которое если не мотивировало, то поддерживало их в активных действиях [2]. Герой романа Л. Толстого «Война и мир» князь Андрей Болконский был воодушевлен славой Наполеона и мечтал о подобной славе для себя. Он действительно совершил подвиг в Аустерлицком сражении. Можно сказать, что Германн не понял сил своей души, истратив их бесполезно. А может быть – он чутко уловил новое веяние в развитии общества, от феодализма к капитализму. Теперь целью героя стал не военный подвиг, а обогащение. От этой повести – прямой путь к знаменитому роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание», в котором бедный студент Раскольников убивает старуху-процентщицу с целью овладеть ее капиталом для совершения добрых дел. Раскольников не выносит мук совести, признается в совершении преступления, идет на каторгу. Очень неприглядна у Достоевского та старуха. По мнению молодого человека, вошь, а не человек. Не слишком приглядна и графиня у Пушкина с ее мутными глазами, распухлыми ногами, отвислыми губами, она вся «ужасна и безобразна» вместе с «отвратительными таинствами ее туалета». «Страшная старуха» [5]. Старая: родственники давно смотрели на нее как на отжившую. Казалось, Германн просто помог ей наконец уйти в мир иной. Но, как и в случае с Раскольниковым, всё оказалось иначе, чем замышлялось. Нарушение нравственных законов ведет человека к гибели.

Список литературы

1. Бонди С.М. Рождение реализма в творчестве Пушкина. В кн.: «О Пушкине». М., «Худ. лит», 1978.
2. Бочаров С.Г. «Пиковая дама». В кн.: «Поэтика Пушкина». М.: «Наука», 1974.
3. Восторгов И. Вечное в творчестве поэта. В кн.: «А.С. Пушкин. Путь к Православию». М., «Отчий дом». М., 1997.
4. Достоевский Ф.М. Письма, т. IV. М., 1959.
5. Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 10 т., т. VI. М.: «Наука», 1964.

О ФОНОСТАТИСТИКЕ СЛОВАРЯ ЭПОСА «МАНАС»

Шерова А.

преподаватель, Сулюктинский региональный институт,
Баткенский гуманитарный университет, Кыргызстан, г. Сулюкта

Статья посвящена анализу фоностатистики звуков словаря эпоса «Манас» по вариантам Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева.

Ключевые слова: эпос «Манас», варианты Сагымбая и Саякбая, словарный состав, фоностатистика звуков.

Как известно, «Большой кыргызско-турецкий словарь словоуказателей эпоса «Манас», составленный по вариантам Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева, был издан Турецким лингвистическим обществом в 2011 г. [1]. В статье представлен анализ фоностатистики звуков эпоса «Манас» на базе данного словаря. Объем текста двух вариантов – 598956 словоупотреблений [2-10]. Число разных словоформ в этих вариантах – 52703 единиц, а число разных слов – 20276 лексем [11, с. 234-285]. Таким образом, компьютерная обработка фоностатистики звуков

производилась именно на базе данного словаря с объемом в 20276 слов. Более того, для анализа фоностатистики звуков словаря с помощью компьютера были составлены частотные словари звуков по трем позициям: в начале слов, в середине и конце слов, а также общий частотный словарь по сумме этих трех позиций. Для каждого частотного словаря были указаны следующие признаки: ранговый номер звука, сам звук, частота употребления звука и доля его употребления в %.

Общая фоностатистика звуков представлена в частотном словаре (ЧС) следующего вида.

Таблица 1

Общий ЧС звуков

№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в%	№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в%
1	а	15601	13,57	18	ү	2836	2,47
2	к	10862	9,45	19	ш	2729	2,37
3	т	7183	6,25	20	и	2681	2,33
4	р	6791	5,91	21	ж	2322	2,02
5	л	6539	5,69	22	г	2001	1,74
6	ы	6078	5,29	23	з	1622	1,41
7	е	5031	4,38	24	п	1587	1,38
8	н	4478	3,89	25	ң	1545	1,34
9	й	4218	3,67	26	уу	1122	0,98
10	д	4213	3,66	27	оо	624	0,54
11	у	4126	3,59	28	аа	567	0,49
12	о	3934	3,42	29	үү	411	0,36
13	б	3339	2,90	30	өө	322	0,28
14	ө	3200	2,78	31	ээ	153	0,13
15	м	3026	2,63	32	х	19	0,02
16	с	2929	2,55	33	в	7	0,01
17	ч	2900	2,52	34	ф	4	0,01
					Всего	115000	100,0

Как видим, ЧС содержит расположенные по убывающей частоте 34 звука, в том числе 8 кратких и 6 долгих гласных, 20 согласных звуков. Эти звуки по частоте их употребления в словаре распределяются следующим образом:

- 1) группа наиболее часто употребляемых звуков (1-2 строки);
- 2) группа часто употребляемых звуков (3-12 строки);
- 3) группа средне-часто употребляемых звуков (13-25 строки);
- 4) группа редко употребляемых звуков (26-31 строки);
- 5) группа наиболее редко употребляемых звуков (32-34 строки).

Первая группа, содержащая наиболее часто употребляемые звуки словаря, состоит из двух звуков, а именно: из гласного **а** и согласного **к**. В корпусе словаря, состоящего из 115000 звуков, звук **а** встречается 15601 раз, что составляет 13,57% долю всего корпуса. То есть из 100 слогов словаря 13-14 слогов образуется именно с помощью гласного **а**. Частота звука **к** – 10862, доля – 9,45 %. Следовательно, внутри группы звук **к** на 4,12% встречается реже, чем звук **а**. Общая частота употребления звуков этой группы – 26463, доля – 23,02%. Из этого следует, что примерно одна четвертая часть состава словаря эпоса образуются звуками данной группы.

Во вторую группу входят высокочастотные звуки **т, р, л, ы, е, н, й, д, у, о**, которые по частоте и доле их употребления распределяются в следующем порядке: **т** (7183 – 6,25%), **р** (6791 – 5,91%), **л** (6539 – 5,69%), **ы** (6078 – 5,29%), **е** (5031 – 4,38%), **н** (4478 – 3,89%), **й** (4218 – 3,67%), **д** (4213 – 3,66%), **у** (4126 – 3,59%), **о** (3934 – 3,42%). Как видим, эти данные говорят о том, что среди согласных звуков после согласного **к** чаще употребляются функционально сильные согласные **т, р, л, н, й, д**. В то же время из гласных после звука **а** такими же свойствами обладают гласные **ы, е**, далее и гласные **у, о**. При этом суммарная частота употребления второй группы – 52591, доля – 45,73%. Это значит, что примерно половина словарного состава эпоса формируется звуками данной группы.

В состав средне-часто употребляемую третью группу входят звуки **б, ө, м, с, ч, ү, ш, и, ж, г, з, п, ң**, которые по частоте и доле их употребления распределяются в следующей последовательности: **б** (3339 – 2,90%), **ө** (3200 – 2,78%), **м** (3026 – 2,63%), **с** (2929 – 2,55%), **ч** (2900 – 2,52%), **ү** (2836 – 2,47%), **ш** (2729 – 2,37%), **и** (2681 – 2,33%), **ж** (2322 – 2,02%), **г** (2001 – 1,74%), **з** (1622 – 1,41%), **п** (1587 – 1,38%), **ң** (1545 – 1,34%). Общая частота употребления группы – 32717, доля – 28,45%. Это значит, что одна третья часть словарного состава эпоса образуется звуками данной группы.

В состав наиболее редко употребляемой пятой группы входят звуки **х, в, ф**, которые встречаются только в составе 30 слов иноязычного происхождения. Их доля – 0,04%. Это говорит о том, что согласные **х, в, ф** занимают маргинальную позицию в звуковом пространстве кыргызского языка.

В заключении можно сказать, что наиболее часто употребляемые звуки **а, к, т, р, л, ы**, которые занимают первые 6 позиции общего частотного словаря, составляют примерно половину всех звуков, входящих в словарный состав эпоса «Манас». Интересно, что эта группа содержит 2 гласных твердого тембра **а** и **ы**, 2 глухих согласных периферийно-центрального образования **к** и **т**, 2 сонорных согласных ротового образования **р** и **л**.

Фоностатистика звуков, представляющих начальную позицию слова, верифицируется в виде следующего ЧС.

Таблица 2

ЧС начальной позиции слова

№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %	№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %
1	к	4563	23,26	16	ү	228	1,16
2	т	2124	10,83	17	и	221	1,13
3	б	1769	9,02	18	з	215	1,10
4	ж	1755	8,95	19	н	215	1,10
5	а	1697	8,65	20	п	71	0,36
6	с	1292	6,59	21	оо	59	0,30
7	ч	1128	5,75	22	ээ	43	0,22
8	м	775	3,95	23	л	36	0,18
9	д	644	3,28	24	уу	34	0,17
10	е (э)	614	3,13	25	г	22	0,11
11	о	577	2,94	26	өө	16	0,08
12	ш	463	2,36	27	аа	14	0,07
13	ө	392	2,00	28	х	8	0,04
14	у	375	1,91	29	р	6	0,03
15	ы	261	1,33	30	ф	1	0,01
					всего	19618	100,00

Из данных ЧС следует, что начальная позиция кыргызских слов формируется набором, состоящим из 30 звуков. Для данной позиции имеет место запрет на употребления четырех фонем **ң, й, в, үү**, которые допускаются в других позициях середины и конца слова. Более того, из первой пяти строк частотного словаря звуки **к, т, а** сохраняют свою высокочастотную активность как в общей фоностатистике слова, так и в фоностатистике анлаута лексемы.

Набор звуков, представленных в ЧС, по частоте их употребления можно распределить следующим образом:

- 1) группа наиболее часто употребляемых звуков (1 строка);
- 2) группа часто употребляемых звуков (2-7 строки);
- 3) группа средне-часто употребляемых звуков (8-19 строки);
- 4) группа редко употребляемых звуков (20-27 строки);
- 5) группа наиболее редко употребляемых звуков (28-30 строки).

Как видим, во главе этих групп идет самая высокочастотная группа, содержащая единственную фонему **к**: частота ее употребления – 4763, доля – 23,6 %. Это значит, что примерно четвертая часть начала слов лексической базы эпоса формируется за счет фонемы **к**.

Во вторую группу входят высокочастотные звуки **т, б, ж, а, с, ч**, которые по частоте и доле их употребления распределяются в следующем порядке: **т** (2124 – 10,83%), **б** (1769 – 9,02%), **ж** (1755 – 8,95%), **а** (1697 – 8,65%), **с** (1292 – 6,59%), **ч** (1128 – 5,75%). Как видим, эти данные говорят о том, что среди согласных звуков после согласного **к** чаще употребляются функционально сильные согласные **т, б, ж, с, ч**. В то же время из гласных после звука такими же свойствами обладает гласный **а**. При этом суммарная частота употребления второй группы – 9765, доля – 49,78%. Это значит, что примерно половина начала словарного состава эпоса формируется звуками данной группы.

В 8-19 строках представлена группа, содержащая средне-частотных звуков **м, д, е, о, ш, ө, у, ы, ү, и, з, н**, которые статистически распределяются так: **м** (775 – 3,95%), **д** (644 – 3,28%), **е** (614 – 3,13%), **о** (577 – 2,94%), **ш** (463 – 2,36%), **ө** (392 – 2,00%), **у** (375 – 1,91%), **ы** (261 – 1,33%), **ү** (228 – 1,16%), **и** (221 – 1,16%), **з** (215 – 1,10%), **н** (215 – 1,10%). Суммарная частота данной группы – 4980, доля – 25,38%. Это означает, что примерно четвертая часть начала словарного состава эпоса формируется звуками данной группы.

Группа редко употребляемых звуков (20-27 строки) по данным ЧС распределяется следующим образом: **п** (71 – 0,36%), **оо** (59 – 0,30%), **ээ** (43 – 0,22%), **л** (36 – 0,18%), **уу** (34 – 0,17%), **з** (22 – 0,11%), **өө** (16 – 0,08%), **аа** (14 – 0,07%). Общая частота употребления группы – 295, доля – 1,5%. Это значит, что из 100 слов начало 1-2 слов образуется звуками данной группы.

В состав наиболее редко употребляемой пятой группы входят звуки **х, р, ф**, которые встречаются только в составе 15 слов иноязычного происхождения. Их доля – 0,08%. Это говорит о том, что согласные **х, р, ф** занимают периферийную позицию в отношении формирования звукового пространства анлаута кыргызского языка.

В заключении можно сказать, что наиболее часто употребляемые звуки **к, т, б, ж, а, с, ч**, входящие в две первые высокочастотную группу, занимают 73,38% долю всех анлаутов словарного состава эпоса. Это значит, что три четвертая часть начала слов эпоса формируются звуками данной группы.

Фоностатистика звуков, представляющих серединную позицию слова, верифицируется в виде следующего ЧС.

Таблица 3

ЧС звуков средней позиции слова

№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %	№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %
1	а	11734	15,48	18	ч	1589	2,10
2	л	5405	7,13	19	б	1566	2,07
3	р	5351	7,06	20	с	1355	1,79
4	ы	5151	6,80	21	ң	1217	1,61
5	к	4128	5,45	22	ш	1072	1,41
6	е	3786	5,00	23	п	1035	1,37
7	д	3563	4,70	24	з	906	1,20
8	т	3486	4,60	25	ж	561	0,74
9	у	3384	4,46	26	аа	476	0,63
10	о	3003	3,96	27	оо	393	0,52
11	й	2742	3,62	28	уу	359	0,47
12	н	2437	3,22	29	өө	203	0,27
13	ү	2371	3,13	30	ээ	96	0,13
14	ө	2318	3,06	31	үү	65	0,09
15	и	2136	2,82	32	х	11	0,01
16	г	1979	2,61	33	в	6	0,01
17	м	1908	2,52	34	ф	3	0,004
					Всего	75795	100,00

Как видим, в ЧС звуков средней позиции слова представлен полный набор, состоящий из всех 34 звуков кыргызского языка, тогда как в ЧС начальных звуков слова из данного набора отсутствуют звуки **ң, й, в, үү**, для которых в анлауте слов эпоса существует запрет на их употребление.

Статистически 34 звуков, формирующих медиальную позицию слов эпоса, распадаются на следующие группы:

- 1) группу наиболее часто употребляемых звуков (1 строка);
- 2) группу часто употребляемых звуков (2-9 строки);
- 3) группу средне-часто употребляемых звуков (10-24 строки);
- 4) группу редко употребляемых звуков (25-31 строки);
- 5) группу наиболее редко употребляемых звуков (31-34 строки).

Из этих групп особняком стоит первая самая высокочастотная группа, содержащая в себе единственную неогубленную гласную фонему нижнего подъема заднего ряда **а**. В анализируемом корпусе звук **а** в медиальной позиции слов зафиксирован 11734 раз, что составляет 15,48% долю всех медиальных звуков слов эпоса.

Звуки **л, р, ы, к, е, д, т**, входящие в следующую по частотности группу, характеризуются так: суммарная частота их встречаемости – 34254, доля – 45,19%. Из них в медиальной позиции чаще встречаются согласные звуки **л, р**: соответственно их частоты – 5405 и 5351 раз, доли – 7,13% и 7,06%. Остальные звуки данной группы в порядке убывания их статистических показателей располагаются в следующем порядке: **ы** (5151 – 6,80%), **к** (4128 – 5,45%), **е** (3786 – 5,00%), **д** (3563 – 4,70%),

т (3486 – 4,60%), **у** (3384 – 4,46%). В целом семиотический потенциал у этой группы составляет почти половину всех звуков, образующих медиальную позицию слов эпоса.

Звуки, входящие в состав средне-частотной третьей группы (10-24 строки), статистически располагаются в следующем порядке: **о** (3003 – 3,96%), **й** (2742 – 3,62%), **н** (2437 – 3,22%), **у** (2371 – 3,13%), **ө** (2318 – 3,06%), **и** (2136 – 2,82%), **з** (1979 – 2,61%), **м** (1908 – 2,52%), **ч** (1589 – 2,10%), **б** (1566 – 2,07%), **с** (1355 – 1,79%), **ң** (1217 – 1,61%), **ш** (1072 – 1,41%), **п** (1035 – 1,37%), **з** (906 – 1,20%). В этой группе между начинающим группу звуком **о** и замыкающим ее звуком **з** частота встречаемости уменьшается в 3 раза. Общая частота – 26749, доля – 35,29%. Это значит, что функциональная сила данной группы по сравнению со второй группой меньше на 10%. С другой стороны, одна третья часть средней позиции слов эпоса образуется звуками данной группы.

Четвёртая группа, содержащая редкочастотные звуки **ж, аа, оо, уу, үү** (25-31 строки), характеризуется так: общая частота – 1992, доля – 2,63%; в том числе: **ж** (1622 – 1,41%), **аа** (1587 – 1,38%), **оо** (1545 – 1,34%), **уу** (1122 – 0,98%), **өө** (322 – 0,28%), **ээ** (96 – 0,13%), **үү** (65 – 0,09%). Отсюда следует, что звуки данной группы участвуют в формировании порядка 3% инлаута слов эпоса.

Самая низкочастотная группа содержит звуки **х, в, ф** (32-34 строки), которые встречаются в инлауте только 20 слов иноязычного происхождения.

В заключении следует отметить, что доля звуков, представляющих серединную позицию 20276 слов эпоса «Манас», верифицируется следующим образом: 1-2 группы – 60,67%, 3 группа – 35,29%, 4-группа – 2,63%, 5 группа – 0,03%.

Фоностатистика звуков, представляющих позицию конца слова, верифицируется в виде следующего ЧС.

Таблица 4

ЧС звуков конечной позиции слова

№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %	№	Звук	Частота употребления	Доля употребления в %
1	к	2171	11,08	17	үү	346	1,77
2	а	2170	11,08	18	м	343	1,75
3	н	1827	9,33	19	ң	327	1,67
4	т	1573	8,03	20	и	324	1,65
5	й	1476	7,54	21	с	282	1,44
6	р	1434	7,32	22	ү	237	1,21
7	ш	1194	6,10	23	ч	183	0,93
8	л	1098	5,61	24	оо	172	0,88
9	уу	729	3,72	25	өө	103	0,53
10	ы	666	3,40	26	аа	77	0,39
11	е	631	3,22	27	ээ	14	0,07
12	з	501	2,56	28	д	6	0,03
13	ө	490	2,50	29	ж	6	0,03
14	п	481	2,46	30	б	4	0,02
15	у	367	1,87	31	в	1	0,01
16	о	354	1,81				
					Всего	19587	100,00

Как видим, позицию конца 19587 слов эпоса формирует набор, состоящий из 31 звуков. Эти звуки по статистическим характеристикам распадаются на следующие 5 группы:

- 1) группу наиболее часто употребляемых звуков (1-2 строки);
- 2) группу часто употребляемых звуков (3-8 строки);
- 3) группу средне-часто употребляемых звуков (9-20 строки);
- 4) группу редко употребляемых звуков (21-26 строки);
- 5) группу наиболее редко употребляемых звуков (27-31 строки).

Из этих групп самой высокочастотной является 1-группа, которая содержит согласную фонему **к** велярноувулярной зоны артикуляции и неогубленную широкую гласную фонему **а** заднерядного образования. В анализируемом корпусе в медиальной позиции слов звук **к** зафиксирован 2171 раз, звук **а** – 2170 раз. Доля каждого из них – 11,08 %, а суммарная их доля – 22,16%. Это значит, что почти одна пятая часть ауслата лексикона эпоса «Манас» формируется данной группой звуков.

Ко второй группе относятся звуки **н, т, й, р, ш, л** (3-8 строки), которые характеризуются следующими показателями: **н** (1827 – 9,33%), **т** (1573 – 8,03%), **й** (1476 – 7,56%), **р** (1434 – 7,32%), **ш** (1194 – 6,10%), **л** (1098 – 5,61%). Между звуком **н** (1827 – 9,33%) и звуком **л** (1098 – 5,61%) статистические показатели разнятся в 2 раза. Суммарная частота группы – 8602, ее доля – 43,9%. Это значит, что с помощью данной группы формируется порядка 45% ауслата лексической базы эпоса.

Звуки, входящие в средне-частотную 3-группы (9-20 строки), по статистическим данным распределяются следующим образом: **уу** (729 – 3,72%), **ы** (666 – 3,40%), **е** (631 – 3,22%), **з** (501 – 2,56%), **о** (490 – 2,50%), **п** (481 – 2,46%), **у** (367 – 1,87%), **о** (354 – 1,81%), **уу** (346 – 1,77%), **м** (343 – 1,75%), **ң** (327 – 1,67%), **и** (324 – 1,65%). Общая частота группы – 4959, ее доля – 25,32%. Это значит, что четвертая часть ауслата лексикона эпоса формируется за счет звуков данной группы.

4 группа редко употребляемых звуков (21-26 строки) характеризуются так: **с** (1622 – 1,41%), **у** (1587 – 1,38%), **ч** (1545 – 1,34%), **оо** (1122 – 0,98%), **өө** (322 – 0,28%), **аа** (77 – 0,39%). Общая частота группы – 1054, ее доля – 5,38%. С точки зрения формирования ауслата эта группа занимает периферийную позицию.

5 группа наиболее редко употребляемых звуков (27-31 строки) имеет следующую характеристику: **ээ** (14 – 0,07%), **д** (6 – 0,03%), **ж** (6 – 0,03%), **б** (4 – 0,02%), **в** (1 – 0,01%). Общая частота группы – 31, доля – 0,16%. Наибольшая низкочастотность данной группы объясняется тем, что входящие в эту группы звонкие согласные **д, ж, б, в** по законам кыргызской фонетики в абсолютном конце слова не употребляются.

Таким образом, фоностатистика группы звуков, представляющих позицию конца слова эпоса «Манас», располагается в следующем порядке: 1-2 группы – 66,08%, 3 группа – 25,32%, 4 группа – 5,38%, 5 группа – 0,16%.

Список литературы

1. Sadikov T., Şarşembaev B. Manas destanı Kırgızca-Türkçe Büyük Dizin. Ankara: TDK, 2011, 1647 s.
2. Сагымбай Орозбак уулу. Манас. I китеп. Ф: Кыргызстан, 1978.
3. Сагымбай Орозбак уулу. Манас. II китеп. Ф: Кыргызстан, 1980.
4. Сагымбай Орозбак уулу. Манас. III китеп. Ф: Кыргызстан, 1981.
5. Сагымбай Орозбак уулу. Манас. IV китеп. Ф: Кыргызстан, 1982.
6. Саякбай Каралаев. Манас. I китеп. Ф: Кыргызстан, 1984.

7. Саякбай Каралаев. Манас. II китеп. Ф: Кыргызстан, 1986.
8. Саякбай Каралаев. Семетей. I китеп. Ф: Кыргызстан, 1987.
9. Саякбай Каралаев. Семетей. II китеп. Ф: Кыргызстан, 1989.
10. Саякбай Каралаев. Сейтек. Ф: Кыргызстан, 1991.
11. Словоуказатель эпоса «Манас». Б., 2015.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ПРИНЦИПЫ ОРИГАМИ В АРХИТЕКТУРНЫХ СТРУКТУРАХ

Бугаева П.А.

студентка Института дизайна пространственной среды,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются принципы оригами как основа для создания конструктивных элементов. Структуры на основе оригами позволяют создавать разработки, которые могут трансформироваться, что способствует уменьшению затрат на энергоресурсы. Это позволяет архитекторам и дизайнерам проектировать объекты с большей функциональностью.

Ключевые слова: архитектура, оригами, конструкции, структуры, здания, сооружения.

В последнее время, оригами стало объектом повышенного интереса исследовательской деятельности. Своими корнями это искусство уходит в Древний Китай, где и была изобретена бумага. Оригами (от яп. «сложенная бумага») это вид декоративно-прикладного искусства, которое представляет собой особый способ складывания фигурок из бумаги.

Последние исследования показали, что принцип оригами может быть применён в различных сферах – от нано-структур до космических разработок. В частности, данный метод также может быть применён в архитектуре к конструктивным элементам, включая сводчатые потолки, световые люки и трансформируемые (выдвигающиеся) крыши.

Учёные исследуют архитектурные, технологические и физико-математические аспекты основанных на оригами складывающихся структур-пластин. Такие структуры обладают высокой прочностью, схема их соединения может быть применена и к другим тонким материалам, таким как пластмасса и металл, что дает невероятный простор для творчества в архитектурной области [1, с. 118]. Кроме того, современная техника позволяет масштабировать изделия. Таким образом, структуры-пластины используются инженерами и дизайнерами среды для создания продуктов и разработок в следующих сферах: солнечные батареи, временные укрытия и конструкции, мосты, павильоны, навесные фасады зданий. Так же, это позволяет, опираясь на методы оригами, создавать и производить особые объекты и структуры, предназначенные для использования в нестандартных условиях.

Рассмотрим применение методов оригами в нескольких проектных областях.

В сфере проектирования коммуникаций данный метод применяется для создания мобильных и быстровозводимых конструкций. Примером такой конструкции является складной мост, разработанный в университете Хиросимы (Япония). Команда ученых во главе с доктором Ичиро Арио продемонстрировали новую модель моста Mobile Bridge Version 4.0 (MB4.0) (рис. 1). Он представляет собой складной быстроразвёртываемый временный мост. Конструкция этого моста основана на принципе оригами. Данная разработка поможет в чрезвычайных ситуациях при стихийных бедствиях (наводнения, землетрясения, оползни) быстрее выбраться из зоны опасности. Портативные мосты возводятся спасателями на месте разру-

шенных течение нескольких часов и дают возможность эвакуировать людей и доставить гуманитарную помощь на место бедствия.

При транспортировке мост MB4.0 складывается гармошкой, и может быть доставлен на трейлере в зону стихийного бедствия. Боковые перила моста выполнены из стальных пластин, шарнирно соединенных между собой наподобие ножиц, расширяются до необходимой длины, а секции настила выдвигаются одна из под другой, образуя прочную платформу для передвижения транспортных средств. Складной мост может быть развернут без строительства фундамента и использования строительной техники, что делает сооружение наиболее экономичным, по сравнению с традиционными портативными мостами. Прототип MB4.0 был продемонстрирован на симпозиуме Японского общества гражданских инженеров-строителей 23-го июня 2015 года [5].

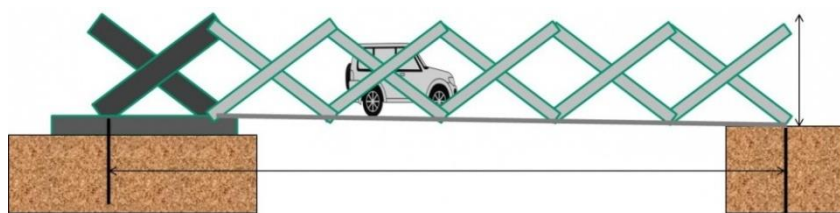

Рис. 1. Складной мост

Если рассматривать геометризацию конструкций в области проектирования сооружений, то это позволяет нам особым образом взглянуть на проектирование такого рода объектов как павильоны, выставочные пространства, временные укрытия. К этим объектам предъявляются особые требования – быстровозводимость, мобильность, компактность. Примером сооружения такого типа служит проект временного убежища “Origami Shelter” (рис. 2). Анализ последствий недавних землетрясений и цунами в Японии и на Гаити стал поводом для создания данного павильона. Данная разработка призвана обеспечить быструю и эффективную защиту для тех, кто оказался в зоне стихийных бедствий. За основу конструкции взяты принципы сложения оригами, что делает возможным за несколько минут в одиночку создать из небольшого прямоугольника безопасное и прочное убежище. В сложенном виде этот жилой павильон очень компактен, что делает реальным отправку таких павильонов в зону бедствия в больших количествах. Структура жилых павильонов модульная, и они могут быть объединены вместе, чтобы сформировать приюты большего размера. Материал павильона – стабилизированный UV полипропилен. Это обеспечивает хорошую теплоизоляцию строения, пригодность для переработки и повторного использования [2].

Рис. 2. Павильон (временное убежище)

Метод оригами так же нашел применение в разработках солнечных батарей. Он позволяет создать особую геометрию конструкции батареи, которая позволит

накапливать солнечную энергию с большей эффективностью. Так же, батарея может быть пластическим продолжением фасада здания, что в современной архитектуре является важным аспектом.

Существующие солнечные батареи представляют собой плоские панели, которые устанавливаются стационарно и получают солнечный свет только ограниченное время суток. Существуют моторизированные варианты, которые позволяют поворачивать батарею вслед за солнцем, но они добавляют сложности, веса и стоимости в фотоэлектрических системах.

Ученые университета Мичигана аспирант Аарон Ламуре (Aaron Lamoureux) и профессор Макс Штейн (Max Shtein) разработали простую альтернативу существующим солнечным батареям на основе оригами. Они создали солнечные батареи, которые могут перемещаться за солнцем, по мере его движения по небу. Модель такой батареи представляет собой лист каптонового пластика с прорезями, на котором установлены солнечные батареи (рис. 3). Когда лист находится в состоянии покоя, он удерживает солнечные батареи, а когда он растягивается – полосы пластика между разрезами поворачиваются вместе с солнечными батареями, установленными на нём.

Оптимизированный дизайн показывает большую эффективность. Такая панель оригами способна производить на 36 процентов больше энергии, чем традиционные панели [3].

Рис. 3. Солнечные батареи

Таким образом, изучив бумажные модели оригами, учёные изобрели множество структур и систем. Современный уровень развития техники позволяет производить высокотехнологичные конструкции с использованием этих изобретений. Рассмотренные примеры объектов со структурой на основе оригами доказывают, что складные решения жизнеспособны в инженерном проектировании. Они мобильны и функциональны, что открывает большие возможности архитекторам и дизайнерам. Искусство оригами является хорошей основой для продуктов, которые должны быть портативными и складными.

Список литературы

1. Demaine, E. D. Geometric Folding Algorithms: Linkages, Origami, Polyhedra / E. D. Demaine. – USA: Cambridge University Press, 2007. – 496 p.
2. Estes, A. C. This Origami-Inspired Emergency Shelter Pops Open in Seconds // Gizmodo URL: <http://www.gizmodo.in/design/This-Origami-Inspired-Emergency-Shelter-Pops-Open-in-Seconds/articleshow/36673011.cms> (дата обращения: 28.07.2017)
3. Hinckley, I. How origami can make solar panels more efficient // The Christian Science Monitor URL: <http://www.csmonitor.com/Science/2015/0911/How-origami-can-make-solar-panels-more-efficient> (дата обращения: 28.07.2017)
4. Greenberg H. C. Identifying links between origami and compliant mechanisms/ H. C. Greenberg [and etc.]; editor: H. C. Greenberg. – Department of Mechanical Engineering, Brigham Young University, – 2011. – 225 p.

5. Tarantola, A. This origami-inspired emergency bridge accordions into shape // Engadget URL: <https://www.engadget.com/2015/07/23/emergency-scissor-bridge/> (дата обращения: 28.07.2017)

ГАРМОНЬ КАК КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И РУССКОГО МИРА

Кулабухова М.А.

профессор кафедры гуманитарных наук, зав. кафедрой гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, г. Белгород

Кулабухов Д.А.

доцент кафедры социальной работы, кандидат философских наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Кулабухова В.А.

доцент кафедры актёрского искусства, заслуженный работник культуры РФ, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, г. Белгород

Статья посвящена выявлению знаковой роли гармонии как феномена отечественной словесно-музыкальной культуры, как концепта отечественной культуры, представленного в литературе Белгородчины и России. Важнейший фактор духовной навигации личности и общества, самобытное, поистине народное средство консолидации и моделирования культурно-образовательного пространства, свидетельница и участница многих исторических событий, гармония и сегодня востребована человеком и народом, транслируя традиционные ценности, обеспечивая процессы духовной безопасности, гармонию между небесным и земным, инстинктом и духом, предками и потомками, выступая вневременным компонентом культурно-исторического ландшафта регионов и России, расширяющегося до пределов Русского мира.

Ключевые слова: гармония, концепт, ценностные смыслы культуры, творчество, поэзия, духовная навигация, духовная безопасность.

Острая потребность в преодолении деструктивных, антигуманистических процессов в различных сферах человеческой деятельности (в первую очередь, в социокультурной, межнациональной, политической) и необратимая поступательная глобализация актуализируют проблемы экологизации культурно-антропологических звеньев, составляющих смысло-содержательное ядро культуры, её «концептосферу». Комплекс таких ценностей («человек» (Дитя, Мать, Отец, Дом, Любовь...); «природа» (Земля, Небо, Вода, Огонь, Воздух, Дерево...); «общество» (Семья, Родина, Патриотизм, Соборность...) представляет собой ценностное ядро отечественной культуры, её концептосферу, способную обеспечить сохранение своеобразного, уникального, традиционного, процессы духовной навигации, поддерживающие способность человека осознавать свою сопричастность к судьбе народа, его прошлому и настоящему, к соборному множеству сограждан.

Одним из уникальных концептов традиционной культуры России и Русского мира является гармония, концепт культуры, связанный с множеством других, представленных в каждом из звеньев системы «человек – природа – общество»; под-

держивающий, в первую очередь, концептосферу народной культуры, приобретающий в мире культуры (в каждом произведении) новые «роли», вырастающие из социально-исторического, эстетического, поэтического, семейного, личного и пр. опыта человека.

Бесспорен ценностный потенциал гармонь как неотъемлемого компонента звена «человек»:

Зазвучали переливы
На другом конце села.
«Выходи, дружочек милый», –
Все гармонь меня звала [3, с. 72],

или

...В этот час, обычно над рекою,
Соловьев в окрестностях глуша,
Рассыпалась музыкой лихою
Чья-то беспокойная душа [10, с. 150].

Традиционно в русской поэзии гармонь не просто созвучна человеку – в пространстве национальной культуры она антропоморфна, совершенно очеловечена, как, например, в стихотворении А. Прокофьева «Гармоника», где гармонь «охнула, ахнула, свистнула-повиснула на узеньком ремне... Разбилась дробью частью... Плакала навзрыд... То шла людей задабривать» [5, с. 138], а потому лирический герой обращается к ней: «Поговори-поговори, прости, и плача, и смеясь» [5, с. 138].

В пространстве отечественной литературы роль гармонь расширяется благодаря её онтологической сущности, способности передать не только субъективные ощущения, но и объективные основы бытия; гармонь выступает как конструкт второго звена системы «человек – *природа* – общество»:

...Так пела и так плакала
Про горести свои,
Как бы за каждым клапаном
Гнездились соловьи.

И рвётся ночи кружево,
Она, как день, – красна,
Все яблони разбужены,
И клёнам не до сна! [5, с. 138].

Гармонь – неотъемлемая часть живого мира, способная воплотить (передать) цветопись жизни, всей природы, поэтому и встречаем в стихах:

...и на веки веков
вовсю раскинув зарево
малиновых мехов... [5, с. 139];
Прости меня, прости меня,
Подольше погости,
Вся близкая, вся синяя,
Вся алая, – прости! [5, с. 139].

Концепт «гармонь» связан и со звеном «общество», позволяя запечатлеть и сохранить уклад жизни человека, народа и Отечества, для которого характерны следующие картины, представленные, в частности, Н. Рубцовым:

Как, надрываясь, плакала гармошка,

И сквозь кошмар в ночной врываясь час,
Как где-то дико грохали сапожки –
Под вой гармошки – русский перепляс [7, с. 37-38];

и В. Солоухиным:

...И почти до самого рассвета,
Сил избыток, буйство и огонь,
Над округой царствовала эта
Чуть хмельная, грозная гармонь [10, с. 151].

Трансформация положения гармонии в рамках временных изменений (например, Н. Рубцов: «Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность...» [9, с. 89]) позволяет констатировать и неизбежное изменение социума, процесс выхолащивания в нём собственно национального, традиционно неповторимого:

...Не слышать говорливой гармошки, –
Словно как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке... [6, с. 63].

Нередко в сознании носителей культуры образы гармонии и баяна отождествляются, сливаются, поэтому, например, в стихотворении В.И. Федорова певец гармонии Михаил Исаковский (автор таких любимых народом произведений, как «Провожанье» («Дайте в руки мне гармонь /– Золотые планки! / Парень девушку домой / Провожал с гулянки...»), «Снова замерло всё до рассвета») навсегда рядом с другим певцом гармонии – Александром Твардовским (мастерски воспевшим и гармонь, и гармониста, к которым «обогреться, потолкаться <...> все идут»):

И всё же он живёт, бессмертный Тёркин,
И режет на баяне там, в Орле.
Друг Клыков, я прошу от ветеранов:
Ты Теркина с баяном изваяй,
А рядом с ним Катюши лик желанный.
Твардовский с Исаковским, два титана,
Присядут у костра, припомнят раны,
Споют «Враги сожгли...» под плач баяна
В цветении садов, в Победный Май [11, с. 186].

Народная любовь к гармонии обеспечивает уважительное отношение и к аккордеону, и к баяну как к составляющим космоса отечественной культуры, что проявляется и в словесных «текстах культуры»:

...Я уйду опять с баяном
В духоту ночных ветвей.
И рассыпятся по свету
На десятки тысяч верст,
Аж до самого рассвета,
Клавиши поющих звезд [4, с. 160];
Куда ни поеду,
Куда ни пойду,
Со мною баян,
Он всегда на виду.
Он молод и звонок,
Душою широк,
В нём вольная
Русская песня живёт! [1, с. 153].

Пережив эпохальные события XX века, гармонь, как, впрочем, и баян, и в XXI веке не утратила своей общечеловеческой и национально-культурной самости; более того, она, оставаясь аксиологемой отечественной культуры, является одним из факторов экологии культуры задолго до осознания потребности в ней. Вступив в новое тысячелетие, гармонь позволяет представить и события минувшего, когда:

Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,
Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист... [8, с. 14], –

и события частной жизни, сливающиеся с жизнью государства:

Пел бард
Про простуженную гармошку,
Влюбленные дули,
Смеясь, на картошку... [2, с. 176].

О вневременной значимости гармонии в жизни человека и общества сегодня свидетельствует и отметившая в минувшем, 2016, году своё 30-летие телепрограмма «Играй, гармонь любимая!..», уверенно утверждающая народную любовь к гармонии, уникальному средству выражения души народа, его талантливости, самобытности, нравственной силы и непобедимого духа. Успешная телепрограмма, приобретшая общероссийское и мировое признание, созданная народным артистом России, лауреатом Государственных премий РФ, композитором Геннадием Заволокиным (1948-2001) и выпускаемая сегодня детьми легендарного гармониста – Анастасией и Захаром Заволокиными, началась со съезда свыше тысячи сибирских гармонистов 1984 года в Новосибирском цирке и небольшого цикла передач о гармонистах, доказав неистребимую любовь к гармонии многих поколений народа, всегда отмечавших: «Бери гармонь в руки – и не будет скуки... Гармонь не огонь, а разогревает... Легка дорожка, если есть гармошка... Иногда без гармошки, что за обедом без ложки... Гармонюшка-матушка лучше хлеба-батюшки».

Знаковое явление «русской предметности» (И.А. Ильин), феномен словесно-музыкальной культуры, гармонь в пространстве отечественной культуры (в частности, литературы) выступает важнейшим средством трансляции ценностных смыслов отечественной культуры, демократичным, подлинно народным фактором духовной навигации личности и общества, действенным условием консолидации, объединения вокруг традиционных ориентиров и приоритетов, вневременным компонентом культурно-исторического ландшафта регионов и России, расширяющегося до пределов Русского мира.

Список литературы

1. Боков В. «Два брата» // Деревенские напевы: Сборник / Сост. И. Андреева, Л. Гейдеко, Г. Левкодимов, Л. Фирсова. М.: ЗАО РИФМЭ, 2001.
2. Друнина Ю. «Белый дом» // Друнина Ю. Есть время любить: Стихотворения. М.: ЭКСМО, 2007.
3. Курлова Л. «Гармонист» // Волоконовская лира. Белгород: Крестьянское дело, 2005.
4. Примеров Б. «Крыльями взмахнут баяны...» // Деревенские напевы: Сборник / Сост. И. Андреева, Л. Гейдеко, Г. Левкодимов, Л. Фирсова. М.: ЗАО РИФМЭ, 2001.
5. Прокофьев А. «Гармоника» // Деревенские напевы: Сборник / Сост. И. Андреева, Л. Гейдеко, Г. Левкодимов, Л. Фирсова. М.: ЗАО РИФМЭ, 2001. С. 138-139.

6. Рубцов, Н. «Листья осенние» // Рубцов Н.М. Осенняя луна: Книга избранной лирики. М. : Моск. рабочий, 1995.
7. Рубцов Н. «Уж сколько лет слоняюсь по планете!» // Рубцов Н.М. Осенняя луна: Книга избранной лирики. М. : Моск. рабочий, 1995.
8. Рубцов Н. «Что вспомню я?» // Рубцов Н.М. Осенняя луна: Книга избранной лирики. М. : Моск. рабочий, 1995.
9. Рубцов Н. «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» // Рубцов, Н.М. Осенняя луна : Книга избранной лирики. М. : Моск. рабочий, 1995.
10. Солоухин В. «Уходило солнце в Журавлиху» // Деревенские напевы: Сборник / Сост. И. Андреева, Л. Гейдеко, Г. Левкодимов, Л. Фирсова. М. : ЗАО РИФМЭ, 2001. С. 150-151.
11. Фёдоров В. «Наказ ветеранов» // Писатель, рожденный Великой Отечественной: Материалы межрегиональной научно-творческой конференции, 24-26 апреля 1995. Белгород, 1995.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ЭКРАН ДЛЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МУЛЬТИМЕДИА ПРОЕКТОВ

Оленченко Н.В.

доцент кафедры мультимедиа,
Институт кино и телевидения (ГИТР), Россия, г. Москва

В статье рассматривается опыт автора в проведении интерактивного мастер-класса по созданию стоп-моушн видеоинсталляции в рамках Ночи Искусств в Москве в ноябре 2014 года. Автор рассматривает проект в рамках современного международного опыта организации подобных мероприятий. Особое внимание уделяется использованию мультимедиа технологий в городской среде.

Ключевые слова: стоп-моушн анимация, мультимедиа, видеоинсталляция, городская среда, интерактивность.

Такая художественная форма в современном искусстве, как «видеоинсталляция» существует уже довольно давно. Киноэксперименты начала прошлого века на тему известных музыкальных произведений уже можно считать отправной точкой. Современный видеоарт и сейчас не перестает обращаться за вдохновением к работам таких авторов, как Оскар Фишингер* (рис. 1) или Норман МакЛарен** (рис. 2). Но несмотря на богатство творческого языка, первые подобные опыты превратились в инсталляции, лишь переместившись из кинозала в выставочное пространство.

Произошло это середине 60-х годов, когда была выпущена в продажу первая видеокамера, моментально превратившая производство видео в доступный и быстрый процесс. Этот переворот в технике сделал видеоинсталляцию популярной составляющей визуально-драматургического решения экспозиций.

Собственно, английское слово «install» происходит от глагола устанавливать, устраивать, возводить. Если приспособить значение слова к экспозиционным реалиям, то слово можно перевести совсем буквально, как «организовывать, выстраивать пространство». Неожиданно оказалось, что видео как нельзя лучше подходит для этой роли. Зафиксированная на пленке атмосфера, спроецированная на окружающие зрителей поверхности, обладает свойством выходить за границы кадра и заполнять собой вмещающее проекцию помещение.

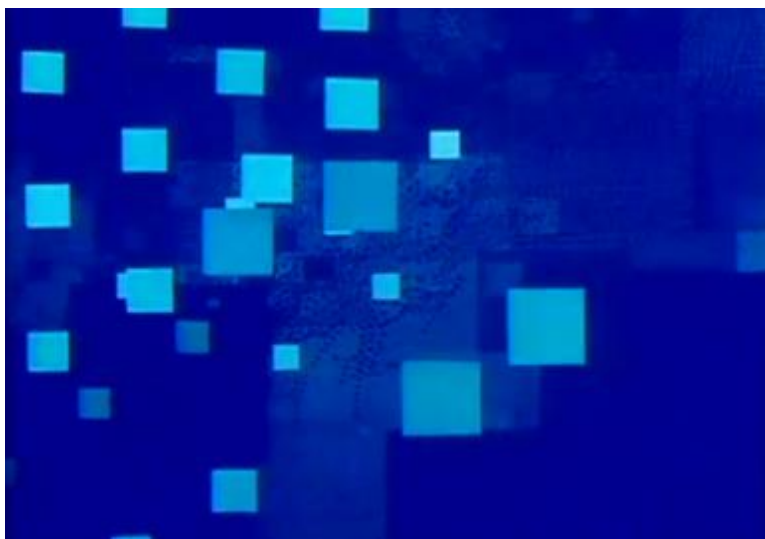

Рис. 1. Кадр из фильма Оскара Фишингера «Оптическая поэма» (1938 г.).
Автор визуально интерпретировал «Венгерскую рапсодию» №2 Ференца Листа

Рис. 2. Кадр из фильма Нормана МакЛарена «Красочная фантазия» (1949 г.)

Даже если говорить о самых ранних примерах, характерной чертой видеоинсталляции является самая высокая степень воздействия и вовлечения зрителя. Что,

в общем, неудивительно, потому что на зрителя здесь работает и цвет, и композиция, и движение в кадре, и звук. Американский художник корейского происхождения Нам Джун Пайк, работавший в этом жанре современного искусства, в своих работах “Magnet TV” (1965) и “Participation TV” (1965) предлагал зрителям лично воздействовать на видео изображение при помощи магнита, таким образом, он одним из первых начал использовать прием интерактивности в видео-арте, как акт сотворчества автора и зрителя (рис. 3).

Рис. 3. Нам Джун Пайк
«Магнитное Тв» (1965 г.)

Видеоинсталляции менялись и усложнялись параллельно с развитием мультимедиа технологий, которые за последние десять лет существенно расширили сферу своего применения. И вышли за рамки привычного экранного пространства – телевидения, кино, интернета, и шагнули через театр и выставку, прямиком в городскую среду.

Современный мегаполис – очень сложное образование, которое трудно осмысливать, как единое целое. Понятие “среда” призвано обозначить освоенную людьми и приспособленную для длительного пребывания часть города. В то же время “городская среда” является и продуктом городской культуры.

Довольно часто «среда» вкупе с интенсивным информационным воздействием вносит дискомфорт в жизнь обычных горожан, заставляя их подчиняться ускоренному ритму большого города. Мегаполис приносит в жизнь человека больше стресса, чем приятных эмоций, люди стараются абстрагироваться от городской атмосферы. Отсутствие включенности в общение и со средой, и с социальным окружением, пожалуй, уже данность современного человека.

Последние технологии создания видеоинсталляций принесли новые возможности для творчества, в том числе, смогли изменить восприятие человеком уже привычной для него городской среды без какого-либо вмешательства в нее. Появилась возможность для зрителя вступать в контакт с работой художника и даже участвовать в ее создании.

Сегодняшние видеоинсталляции существенно отличаются от первых концептуальных опытов в этой области, и главным образом – масштабом и зрелищностью, они позволяют человеку не просто понаблюдать за видеотрансформациями фасада многоэтажного жилого дома, что само по себе впечатляюще, но иногда и стать соавтором этих трансформаций.

Такой вид видеоинсталляций называется **видеомэппингом**. Согласно свободной энциклопедии «Википедия», **проекционный мэппинг или 3d-мэппинг** (*video mapping* от англ. *video* – видео и англ. *mapping* – составляющий карту) – направление в аудиовизуальном искусстве, представляющее собой проекцию на физический объект окружающей среды с учетом его геометрии и местоположения в пространстве с целью изменения восприятия образа объекта и перспективы у зрителя. В частности, выделяют **архитектурный видеомэппинг** – это проекция на здание или другой архитектурный объект. Существует еще интерьерный и объектный видеомэппинг.

Видеотрансформации со сложными оптическими эффектами стали возможны благодаря новейшим технологиям, для чего делаются очень точные обмеры здания, что позволяет с идеальной точностью вписывать изображение на проецируемую поверхность. Само название «видеомэппинг» и технология существовали и раньше. С помощью затеняющих ламп и точно расположенной проекции, создавалось ощущение дополненной реальности. Например, в 1969 году в Диснейлэнде, в аттракционе «Призрачное поместье», отснятое изображение подобным образом проецировалось на муляжи мраморных бюстов, создавалась иллюзия, что головы оживают (рис. 4). Конечно, благодаря сегодняшним технологическим мощностям можно создать гораздо более впечатляющую иллюзию.

Рис. 4. Поющие мраморные бюсты аттракциона «Призрачное поместье» в Диснейленде

Один из основных инструментов привлечения зрителя сегодня – это интерактивность, то есть возможность взаимодействия. В этом смысле – городская среда совершенно уникальный феномен, экран, который сам по себе уже дает ощущение вовлечения. Потому что трансформации происходят со знакомым объектом, будь это исторический памятник или просто соседний дом (рис. 5).

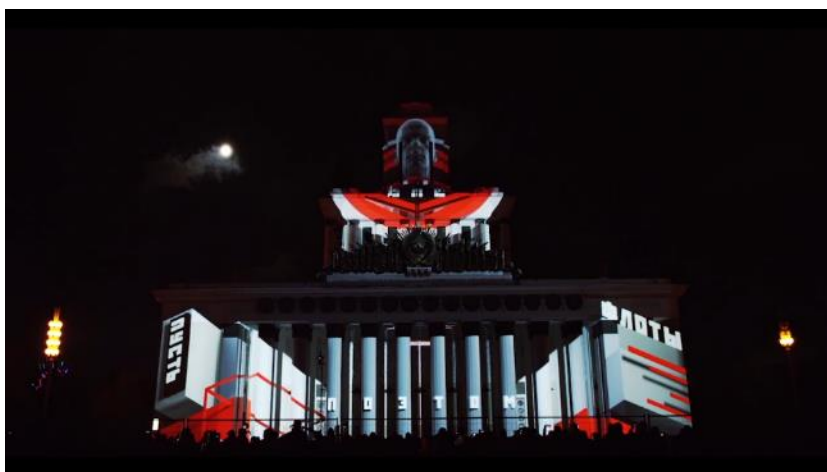

Рис. 5. Видеоинсталляция «Маяковский» на фасаде Центрального павильона ВВЦ (ВДНХ). Гран-при Московского международного фестиваля «Сила Света» 2015

Значительная часть архитектурных видеоинсталляций, даже и без интерактивной составляющей, построена на иллюзии трансформации зданий, что делает зрителя участником этой трансформации среды, дающим ощущение взаимодействия с ней (рис.6).

Рис. 6. Видеоинсталляция «Лебединое озеро» на фасаде Большого театра, посвящена памяти Марии Плисецкой. Участник 5-го Московского международного фестиваля «Сила Света»

Авторы городских видеоинсталляций чаще всего обращаются к истории здания, к поиску новых образов внутри существующей формы (рис. 7).

Рис. 7. Видеоинсталляция компании Кока-Кола к мусульманскому празднику Рамадан в Стамбуле (2011 г.). Один из ее фрагментов был посвящен подготовке праздничного стола, фасад здания ненадолго превращался в гигантскую терку

Сама форма может быть очень разной и сложной, от фасадов памятников архитектуры и самолетов до ... растений. Например, несколько лет назад французский художник Климент Бриен создал фотоинсталляцию в парке под названием «Как поживает история. Поместье Сен-Клу». Она представляет собой множество гигантских изображений голов кхмерских скульптур, причем изображения проецировались прямо на кроны деревьев. За счет легкого движения листьев создавалось ощущение, что головы шевелятся (рис. 8). Вообще, иллюзия взаимодействия и реальное взаимодействие с формой – самое любопытное в видеомэппинге в городской среде.

Рис. 8. Фотоинсталляция Климента Бриена «Как поживает история. Поместье Сен-Клу», 2012 г.

И одно из самых интересных подобных взаимодействий – аудиовизуальное. В Лионе в 2010 году, командой «1024 Architecture» была организована видеоинсталляция, превращающая фасад здания в гигантское лицо. На площади перед зда-

нием был установлен микрофон, все желающие могли в него покричать, а лицо на фасаде воспроизводило сгенерированные из этих звуков шумы (рис. 9).

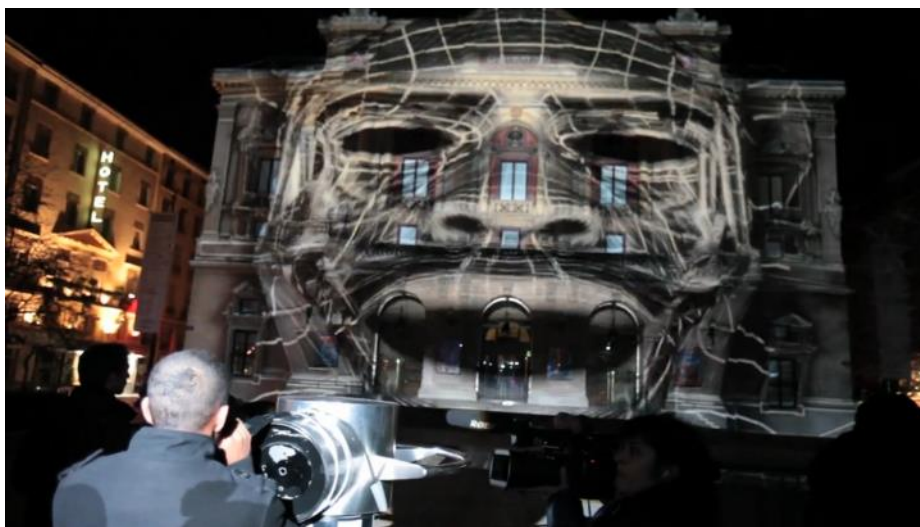

Рис. 9. Интерактивный архитектурный мэппинг «Лирическая перспектива», выполнен творческим коллективом «1024 Архитектура» для Праздника Света в Лионе (Франция) 2010 г.

Таких примеров – множество, впечатляет, как легко люди включаются в эту игру и как органично себя в ней ощущают. В разных городах, на разных континентах, зрители с удовольствием бросали в фасад здания виртуальные пятна краски, стреляли в него из виртуальных пушек, устраивая виртуальные взрывы, играли в гигантский пинбол (рис. 10), перекрашивали окна и целые части дома нажатием клавиш (рис. 11), баловались с проекцией своего огромного лица, играли на гигантском фортепиано и делали еще много других удивительных вещей (рис. 12).

Рис. 10. Интерактивная видеоинсталляция для Музея Современного Искусства в Сиднее (2011 г.). Зрители получили возможность в буквальном смысле «забросать» краской фасад здания

Рис. 11. Интерактивная видеоинсталляция «Амадеус» в рамках ежегодного фестиваля «La Merce» 2014 (Испания). С помощью клавиш виртуального фортепиано зрители могли в режиме реального времени воздействовать на визуальную и музыкальную историю, разворачивающуюся на фасаде Геологического музея в парке la Ciutadella в Барселоне

Рис. 12. Видеоинсталляция «Visual Sound Building (Видимый звук)» (2011) г. превратила виллу Титони недалеко от Милана в гигантский синтезатор. Окна здания представляли собой огромные кнопки, с помощью интерактивного интерфейса на планшете или смартфоне зрители могли нажимать на них, и менять алгоритм воспроизведения спецэффектов на фасаде здания

Особенно примечательно, что важность комфортного сосуществования с городской средой в момент участия в интерактивной видеоинсталляции, мне кажется, важнее роли соавтора.

Творческий коллектив нашей студии в своем экспериментальном проекте для московской «Ночи искусств 2014» решил совместить мастер-класс по *stop motion анимации**** и видеомэппинг, создав таким образом интерактивную инсталляцию****, процесс и результат съемки которой проецировался на здание. Интерактивность достигалась не с помощью использования компьютерных технологий, а непосредственным участием зрителей в съемках анимации для мэппинга (рис. 13).

Рис. 13. Съемка интерактивной видеоинсталляции «Анимационное граффити» в Музее Москвы в рамках мероприятия «Ночь искусств 2014». Рабочий момент.
Все права на изображение принадлежат Catout animation studio

Зрители, можно сказать, своими руками трансформировали существующую историческую среду в новое эмоционально окрашенное пространство, а также получили возможность по-новому взглянуть на городскую среду как на поле для игры и сотворчества.

Для участия в мастер-классе не нужны были специальные знания или навыки. Чтобы присоединиться к созданию анимационного граффити, было достаточно короткого вводного занятия перед началом работы инсталляции.

«Анимационное граффити» происходило во дворе Музея Москвы, анимацию мы проецировали на здание провиантских складов, и сюжет анимации, собственно, был навеян историей этого здания, первая часть была создана из различных продуктов, вторая – посвящена тому времени, когда здесь находился гараж, а третья – музею Москвы. Вся анимация была создана из реальных вещей – крупы, продуктов, овощей, игрушечных машинок, коллекции антикварных мелочей (рис. 14). По результатам четырех часов съемок мы и зрители получили 30 секундный анимационный ролик и уникальный опыт общения с памятником архитектуры.

Рис. 14. Интерактивная видеоинсталляция «Анимационное граффити».
Все права на изображение принадлежат Catout animation studio

Проект «Авангард в движении» для «Ночи Музеев 2016» был построен примерно по такому-же принципу, как и «Анимационное граффити», только в качестве персонажей на этот раз были плакаты художников авангарда, которые мы разрезали на составные части, и предложили участникам мастер-класса поиграть, собирая из абстрактных деталей образ (рис. 15).

Рис. 15. Интерактивная видеоинсталляция «Авангард в движении» в Центре Авангарда в рамках мероприятия «Ночь музеев 2015». Все права на изображение принадлежат Catout animation studio

Анимацию в режиме реального времени проецировали на стену дома исторического здания эпохи авангарда. В этом проекте для участников был интересный опыт пропустить через себя творческий процесс, в сочетании с аутентичной городской средой прожить атмосферу эпохи (рис. 16).

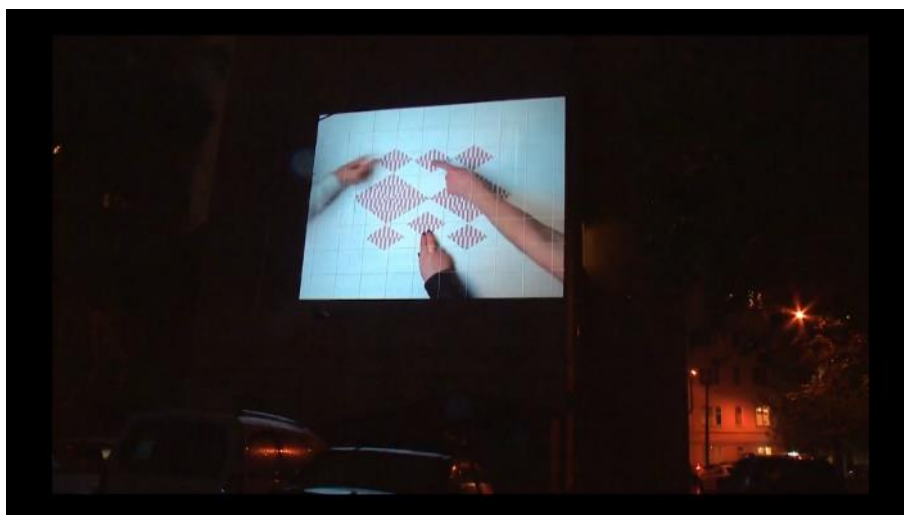

Рис. 16. Интерактивная видеоинсталляция «Авангард в движении» в городской среде. Все права на изображение принадлежат Catout animation studio

Кроме присущей человеку любви к игре, хотелось бы сказать и о таком аспекте интерактивности, как возвращение к масштабу человека, замедление перформанса до ритма человека, помещение его во временное, соразмерное ему пространство и скорость. В случае с городскими видеоинсталляциями это еще и ощущение возможности контроля сложного масштабного процесса. В то время, как каждый день человек сталкивается с неуправляемым мощным информационным визуальным потоком. Интерактивность дает человеку возможность почувствовать себя единицей, которая может им управлять, замедлить его немного до скорости индивидуального восприятия.

Интерактивный проект в городском пространстве – это удивительное действо, в котором город, как экран, как декорация спектакля наполняет атмосферой и дополнительными смыслами видеоинсталляцию. Как постановка современного

спектакля в древнегреческом театре, видеоинсталляция в городской среде открывает возможности общения с историей места, и выводит на другой уровень драматургическое воздействие на зрителя. Само произведение в момент исполнения, таким образом, вливается в городскую среду и трансформирует ее в глазах зрителя, который, в свою очередь ощущает себя творцом этой трансформации. И чем удачнее выбор объекта, тем больше ее масштаб и убедительнее метаморфоза.

Интерактивность в городских видеоинсталляциях – творческое поле, дающее бесконечное множество путей режиссеру для общения со зрителем, и открывающие уникальную возможность поговорить жителю мегаполиса со своим городом. И, что немаловажно – быть услышанным.

Ссылки:

1. **Оскар Фишингер*** (1900-1967) немецкий художник, ученик В.Рутtmана, известен своими абстрактными киноработами. Автор целого ряда фильмов-визуализаций по музыкальным произведениям известных композиторов, таких, как Ф.Лист, В.А.Моцарт, И.С.Бах, Д.Гершвин и других.

2. **Норман МакЛарен**** (1914-1987) – канадский режиссёр-мультипликатор, всемирно известный автор большого числа новаторских анимационных работ.

3. **Стоп моушн***** – это вид анимации, к которому относятся, например, кукольная и пластилиновая анимация. Оживление кукол или реальных предметов происходит путем покадровой съемки: фотоаппарат фиксирует изменение объекта в пространстве. При последовательном воспроизведении неподвижных кадров возникает иллюзия движения предмета.

4. **Интерактивная инсталляция****** (англ. *installation* – установка, размещение, монтаж) – одна из форм современного искусства, представляющая собой реальный или виртуальный технико-художественный объект, размещенный в реальном или виртуальном пространстве, основанный на взаимодействии с человеком. (англ. *interactive* – взаимодействующий, диалоговый, осуществляющий взаимодействие).

Выходные данные к иллюстрациям:

Рис. 3.

Нам Джун Пайк «Магнитное Тв» (1965 г.)

© Nam June Paik Estate. Photo by Robert E. Mates.

Рис. 4.

An Attribution 2.0 Generic licensed photo from Flickr by Harshlight (<https://www.flickr.com/photos/harshlight/>). The Singing Busts in The Haunted Mansion at Disneyland, California. This image has been cropped, and therefore changed from the original CC BY 2.0 licensed work, as is required to be indicated.

Источник: <https://www.flickr.com/photos/harshlight/16633878467/>

Автор: HarshLight

Рис. 5.

© Все права на изображение принадлежат компании «Сила света».

Рис. 6.

© Все права на изображение принадлежат компании «Сила света».

Рис. 7.

© Все права на изображения принадлежат компании Dreambox.

Рис. 8.
© Clement BRIEND 2010

Рис. 10.
© Все права на изображение принадлежат компании Spinifex.

Рис. 12
© Все права на фото принадлежат компании Tigerlab.

ЦВЕТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЕ

Прохоров С.А.

профессор кафедры изобразительного искусства, д-р искусствоведения, доцент,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Россия, г. Барнаул

Прохоров Н.С.

ассистент кафедры изобразительного искусства,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Россия, г. Барнаул

В статье рассматривается процесс применения современных электронных технологий в создании цветографических интерпретаций произведений изобразительного искусства и зодчества применительно к архитектурному образованию для проведения практических занятий студентов, обучающихся в магистратуре по направлению «Архитектура». Изложена теоретическая и практическая часть их выполнения.

Ключевые слова: дизайн, архитектурное пространство, электронные технологии, цветографические интерпретации, искусство, художественный образ.

На протяжении многих веков подчеркивалась роль синтеза искусств, в том числе применения практических приемов создания художественного образа в архитектуре. В процессе проникновения компьютерных технологий в изобразительное искусство, их интеграции в пространстве виртуального общения, актуализируется вопрос сохранения и развития в новых условиях живописи как вида искусства в архитектуре, где важную роль живописной составляющей представляет ее декоративность, как эмоциональная, чувственная составляющая между человеком, природным окружением и архитектурным пространством [3, с. 28].

Современная живопись, как и архитектурное проектирование, все чаще ассоциируется с понятием «компьютерные технологии» и приобретает популярность во всем мире. Новые передовые компьютерные технологии в живописной составляющей могут использоваться как на стадии архитектурного замысла и создания эскизов, так и в процессе воплощения произведения в реальной архитектуре [4, с. 117]. Таким образом, введение инновационных технологий в высшее образование архитекторов и дизайнеров имеют целью подготовку специалистов нового поколения, владеющих современными электронными и интерактивными технологиями создания художественного образа в архитектурном проектировании.

Использование цифровых программ выполнения цветографических задач по дисциплине «Цветографические преобразования в проектной культуре» является последовательным этапом подготовки студентов-магистрантов в формировании их художественного и проектного мышления. Дальнейшее совершенствование теоретических знаний и практических навыков живописных приемов в сочетании с компьютерными технологиями как инструментария раскрывает новые творческие возможности, позволяет создавать уникальные произведения искусства и архитектурного проектирования, а также совершенствовать и расширять научные исследования, современную научно-педагогическую и методическую базу архитектурно-художественного образования. Обучение системам компьютерной графики и анимации, технологиям автоматизированного проектирования позволяет создавать и редактировать компьютерные изображения, применять компьютерные методы визуализации проектируемых объектов, дизайнерских решений [1, с. 81].

Целью художественной подготовки дисциплины «Цветографические преобразования в проектной культуре» является углубленное изучение студентами-магистрантами теоретических знаний и освоения технических возможностей создания цветографических интерпретаций посредством применения компьютерных технологий в зодчестве и декоративной живописи по направлению Архитектура. В результате изучения дисциплины, обучающиеся должны освоить методику создания цветографических интерпретаций посредством использования компьютерных технологий в создании архитектурно-пространственной композиции, оперировать цветом как важнейшим изобразительным средством, позволяющим демонстрировать творческие замыслы.

В первом и втором задании «Архитектурная среда и человеческая фигура как мерило масштаба» и «Цветографическое декоративное преобразование натурального материала средствами компьютерных технологий на архитектурную тему», инструментами выполнения интерпретаций предлагается использовать электронные технологии программ Corel Draw, Photoshop. В результате выполнения заданий необходимо показать знание композиционных приемов создания цветографических интерпретаций, умение оперировать компьютерными технологиями, как современным электронным инструментом.

В задании «Архитектурная среда и человеческая фигура как мерило масштаба» осмысление представления о масштабности в целом выступает как выразительное средство в решении архитектурной образности. Масштабность – одно из самых сильных выразительных средств в языке объемно-пространственной композиции, что доказывается опытом всего мирового зодчества. Однако она таит в себе много неразгаданных тайн и понимания внутренних инструментов творчества [2].

Как пример из области зодчества, можно привести цветографическую интерпретацию Виллы Ротонда, являющейся одной из первых в истории частных домов, решенных в форме античного храма, выполненную студентом-магистрантом Е. Бочининым (рис. 1).

1. Наложение изображений друг на друга, для лучшего восприятия взаимосвязей пропорции человека и здания.
2. Поиск наиболее выразительного образа здания за счет графической стилизации и наложение фильтров.
3. Работа выполнена в программе Adobe Photoshop CS 5.

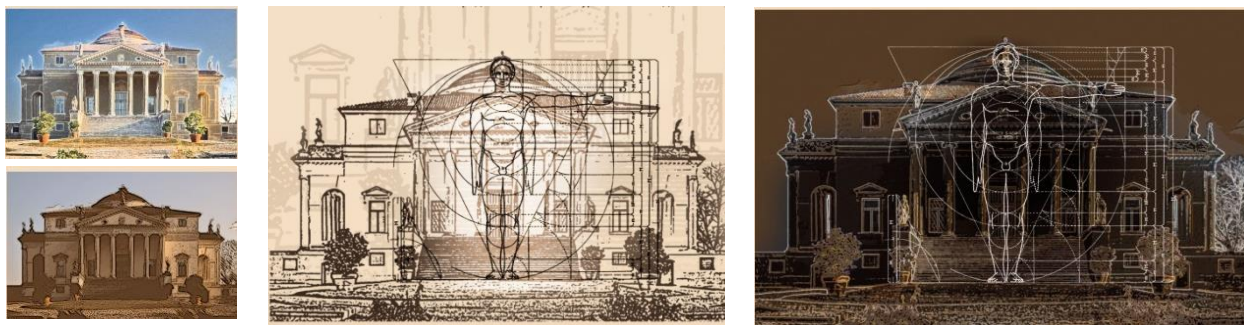

Рис. 1. Бочинин Е. Архитектурная среда и человеческая фигура как мерило масштаба

Примером овладения технологиями цветографических преобразований на основе художественного произведения средствами компьютерных технологий (Corel DRAW) можно привести работу студентки магистратуры Т. Кожукару (рис. 2). Данное задание связано с преобразованиями реалистической живописной работы написанной с натуры, где студент-магистрант через возможности инструментария компьютерных технологий создает его цветографическую интерпретацию на архитектурную тему.

Рис. 2. Т. Кожукару. Цветографическое декоративное преобразование натурального материала средствами компьютерных технологий на архитектурную тему. (Corel DRAW)

За основу преобразования была взята акварельная живопись, написанная на тему одесского дворика (а). Далее через использование фильтров техник живописи программы «Prima» разработаны варианты его интерпретаций (б). Для получения окончательного изображения через панель задач проведен каркас направляющих прямых линий на предыдущее изображение «в».

В графе «б» «Растровые изображения» применены эффекты: Погода, Частицы, Размытость, Игра, Мозаика, Вихрь, Цветное стекло, Искажение, Кристаллизация, Деформация по сетке и др. В графе «в» с помощью «Ломанной линии» созданы фигуры и заливки различного цвета, применены эффекты: Яркость, Контрастность, Осветление, откорректированные некоторые элементы декоративного преобразования.

В итоговом задании студент магистратуры должен показать свое умение изобразительными средствами передавать идеи проектного предложения посредством цветографических преобразований живописи, с применением компьютерных технологий используя на выбор графические пакеты Corel, Photoshop, 3d MAX, Zbrush, V-Ray.

В данном случае как пример можно привести проектное предложение Цветографическая интерпретация к дипломной работе на архитектурную тему «Велоинфраструктура г. Барнаула» студента-магистранта Е. Бочинина (рис. 3).

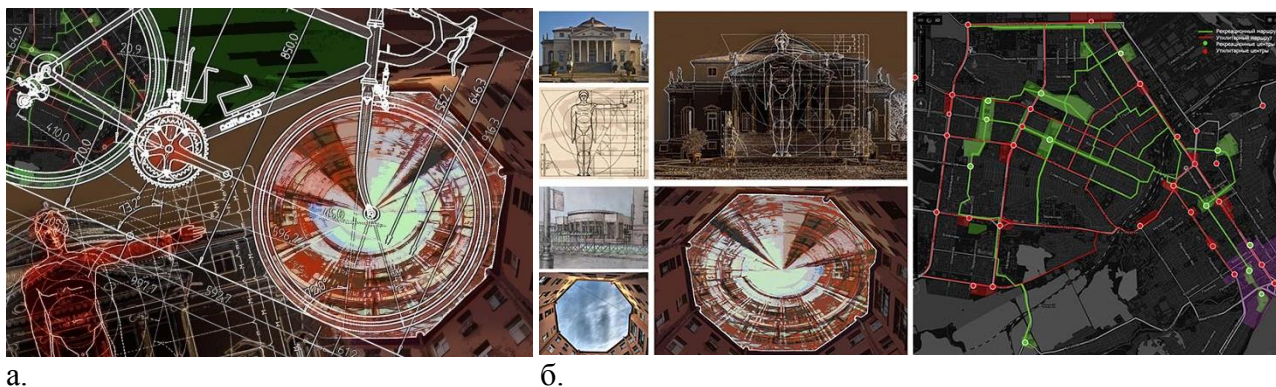

Рис. 3. Бочинин Е. а) Цветографическая интерпретация к дипломной работе на архитектурную тему «Велоинфраструктура г. Барнаула». б) Этапы выполнения работы

Работа выполнена на основе материала первого и второго задания. За основу композиции автор взял пропорции человека, схему пропорций велосипеда и схему велотранспортной сети города. Композиционным центром является правое колесо. Цветовое решение обусловлено цветовой гаммой исходных работ и контрастной красно-зеленой сеткой велосипедных маршрутов.

Такой алгоритм применения электронных технологий при создании цветографических произведений позволяет развивать у студентов цветовую и графическую индивидуальность в проектировании. Созданные цветографические интерпретации могут рассматриваться не только как составная или поисковая часть создания художественного образа решения проектных задач, расширяя их изобразительные возможности и технические границы, но и как самостоятельные произведения, имеющие свои художественные отличия и достоинства. Художественное творчество, с одной стороны конструирует (синтезирует) новые формы и структуры, а с другой стороны, осваивает (анализирует) культурное наследие [5, с. 31].

Цветографические интерпретации на архитектурную тему отличаются от традиционных видов искусства, но в тоже время связаны с ними законами создания живописных, декоративных, графических произведений и представляют особый интерес с точки зрения развития технологий изобразительного искусства, позволяющие раскрывать новые творческие возможности художника, архитектора, дизайнера.

Список литературы

1. Демиденко Л. Л. Применение современных компьютерных инновационных технологий в профессиональном образовании будущих специалистов технических и гуманитарных направлений // Образование и наука: современные тренды: коллективная монография. Выпуск IV. Гл. ред. О. Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 2016. С. 81.
2. Мелодинский Д. Л. Архитектурная масштабность как система: эволюция понятия. Архитектон: известия вузов. Теория архитектуры. 2015. № 49. URL: <http://archvuz.ru/cont/2824> (дата обращения: 16.06.2017).
3. Некрасов Д. Ю. Художественная специфика цифрового искусства: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Москва, 2015. 28 с.
4. Прохоров С. А. Живопись и компьютерные технологии как необходимые составляющие архитектурной проектной деятельности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2 (48) / том 2. С.117.
5. Яо М. К. Традиция интерпретации художественного образа в искусстве // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. С. 31.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Смирнова А.Г.

преподаватель, Сызранский колледж искусств и культуры им. О.Н. Носцовой;
автор Международного проекта «Мир вокруг нас ЮНЕСКО», Россия, г. Сызрань

Процессы глобализации современного общества ставят перед человечеством ряд вопросов, в том числе в сфере культуры. Их решение определяет развитие человечества и ценностные характеристики общества будущего. Какими быть нашим потомкам, носителями духовного наследия или людьми-роботами? Как оценить грядущие перемены и быть к ним готовыми.

Ключевые слова: глобализация, современное общество, культурные ценности, национальные традиции, экономика, политика и духовное развитие человечества.

Глобализация сегодня является одним из определяющих процессов развития цивилизации. Ее воздействие необратимо и оказывает влияние не только на экономику и политику государств, но и воздействует на языки, духовное развитие, образование, а главное культуру народов населяющих нашу планету.

И уже сегодня она приводит к неизменным переменам в образе жизни и мировоззрении. Согласно концепции В.М. Межуева глобализация – это «усиливающаяся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенная интеграция в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения» [5].

Процессы глобализации ускорили совершенствование информационных технологий. Поэтому становится понятным влияние глобализационных процессов на политическую, социальную, экономическую, образовательную и культурную сферы современного общества через компьютеризацию, сеть Интернет, коммуникативные связи.

Соглашаясь с тем, что данный процесс неизбежен, автор поднимает вопрос о противодействии крайне униполярной форме глобализации. Анализу данного процесса посвящены многие монографии и статьи отечественных и зарубежных ученых.

Каким образом влияет глобализация на традиции? Какие из них отмирают, а какие остаются? И почему?

Мировой опыт развития государств показывает, что некоторые традиционные культуры гармонично влились в современную цивилизацию. Только имея многовековой опыт сожития с другими культурами, религиями, народами и странами можно жить вместе, не теряя себя, взаимно обогащаясь.

Самым ярким примером мирного сосуществования служит наше государство, где сосуществуют народы и народности различных религиозных конфессий, культурных традиций и обрядов.

Япония сегодня также является ярким представителем мультикультурализма, включив часть элементов национальной культуры в мировую.

Говоря о стирании национальных ценностей мировой глобализацией, нужно помнить о том, что ценности всегда важны, они нужны для самосознания личности в современном мире. Если традиционные ценности, проверенные веками противостоят ценностям современности, то насколько они (современные ценности) значимы и живучи?

Сегодня научные и политические круги многих стран пытаются найти эффективные механизмы для решения этой проблемы. Нужно понимать, что глобализацию культурных ценностей человечества нельзя представить в противостоянии Востока и Запада, ислама и христианства, стран различного уровня развития.

Существует мнение о том, что глобализация ставит все в развитии цивилизации на свои места. И при интерпретации культурных ценностей, сохраняются подлинные, а не намеренно придуманные и навязанные человечеству.

С одной стороны мы видим, что вокруг, в том числе и с помощью интернета возрождаются и воссоединяются самые разные партикулярные формы людской общности, основанные на этнических, религиозных, языковых, расовых, клановых особенностях. Воссоединяются диаспоры во всем мире, люди находят родственников, соплеменников, возрождают не только родственные связи, но и корневые традиции, обряды. Являясь ярким представителем транснациональных сообществ.

Но не стоит забывать о проблеме этнического вызова, когда народ сталкивается с проблемой неоднородности внутри. Представителями такого движения могут служить баски в Испании, ирландцы в Великобритании, косовары в Югославии, «Лига севера» под руководством Умберто Босси в Италии. Даже в Соединенных штатах Америки, где каждый из штатов имеет большую долю самостоятельности, идет обсуждения о выходе штата Техас.

О перспективах развития «единого культурного порядка глобального рынка», о том, что поток «культурных продуктов», обладая принципиальными изъянами, не может создать альтернативы традиционным ценностям неоднократно писали Э.Смит, М.Биллиг, Дж.Томлинсон и другие [8; 9]. Подобно своей технологической основе, поп-культура, оторванная от географической среды, этнической культуры и истории, не может долго противостоять культуре традиционной. Она лишь привносит в «живопись традиционной культуры» новые краски, технологии, материалы, темы. Мы можем вспомнить историю балета, в начале 19 века бывшем искусством среднего класса. В музыке это джаз и рок, в изобразительном искусстве – фотография и кино. Совершенно новые сегодня информационные технологии и виртуальный мир, находящийся на уровне новорожденного младенца. И здесь мы можем говорить о новой личности, ее становлении и развитии, ее жизни в виртуальном «электронном глобальном мире» [8, с. 215].

В научных трудах Ханнерза «нации как таковые, т.е. как коллективные действующие лица, играют лишь ограниченную роль в общемировом культурном потоке... Большинство элементов культурного обмена... – транс -, а не интернациональны, и это скорее подрывает, игнорирует и обесценивает национальные границы, чем прославляет их» [7, с. 52].

Исходя из вышесказанного прострация, возникающая в самосознании личности, ведет к негативным последствиям и конфликтам. И в итоге человек возвращается к тому мировоззрению, ценностному восприятию, самосознанию в котором ему комфортно, тому, что выработал народ, государство, цивилизация в процессе своего существования. Но с использованием в своей жизни новых технологий. В итоге создается дополнительная почва для подъема этнического и этнически ориентированного национального сознания [8, с. 215]. Такова одна из причин, почему обратной стороной глобализации становится не преодоление, а утверждение этнических уз.

Мы сегодня можем констатировать, что циклы развития нашей цивилизации экономические, научно-технические, политические намного превзошли циклы раз-

вития культуры. Ведь для того, чтобы сформировалось культурное нечто, оно должно пройти долгий путь совершенствования, адаптации и вливания в национальную культуру став ее частью, ее ценностью. Как выразился С. П. Капица «Культура, ее «программное обеспечение» не поспевает в своем развитии за техникой, за «железом» цивилизации».

Возможно, излишняя драматизация возникла в связи с кратковременностью периода перемен. А.А. Оганов отмечает «Поучительно обращение к масштабным историческим дистанциям: много ли в национальной культуре современного Египта или Греции сохранилось от культуры их этнических предков со времен Древнего Востока и античности? Стоит «опрокинуть» современность на отдаленную историческую перспективу, и тогда во многом снимается острота опасений по поводу негативных последствий всеобщей глобализации для национальных культур».

Народное искусство, традиции, бытовые обряды и промыслы утрачивают популярность. Наши дети смотрят мультфильмы с искаженными смыслами, но активным, порой гиперактивным действием на экране. Слушают песни на английском языке, ставшем языком международного общения. Носят унифицированную одежду, сшитую в Китае, живут в стандартных высотках обставленных безликой мебелью, ходят в Макдональдсы и так далее.

В этом ясно видимо воздействие на умы и души наших детей информационных технологий, своеобразная «информационная колонизация». Автор считает, что сохранение национальных культур народов, населяющих наше государство – один из важнейших вопросов, на решение которого должно быть направлено внимание правительства. По данным Министерства культуры РФ безвозвратно, без возможности восстановления уже утрачено более 250 промыслов. Ведь традиционная культура – это её носители. Уходит мастер и вместе с ним уходит его искусство.

Зададимся вопросом, а не преувеличиваем ли мы проблему глобализации? Быть может, принимаем следствие за причину, возможно негативы лишь побочные продукты глобализации.

Компьютер и информационные технологии распахнули двери в виртуальный мир, сначала простой и примитивный, на глазах совершенствующийся, приобретающий черты культурного пространства. И традиционные обряды трансформируются, не теряя своей национальной и культурной идентичности. История семьи, сохраняемая в письмах, фотоальбомах, дневниках обрела иную форму в страницах социальных сетей и интернет-блогах.

Возможно, душевный дискомфорт мы чувствуем не потому, что часть ценностей, казалось бы неоспоримых теряют свою значимость, а ожиданием угрозы собственной идентификации в рамках национальных культур. Происходит переоценка, во многом кардинальная, многих приоритетов. Но говоря об этом, мы не должны забывать, чем ниже ступени цивилизационного развития общества, тем более оно ограничено этнонациональными факторами. В современном развитом обществе ее роль значительно менее выражена. Сегодня мы видим формирование целого пласта людей, считающих себя не жителями какой-то одной страны, а гражданами мира.

Многие из живущих в нашей стране, не определяют свою национальную идентичность, имея в предках представителей разных национальностей. И об этом также не стоит забывать. Более того, 70 лет существования Советского Союза привнесли в нашу жизнь новые традиции, не характерные для отдельных групп населения, религиозных концессий или народностей.

История нашего государства иллюстрирует интеграционные процессы в развитии национальных культур, а современные информационно-коммуникативные технологии активизируют данный процесс. Но это не означает их (культур) исчезновения или слияния, они получают иные ценности, взаимно обогащаясь, не теряя этнических различий.

Самосохранение и развитие национальных культур возможно, если кроме интеграции проходит процесс дифференциации. Самобытная национальная культура избирательна к внешним воздействиям, отторгая чужеродное. Это не значит, что культура замкнута сама в себе. По словам П. Флоренского: «Культура есть борьба с мировым уравниванием – смертью». Отсюда следует, что чем разнообразнее культура, чем более открыта, тем востребованнее она мировым сообществом. А чем менее открыта, более изолирована, тем более подвержена энтропии. Согласно теории информации У. Эшби, динамическая устойчивость любой системы пропорциональна ее внутреннему разнообразию.

Сегодня нам посчастливилось наблюдать процесс неведомого ранее взаимного постижения и обогащения национальных культур, сосуществующих не только рядом территориально, но разделенных океанами и континентами; создания единых духовных ценностей всей человеческой цивилизации.

Конечно, данный процесс не может быть беспроблемным. Они обусловлены неравномерным экономическим и политическим положением государств, ментальностью населения. Поэтому так велика роль культурной политики государств, институтов управления культурой. Культуру нельзя недооценивать. У нее свой иммунитет, своя интуиция, она многое может подсказать, но требует целенаправленной поддержки власти.

Результативность данной системы возможна только при условии ненасильственного воздействия, ибо насилие деструктивно для культуры. Она его отторгает. Опасны любые формы политизации национальной идеи (Гитлер), религии (Эгил), клерикализации общества.

Важно учитывать целый ряд факторов: экономических, политических техногенных и т.д. Перемены в культуре глобальны и формирование новых ценностей неотделимо от признания общечеловеческих этических норм. А информационные ресурсы позволят эффективно распространить и транслировать духовные ценности в отдаленные регионы.

При глобализации современного общества невозможно переоценить вклад ученых, педагогов, наставников, мастеров и деятелей культуры в адаптации традиционных народных ценностей к современному миру. Не только сохранение и изучение национальной культуры, но и развитие, продвижение ее в новых видах и временных рамках. Именно молодое поколение может не только освоить традиционные культурные ценности, но и создать симбиоз технических открытий и ценностных установок национального менталитета.

Э.У.Байдаров пишет, что «сохраняется надежда, что глобализация, обнажив этот смысл культуры, будет способствовать вопреки своим идейным установкам – духовному отрезвлению человека, и, пройдя через предельный кризис культуры в глобализации, человек получит возможность реального духовного возрождения в культуре» [2].

Список литературы

1. Альманах Центра общественных экспертиз. Выпуск декабрь 2008 г. Альманах Центра общественных экспертиз: научное издание «История. Политология. Философия. Экономика. Юриспруденция». М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2008. – 224 с.

2. Байдаров Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека информационный портал «Институт политической психологии» http://www.inspp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=100&Itemid=11
3. Колин К.К. Глобализация и культура интернет-журнал Культура и безопасность <http://sec.chgik.ru/globalizatsiya-obshhestva-i-ee-kulturologicheskie-posledstviya/>
4. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: Политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Отв. ред. Тишков В.А. – М., 1994. – С.35-70.
5. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. № 3. 2000. С. 102-115.
6. Нарочницкая Е.А. Национальный фактор в эпоху глобализации // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 232 с. – (Актуальные проблемы Европы / Редкол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. 2000, № 4, ISSN 0235-5620). – С. 102 – 155.
7. Органов А.А. Культура в эпоху глобализационных перемен Журнал: Философия и общество. Выпуск № 2 (66)/2012
8. Smith A. Nationalism and modernism. – L., 1998. – 276 p.
9. Smith A. The supersession of nationalism? //Intern, j. of comparative sociology. – Leiden. 1990. – Vol. 31. N 1/2. – P. 1-31.

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИРПИЧНЫХ ЗДАНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Чекаева Р.У.

кандидат архитектуры, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

Уразгалиева А.М.

младший научный сотрудник,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

Жумабекова Б.Б.

младший научный сотрудник,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

Статья представлена, как результат научного исследования кирпичных зданий города Петропавловска конца XIX – начала XX веков, установления их стилистической принадлежности. А также для определения их значимости в сохранении исторического облика города.

Ключевые слова: кирпичная архитектура, купеческий магазин, региональная архитектура, эклектика, модерн.

Целью данного исследования является выявление и исследование кирпичной архитектуры, установления их стилистической принадлежности, определение их значимости в сохранении исторического облика города. В первой половине XIX во внешнем облике города произошли изменения т.к. имело строительство: административных, общественных и торговых зданий, построенных из обожженного кирпича.

Новизна настоящего исследования – это комплексное изучение, фиксация, систематизации, сохранившихся кирпичных зданий кон. XIX – нач. XX века. Впервые проведено подробное изучение зданий, анализ особенностей застройки, выявлены не опубликованные ранее архивные материалы, авторами проведены натурные обмеры.

Основные задачи исследования – выявление объектов каменной архитектуры в г. Петропавловск; определение закономерностей развития каменных жилых, торговых, административных зданий; определение планировочной структуры каменной застройки и их значимости в сохранении исторического облика г. Петропавловск.

В конце девятых годов XIX столетия начался новый этап развития торговли и всей экономической жизни города Петропавловска, что было связано с завершением строительства Сибирской железнодорожной магистрали. За короткий промежуток времени в Петропавловске поднялись добротные здания с замысловатой кирпичной кладкой, преобразившие вид города. Это были купеческие особняки, магазины, лабазы, конторы [1].

Большое количество домов и магазинов купцов Петропавловска располагались вдоль и в окрестностях Вознесенского проспекта (ул. Конституции Казахстана). Большинство из них сохранилось в наши дни. Этими домами владели купцы и предприниматели: Муратов, Янгуразов, Казанцев, Шафеев, Черемисинов и другие. Они на свои средства содержали гимназии, медресе, купеческий клуб, на базе которого вырос местный драматический театр. Купцы владели предприятиями по обработке животноводческого сырья, мельницами, складскими помещениями, фабриками, оснащенными самым современным оборудованием [2].

В конце XIX века, в эпоху промышленной революции, необходимо было создавать новые типы зданий – промышленные цеха, вокзалы, крытые рынки, торговые дома, гимназии, многоквартирные жилые дома. Превращаясь в основного заказчика строительных работ, купечество внесло традиции, критерии, взгляды собственной культурной среды. Смысл деятельности купечества в этой области сводится к одному – сделать очевидным культурно-исторические корни купечества, показать его связь с народной культурой [3]. Композиционные приемы и художественные нормы господствовавшего до этого в архитектуре стиля Классицизм далеко не всегда могли отвечать требованиям нового времени, поэтому стал закономерным отход от них. Архитектурный стиль Эkleктика появился в ответ на потребности самой жизни [4].

В конце XIX века архитекторы России и Сибири, в том числе, использовали приемы таких стилей как, Барокко и Классицизм, а также воспроизводили формы древнерусского зодчества – древнерусского романтизма. Это был, так называемый, псевдорусский стиль или краснокирпичная архитектура. Выразительность краснокирпичного стиля основана на использовании фигурной кирпичной кладки [5].

Хорошо сохранились до нашего времени сооружения, выразительность которых строилась на кирпичной кладке и эстетических свойствах кирпича. Краснокирпичный стиль называют нештукатуренной эkleктикой. Такие постройки были относительно недороги и более «неприхотливы» в условиях сурового сибирского климата, поэтому быстро приобрели популярность в провинции. Таким образом,

кирпичный стиль представляет собой рационализацию эклектики для массового и утилитарного строительства [6].

Прекрасными образцами краснокирпичного стиля в архитектуре Петропавловска являются: Дом и Магазин купца Стрелова, Дом купца Аркеля (Комплекс Историко-краеведческого музея); Дом и Магазин купца Исмаилова (Ресторан; частные предприятия); Дом купца Шамсутдинова (Магазины, частные предприятия); Дом купца Мухамедьярова (Редакция газеты Информ-Вест) и многие другие. Архитектурные и конструктивные элементы исторических зданий определяют принадлежность сооружения к определенному архитектурному стилю, а также соединяют в себе декоративное и функциональное назначение. Одними из наиболее выразительных архитектурно-конструктивных элементов являются венчающие карнизы зданий. Придавая зданию законченный вид, одновременно, они выполняют важную функцию защиты стен дома от влаги. Под кирпичными карнизами часто располагаются кронштейны, которые дополняют архитектурный декор, облегчают кладку, поддерживают карнизы и позволяют увеличить их вынос от стены. Над окнами и дверями тоже устраивают небольшие карнизы, увенчанные фронтонами. Это сандрики. С точки зрения инженерной механики, карнизные элементы усиливают несущие стены, правильно распределяя нагрузки. На рисунке 1 показаны венчающие карнизы с лентой зубчатых кирпичных кронштейнов и фигурные сандрики над окнами в зданиях: купца Светлинского (Музей СКГУ) (справа) и купца Исмаилова (слева). Эклектизм этих зданий объединяет в себе элементы краснокирпичного стиля, барокко и классицизм. Фасады многих купеческих зданий, возведенных в стиле Эклектика, украшены рельефной кладкой и пилястрами, имеющими значительный вынос на кровлю виде кирпичных столбиков и башенок. Это – здание Гостиного двора, Дом купца Федорова, Дом и магазин купца Шафеева, Торговый дом Шамсутдинова. Фигурные парапетные столбики и стенки, соединенные ажурным металлическим ограждением, придают зданиям особую выразительность и законченность. Кровельные парапетные башенки украшают здание купца Светлинского (рис. 1). Яркий пример декоративных башенок, аттиков и слуховых окон, а также богатая сложная краснокирпичная архитектура фасадов дома купца Шакиржана Шафеева (рис. 2).

Рис. 1. Венчающие карнизы с лентой зубчатых кирпичных кронштейнов и фигурные сандрики над окнами

Рис. 2. Архитектурный декор фасада Дома купца Шафеева. фото 2016

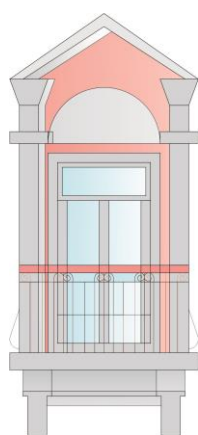

Рис. 3. Мануфактурный магазин Черемисинова

Пилястры и полуколонны также повышают архитектурно-художественную ценность зданий, за счет вертикального утолщения, прямоугольного и круглого сечений они усиливают стены и повышают их устойчивость (рис 3,4,5). Примером оригинального архитектурного декора является здание Мануфактурного магазина председателя городской управы Петропавловска Владимира Черемисинова, ныне областная стоматология. Пилястры этого здания, как колонны, имеют базу, ствол и капитель. Базы украшены чередующимися углублениями разных форм, а капители представлены рельефными декоративными моделями лепнины. Здание с оригинальным купольным завершением крыши в центральной части [7].

Неотъемлемой частью художественного образа здания являются окна. Форма и размер оконных проемов, рисунок переплетов отражают технические и стилистические особенности архитектуры своей эпохи. Для перекрытия проемов в XIX веке применялись арочные, лучковые и клинчатые перемычки, которые выкладывались из кирпича на ребро с замковым камнем в центре.

Рис. 4. Здание купеческого собрания

Часто оконные проемы исторических зданий декорированы пилястрами с визуально опирающимися на них арочными элементами. В первых этажах кирпичных зданий, предназначенных для проведения различных мероприятий (торговый зал, собраний, концертов), устраивались широкие окна-витрины для лучшего освещения помещений. Ярким примером архитектурно-художественного оформления проемов являются фасады здания купеческого собрания (Старого театра) (рис. 4). Здесь декором окна является единая орнаментальная арка, состоящая из пилястр, которые над окнами соединены арками с замковым камнем. Богатство декора здания подчеркивают высокие рустованные пилястры и профилированные карнизы с лентами зубчатых кронштейнов.

Купеческие особняки, магазины, лабазы в комплексе с соседними зданиями, являются образцами исторической планировки провинциального купеческого города, характерной для XIX – начала XX веков, выразившейся в плановой комплексной застройке кирпичных построек делового, жилого и торгового назначения, и являющиеся архитектурным наследием города [8].

Все многообразие архитектурно-конструктивных деталей и элементов исторических памятников придает городу своеобразие, уникальность, олицетворяет богатую историю родного края. Из особенностей отдельных частей здания складывается образ, присущий тому или иному архитектурному стилю. Декоративность, пышность и парадность Барокко; строгость, гармоничная уравновешенность форм и идеальных пропорций Классицизма; природные мотивы Модерна; демократичность Эkleктики – все это нашло отражение в купеческих жилых и торговых зданиях Петропавловска.

Данные исследования могут послужить материалом и основой для реставрационных работ, охраны памятников истории, культуры и архитектуры города. На развитие архитектуры Петропавловск повлияли не только региональные особенности Северного Казахстана, но и то, что город тесно граничит с Россией. Купечество, в лице отдельных представителей, сыграло немаловажную роль в развитии архитектуры Петропавловска XIX – XX веков. Развитие каменного зодчества позволило зажиточным купцам строить дома и торговые здания «на века». Немаловажным фактором является долговечность кирпичных и каменных зданий. Благодаря тому, что сохранилось немало архитектурных памятников, они могут и будут украшать город своим величием, не умаляя современную архитектуру.

Список литературы

1. Агеева Е.Ю., Акилова Е.В., Костина Е.А. Архитектурные стили конца XIX – начала XX вв.: Учебное пособие. – Н.Новгород: Издательство Нижегородского гос.архит.-строительного университета. – 2011. – 70 с.
2. Волошинов А.В., Лосин Д.О. Купеческая архитектура и культурный облик современного провинциального города / Волошинов А.В., Лосин Д.О.// Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2011. – №2(55). вып.1 – С. 207-211.
3. Гуменюк А.Н. «Кирпичный стиль» и «готизирующий предмодерн» в архитектуре Омска начала XX века /Гуменюк А.Н.// Мир науки, культуры, образования. – 2009. – С. 81-84.
4. Кузнецов Л.А. Краткий исторический очерк г. Петропавловска Акмолинской области. – Петропавловск, 1913. – 92 с.
5. Махмутов З.А. Торговая деятельность татарских купцов Казахстана в дореволюционное время (на примере г. Петропавловска). [Электрон. ресурс] / Махмутов З.А. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №11-1(61). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>
6. Морозов М.А. По Петропавловску: Путеводитель /Морозов М.А. – Алма-Ата. Казахстан. 1981. – 91 с. Ил.
7. Пономаренко Е.В. Особенности «красно-кирпичного» стиля на Южном Урале / Пономаренко Е.В.// Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №23 – С. 175-179.
8. Тимофеева Е.М., Белик Н.П., Тимофеева А.С. Научно-исследовательская работа студентов технических вузов // Фундаментальные исследования. – 2007. – №12-3. – С. 462-463.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

РЕЕСТРОВАЯ ОШИБКА

Бахаев С.Н.

ведущий специалист по земельно-имущественным отношениям,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена институту реестровой ошибки. Анализируются виды реестровых ошибок, определяются причины их возникновения, а также основания их устранения. Рассматриваются некоторые вопросы исправления реестровой ошибки на основе действующего законодательства.

Ключевые слова: объекты недвижимости, Единый государственный реестр недвижимости, реестровые ошибки.

В сведениях, которые содержатся в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН), могут быть обнаружены ошибки, то есть, несоответствие сведений, внесенных в ЕГРН, фактическим характеристикам объекта недвижимости. К подобным ошибкам относятся реестровые ошибки, которые до вступления в силу нового Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), регулирующего правоотношения, связанные с кадастровым учетом и регистрацией прав на недвижимость, назывались кадастровыми ошибками. Переименование кадастровой ошибки в реестровую объясняется тем, что произошло создание единой федеральной системы в сфере государственной регистрации прав на недвижимость путем объединения систем кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимость.

Итак, рассмотрим, что теперь понимается под реестровой ошибкой и какой порядок ее исправления в соответствии с действующим законодательством.

Согласно статье 61 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», реестровая ошибка – это воспроизведенная в ЕГРН ошибка:

1) допущенная лицом, выполнившим кадастровые работы (кадастровым инженером), и содержащаяся в

- межевом плане,
- техническом плане,
- карте-плане территории,
- акте обследования.

2) содержащаяся в документах, направленных в орган регистрации прав иными лицами и (или) органами, в том числе, в порядке информационного взаимодействия [6].

То есть, из формулировки можно сделать вывод, что реестровая ошибка – это неверные данные, содержащиеся в документах, на основе которых вносились либо изменялись сведения ЕГРН.

К наиболее распространенным на данный момент реестровым ошибкам относят:

1) несоответствие координат границы участка их фактическому местоположению;

2) не проведение согласования местоположения границ земельного участка, смежного с земельным участком общего пользования;

3) внесение в межевой план необоснованных сведений о виде разрешенного использования земельного участка и др.

По мнению, В.В. Золиной, наиболее часто подобные ошибки совершаются из-за ряда причин:

- 1) низкая квалификация кадастровых инженеров;
- 2) неисправность применяемого измерительного оборудования;
- 3) человеческий фактор (невнимательность) [2, с. 15].

Б.А. Титов, Н.В. Русинова считают, что в определенных ситуациях на возникновение реестровых ошибок влияет несоблюдение норм по охране труда, а именно, при осуществлении кадастровых работ на открытой местности в зимнее время. Они полагают, что неблагоприятная погода при проведении работ может повлиять на состояние здоровья кадастрового инженера и, как следствие, привести к реестровым ошибкам [5, с. 17].

Действующим законодательством предусмотрено несколько вариантов исправления реестровых ошибок – административный и судебный.

ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» регламентированы основания и порядок исправления ошибок в сведениях ЕГРН.

Для исправления ошибки необходимо выполнить следующие действия:

- 1) обратиться к кадастровому инженеру, который подготовит заключение и межевой план с изменениями;
- 2) написать заявление в орган, осуществляющий прием документов (орган регистрации прав или МФЦ).

Такой вариант исправления ошибки в местоположении возможен только при отсутствии споров и разногласий между заявителем и собственниками соседних участков, либо при урегулировании этих споров до суда.

Кроме того, орган регистрации прав может обнаружить реестровую ошибку в описании местоположения границ земельных участков. В этом случае принимается решение о необходимости ее устранения. Такое решение вместе с указанием, что конкретно необходимо исправить, направляется заинтересованным лицам (правообладателям или в соответствующие органы).

По истечении шести месяцев со дня направления решения о необходимости устранения реестровой ошибки в сведениях ЕГРН заинтересованным лицам орган регистрации прав вправе внести изменения в сведения ЕГРН о местоположении границ и площади такого земельного участка без согласия его правообладателя. Внесение изменений в ЕГРН осуществляется органом регистрации прав с учетом сведений, содержащихся в правоустанавливающих документах, с использованием картографической основы. При этом площадь земельного участка после исправления реестровой ошибки может отличаться от площади земельного участка, сведения о которой содержатся в ЕГРН не более чем на пять процентов.

В течение пяти рабочих дней со дня исправления реестровой ошибки орган регистрации прав обязан уведомить об этом правообладателя земельного участка [6].

В случае разногласий, возникающих в связи с исправлением реестровых ошибок, применяется судебный порядок.

Исправление реестровой ошибки в судебном порядке осуществляется путем предъявления соответствующего иска. Целью судебного иска будет требование о

внесении изменений в характеристики объекта недвижимости в ЕГРН. Ответчиком может быть как кадастровый инженер, допустивший ошибки при проведении межевых работ, так и орган учета.

Следует отметить, что суд по требованию любого лица или любого органа, в том числе органа регистрации прав, вправе принять решение об исправлении ошибки.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что реестровые ошибки нарушают основополагающие принципы ведения ЕГРН – достоверности, объективности, точности и достаточности сведений. В результате допущенных ошибок в реестре ЕГРН нередко содержатся неполные или искаженные сведения об объектах недвижимости, что может повлечь существенные нарушения интересов собственников (создать определенные трудности при дарении, продаже, и других сделках с имуществом).

В целях устранения реестровых ошибок следует проводить мероприятия, препятствующие их появлению.

Например, В.В. Золина считает, что органам регистрации прав следует требовать от кадастровых инженеров материалы по контролю качества результатов координирования характерных точек вновь образованных земельных участков, с проверкой качества определения координат характерных точек смежных земельных участков, уже поставленных на учет [2, с. 17].

О.А. Полякова отмечает, что необходимо значительно усилить квалифицированные требования по допуску претендентов для сдачи квалифицированного экзамена на аттестат кадастрового инженера [4, с. 658].

Д.В. Антропов, Д.И. Скачкова, предлагают на законодательном уровне усилить ответственность кадастровых инженеров, а также роль и степень вовлечения саморегулируемых организаций в процесс выявления и устранения реестровых ошибок [1, с. 15].

На наш взгляд, следует согласиться с вышеизложенными предложениями по устранению реестровых ошибок. Реализация данных мероприятий позволила бы повысить качество реестровой информации, а также сократить причины приостановления либо отказов учета объектов недвижимости.

Список литературы

1. Антропов Д.В., Скачкова Д.И. Особенности выявления и устранения кадастровых ошибок в сведениях кадастра недвижимости // Экономика и управление народным хозяйством: вопросы имущественной политики. 2016. № 1 (172). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.07.2017).
2. Золина В.В. Особенности выявления и устранения кадастровых ошибок в сведениях кадастра недвижимости // Инновационная деятельность: теория и практика. 2016. № 9 (5). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.07.2017).
3. Новый порядок исправления кадастровой ошибки. URL: <http://atlas-geo.ru> (дата обращения: 17.07.2017).
4. Полякова О.А. Кадастровая ошибка // Научные достижения и открытия современной молодежи. 2016. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 27.07.2017).
5. Титов Б.А., Русинова Н.В. Кадастровые ошибки из-за несоблюдения норм по охране труда // Инновационная деятельность: теория и практика. 2016. № 9 (5). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.07.2017).
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной регистрации недвижимости». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.07.2017).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В РОССИИ

Бринева О.В.

магистрант, Самарский государственный экономический университет,
Россия, г. Самара

В статье автором рассмотрены особенности развития законодательства о финансовой несостоятельности граждан.

Ключевые слова: арбитражный суд; финансовая несостоятельность; банкротство; обеспечительные меры.

«Изучение прошлого, – как справедливо отмечал Б.М. Кедров, – может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [1].

Представляется необходимым начать изучение и анализ норм о несостоятельности (банкротстве) граждан с истории развития этого института, поскольку анализ накопленного исторического опыта позволит углубленно рассмотреть проблемы и оценить сильные и слабые стороны данного института.

Истоки российского законодательства о банкротстве относятся к XI в. Первые наиболее ясные упоминания о несостоятельности встречаются в одном из величайших памятников права России – Русской Правде. Ст. 54 Русской Правды устанавливает: «...если какой-либо купец, отправившись с чужими деньгами, где-нибудь потерпит кораблекрушение или подвергнется нападению неприятеля, или (его) настигнет пожар, то не творить над ним насилия, не продавать (его и его имущество), но пусть, как начнет (выплачивать долг) погодно, так и выплатит, ибо это несчастье от бога, а он (т.е. купец) не виновен; если же он пропнется или проиграется, в (своем) безумии нанеся ущерб чужому товару, то пусть будет, как угодно тем, чьим тот товар: ждут ли (пока он возьмет им ущерб) – на то их воля; продадут ли (его и его имущество) – на то (также) их воля» [2]. В ст. 55 говорится о том, что «...если какой-либо должен будет многим, а крупный иногородний или чужеземный купец, приехав, не зная этого, отдаст ему (свой) товар, а (тот) не захочет отдать купцу деньги, к тому же первые заимодавцы станут препятствовать (этому), не давая денег, – тогда отвести его (т. е. должника) на торг, продать (его имущество и его самого), затем отдать вначале деньги (иноземного или иногороднего) купца, а местные (пусть) поделятся теми деньгами, которые останутся; если же будут (за должником) княжеские деньги, то деньги князя возвратить вначале, а остальное (поступит) в раздел; если кто взимал неоднократно проценты (с должника), то тот не должен ничего получать» [3].

Таким образом, в статьях Русской Правды проводится разграничение различных видов несостоятельности. В качестве основы для деления используются следующие злонамерения несостоятельных должников:

- несостоятельность не по вине должника, а под действием непреодолимой силы;
- несостоятельность по вине должника.

В первом случае должнику предоставлялась рассрочка долга на несколько лет, во втором – судьба должника полностью зависела от кредиторов, которые мог-

ли получить возмещение в рассрочку или покрыть свои убытки путем продажи имущества должника и его самого в холопы.

Первый печатный памятник русского права – Соборное Уложение Алексея Михайловича 1649 г. в значительной степени заимствовало положения о возмещении обязательств из Русской Правды и Судебника 1550 г. В главе X «О суде» банкротству посвящены четыре статьи, сохранялось деление причин несостоятельности на две группы: несчастный случай и неблаговидная деятельность должника. Новшество заключалось в установлении предельных сроков уплаты долга, на это отводилось до трех лет [4].

Был расширен круг субъектов, к которым могли быть применены нормы о несостоятельности. Теперь это были не только купцы, взявшие чужие деньги или товар для торговли, но и всякие должники. В Соборном уложении 1649 г. продолжил развиваться переход от личной ответственности за банкротство к материальной.

Кроме того, был введен институт поручительства за несостоятельного должника. По этому Уложению поручитель был гарантом возврата всего долга только в случае исчезновения должника.

По Уставу о таможенном словесном суде 1727 г. несостоятельные люди торгового звания, которые разорились не от несчастного случая, отдавались для заработка долга каким-либо купцам. Если таких купцов не находилось, то годных к военной службе отправляли в армию. При этом государство выплачивало кредитору сумму не более ста рублей. Лица из числа несостоятельных должников, негодные к военной службе, отправлялись в ссылку.

По Указу 1736 г., который в значительной степени повторял положения Устава о таможенном словесном суде 1727 г., один из кредиторов мог взять должника на заработки и за него расплатиться с остальными кредиторами [5].

С каждым столетием на практике возникало все больше и больше дел в области несостоятельности, которые требовали правового вмешательства. В связи с этим в 1740 г. было разработано несколько уставов, которые, однако, не обрели юридической силы, хотя и применялись отчасти на практике. Проекты разрабатывались также в 1753, 1756, 1768 гг. Единственный, кто из многочисленных проектов стал долгожданным законом – это Устав о банкротах 1800 г.

Банкротский устав 1740 г. определял несостоятельность как отсутствие у должника имущества для полного удовлетворения требований кредиторов. Банкротство делится на несчастное и злостное, а неосторожная несостоятельность приравнивается к злостному банкротству. Несчастливым или безвинным считалось банкротство, которое произошло под влиянием сил природы, от пожара, в результате нападения.

По Банкротскому уставу выделялись три основания злостного банкротства: «обманство, продерзость и неосторожность». Под обманством понималось утаивание имущества, сокрытие перед кредиторами своего неудовлетворительного финансового состояния, заключение сделки, увеличивающей долги. Продерзостью считалось явное нарушение положений Банкротского устава: неправильное ведение купеческих книг, занятие торговлей без собственного капитала, необъявление о своей неплатежеспособности и т. д. Неосторожность определялась как получение кредитов в преддверии несостоятельности, вступление в совместное дело с явно нечестным человеком, доверие своих товаров ненадежному посреднику, который не имеет денег, но имеет плохую славу [6].

Банкротский устав 1753 г. в значительной степени копировал предыдущий.

Вместо понятия несостоятельности стал применяться исключительно термин «банкротство». При этом в новом уставе была отменена смертная казнь в виде повешенья.

В 1763 г. появился новый Банкротский устав, в котором более четко было определено понятие несостоятельности, которое понималось, как неспособность погасить остаточную задолженность кредитору в размере 25% от суммы основного долга. Этот же Устав выделял три вида несостоятельности: непорочную, неосторожную и злостную.

Непорочный или несчастный банкрот – это тот, кто торговал порядочно и действовал по уставу. Неосторожный банкрот – тот, кто подлогов не совершал, но был недостаточно предусмотрителен, произвел неверный расчет при продаже товара, взятого в кредит, жил не по средствам. Злостный банкрот – это вор. Кроме ранее предусмотренных оснований злостного банкротства, был введен новый признак – недостаточность имущества должника как последствия ранее совершенного им преступления [7].

Банкротский устав 1768 г. сохранил характеристику видов несостоятельности, заменив термин «непорочный банкрот» на понятие «упавший банкрот». О личных последствиях для неосторожного банкрота Устав уже ничего не говорит, а злостный банкрот наказывался в соответствии с действующим уголовным законодательством как публичный вор. Об имущественных последствиях для несостоятельного должника в данном документе не говорится.

Список литературы

1. Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 78.
2. Чернявская Т.А. Русская Правда (с комментариями). – Н. Новгород, 1995. – С. 101.
3. Чернявская Т.А. Русская Правда (с комментариями). – Н. Новгород, 1995. – С. 101.
4. Энциклопедия государства и права / Под.ред. П. Стучка. Том II. – М.: изд-во коммунистической академии, 1926. – С.139.
5. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. – СПб., 1913. – С. 127.
6. Суслова Т.М. Несостоятельность и банкротство: экономические и юридические аспекты // Журнал российского права. – 2004. – №2. – С. 10-16.
7. Ващенко Ю.С. К вопросу о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство» в истории законодательства и отраслях права // Гражданское право. – 2012. – № 2. – С. 9-14.

ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Горовенко С.В.

доцент кафедры административного и финансового права, канд. юрид. наук,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В статье рассматриваются элементы механизма применения системы управления рисками при реализации контрольно-надзорной деятельности в сфере обеспечения без-

опасности дорожного движения в Республике Казахстан. Приводиться методика расчета критериев отнесения проверяемых объектов к соответствующей категории рисков. Рассмотренные положения могут быть использованы при разработке порядка осуществления федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения с применением риск-ориентированного подхода.

Ключевые слова: управление рисками, риск-ориентированный подход, дорожное движение, государственный контроль (надзор).

Необходимо отметить, что применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора является принципиально новым механизмом, кардинально меняющим основные цели и задачи всей контрольно-надзорной деятельности государственных органов исполнительной власти [1, с. 23].

Риск-ориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности.

Этот подход предполагает более точечный механизм выбора субъектов предпринимательства, в отношении которых необходимо проводить мероприятия по контролю, с целью недопущения необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность предпринимателей [2, с. 12].

Постановлением Правительства РФ от 02.03.2017 N 245 были внесены изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2016 г. N 806, в соответствии с которыми федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения должен осуществляться с применением риск-ориентированного подхода.

Критерии отнесения деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности должны определяться Правительством Российской Федерации. Однако в отношении федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения такие критерии не определены. В этой связи считаем возможным обратиться к опыту Республики Казахстан в части применения риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Критерии оценки степени риска и проверочные листы в области автомобильного, железнодорожного, внутреннего водного транспорта и торгового мореплавания утверждены совместным приказом и.о. Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 14 декабря 2015 года № 1205 и Министра национальной экономики Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 823.

В соответствии указанным приказом подкритериями оценки степени риска понимается совокупность количественных и качественных показателей, связанных с непосредственной деятельностью проверяемого субъекта, особенностями отраслевого развития и факторами, влияющими на это развитие, позволяющих отнести

проверяемых субъектов к различным степеням риска. Критерии подразделяются на объективные и субъективные.

Объективные критерии оценки степени риска – критерии оценки степени риска, используемые для отбора проверяемых субъектов (объектов) в зависимости от степени риска в определенной сфере деятельности и не зависящие непосредственно от отдельного проверяемого субъекта (объекта). Первичное отнесение проверяемых субъектов по степеням рисков осуществляется на основе объективных критериев.

Определение риска в области автомобильного транспорта осуществляется в зависимости от вероятности причинения вреда в результате деятельности проверяемого субъекта жизни или здоровью человека, окружающей среде, законным интересам физических и юридических лиц, от несоблюдения безопасности эксплуатации автотранспортных средств. По объективным критериям к высокой степени риска относятся все подконтрольные субъекты (объекты) в области автомобильного транспорта.

Субъективные критерии оценки степени риска – критерии оценки степени риска, используемые для отбора проверяемых субъектов (объектов) в зависимости от результатов деятельности конкретного проверяемого субъекта (объекта).

Определение субъективных критериев осуществляется на основании анализа результатов проверок, мониторинга отчетности и сведений, представляемых проверяемым субъектом, жалоб и обращений, официальных интернет-ресурсов государственных органов, средств массовой информации, а также анализа сведений, предоставляемых уполномоченными государственными органами и организациями.

Указанным приказом утвержден перечень субъективных критериев, которые представляют собой возможные нарушения в деятельности проверяемого субъекта (объекта). При этом нарушения подразделяются на три категории: грубые, значительные и незначительные.

Под грубым нарушением понимается нарушение требований, установленных нормативными правовыми актами в области автомобильного транспорта при организации и осуществлении перевозок пассажиров и багажа, опасных грузов, крупногабаритных и тяжеловесных грузов с использованием автотранспортных средств, а также при оказании услуг по проведению обязательного технического осмотра и осуществлению международных автомобильных перевозок, которое угрожает жизни, здоровью человека, окружающей среде и законным интересам физических и юридических лиц, государства;

Значительное нарушение представляет собой нарушение требований, установленных нормативными правовыми актами в области автомобильного транспорта при организации и осуществлении перевозок скоропортящихся грузов, а также при осуществлении деятельности по установке и обслуживанию тахографов и оказании услуг автовокзалов, автостанций и пунктов обслуживания пассажиров.

Незначительное нарушение – нарушение требований, установленных нормативными правовыми актами в области автомобильного транспорта, которое не угрожает жизни и здоровью человека, окружающей среде и законным интересам физических и юридических лиц, государства, но носит обязательный характер.

По совокупности субъективных критериев проверяемому субъекту (объекту) присваивается показатель степени риска. Такой показатель оценивается по шкале от 0 до 100. При расчете показателя определяется удельный вес не выполненных критериев.

При выявлении одного грубого нарушения, проверяемому субъекту приравнивается показатель степени риска 100.

В случае если грубых нарушений не выявлено, то для определения показателя степени риска рассчитывается суммарный показатель по нарушениям значительной и незначительной степени.

При определении показателя значительных нарушений применяется коэффициент 0,7 и данный показатель рассчитывается по следующей формуле: $P_3 = (P_2 \times 100 / P_1) \times 0,7$ где: P_3 – показатель значительных нарушений; P_1 – общее количество значительных нарушений; ΣP_2 – количество выявленных значительных нарушений.

При определении показателя незначительных нарушений применяется коэффициент 0,3 и данный показатель рассчитывается по следующей формуле: $P_n = (P_2 \times 100 / P_1) \times 0,3$ где: P_n – показатель незначительных нарушений; P_1 – общее количество незначительных нарушений; P_2 – количество выявленных незначительных нарушений;

Общий показатель степени риска (P) рассчитывается по шкале от 0 до 100 и определяется путем суммирования показателей значительных и незначительных нарушений.

По показателям степени риска проверяемый субъект относится:

- ✓ к высокой степени риска – при показателе степени риска от 60 до 100;
- ✓ не отнесенные к высокой степени риска – при показателе степени риска от 0 до 60.

При анализе и оценке степени рисков не применяются данные субъективных критериев, ранее учтенных и использованных в отношении конкретного проверяемого субъекта (объекта).

Список литературы

1. Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22-27.
2. Кучеренко А.В. Реализация законодательных норм, направленных на защиту прав субъектов предпринимательства при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Законность. 2016. № 10. С. 9-12.

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ

Давыдова А.И.

курсант 1 курса, Воронежский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России, Россия, г. Воронеж

Данная статья посвящена правовому обеспечению обращения с отходами. Рассмотрено современное состояние федерального законодательства и регионального нормотворчества в области обращения с отходами. Предложены направления совершенствования правовых основ в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: отходы, лицензирование, региональная программа, территориальная схема, региональный оператор.

Новеллы федерального законодательства существенным образом изменили правовое регулирование в сфере накопления производственных и коммунальных от-

ходов. Так, с 29 декабря 2016 г. на основании Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [3] критерием отнесения вещи или предмета к отходу устанавливается не утрата потребительских свойств, а желание его выбросить (ст.1). Вместо понятия «твердые бытовые отходы» (ТБО) введено понятие «твердые коммунальные отходы» (далее – ТКО). Указанный закон установил расширенную ответственность производителя, предусмотрев обязанность производителей и импортеров товаров и упаковки утилизировать их после утраты потребительских свойств. Также изменения положений данного закона направлены на стимулирование сокращения площадей, занятых полигонами.

С учетом содержащегося в Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» деления отходов на пять классов опасности приказом Росприроднадзора России от 22.05.2017 г. № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» [6] детализирован перечень образующихся в Российской Федерации отходов, систематизированных по совокупности признаков: агрегатному и физическому состоянию, происхождению, степени вредного воздействия на окружающую природную среду, например, отходы от предпосевной подготовки семян, отходы проведения вскрышных работ при добыче полезных ископаемых, отходы при рыболовстве и т.п. По официальным данным, за 2016 год на предприятиях Воронежской области образовалось более 1500 видов отходов в количестве 8,105 миллионов тонн, что на 1,349 тонн больше, чем в 2015 году. При этом, 94,4% из образовавшихся отходов составляют практически неопасные и малоопасные отходы – 7,653 миллионов тонн [1, с. 93-94].

Следует отметить, что с 1 января 2017 г. запрещено захоронение отходов, содержащих полезные компоненты. Перечень видов указанных отходов должен устанавливаться Правительством РФ. Письмом № 01-12-07/12024 от 27.04.2017 Минприроды России внесло в Правительство РФ проект постановления «Об утверждении перечня отходов, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается», согласно которому, например, с 1 января 2018 г. запрещено захоронение отходов бумаги и картона, шин, покрышек, автомобильных камер, упаковки из стекла и термопластов, однако указанный проект постановления до сих пор не утвержден.

С 1 июля 2015 г. возобновлено лицензирование обращения с отходами практически в полном объеме. Коммерческие организации, осуществляющие деятельность в сфере обращения с отходами, обязаны были получить лицензии до 1 июля 2016 года на сбор, транспортировку, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение отходов I-IV классов опасности. Соответственно, не подлежит лицензированию образование и накопление отходов.

При этом порядок транспортирования отходов I-IV классов опасности должен устанавливаться федеральным органом исполнительной власти в области транспорта по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование в области охраны окружающей среды. Однако до настоящего времени упомянутый порядок не утвержден. Более того, на федеральном портале проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru проект порядка транспортирования отходов I-IV классов опасности отсутствует.

Вступившей в силу с 1 января 2016 г. главой V.1 «Регулирование деятельности в области обращения с твердыми коммунальными отходами» Федерального закона «Об отходах производства и потребления» полномочия по регулированию обращения с ТКО переданы органам государственной власти субъекта РФ с деталь-

ной регламентацией его деятельности федеральными нормами. Так, постановлением Правительства РФ от 12.11.2016 установлен порядок осуществления сбора, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания и захоронения твердых коммунальных отходов [2]. Поэтому каждым субъектом РФ должна быть утверждена региональная программа в области обращения с отходами и территориальная схема обращения с отходами. Необходимо отметить, что по данным кадастра отходов производства и потребления Воронежской области, в 2016 году на территории области эксплуатировалось 407 нелицензированных объектов размещения отходов [1, с. 103].

В Воронежской области 11.11.2015 утверждена региональная программа в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Воронежской области, входящая в состав государственной программы Воронежской области «Охрана окружающей среды и природные ресурсы» в качестве подпрограммы [4]. Приказом департамента природных ресурсов и экологии Воронежской области от 26.08.2016 г. № 356 была утверждена Территориальная схема обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Воронежской области [5].

Уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ в порядке, установленном Правительством РФ, должен на конкурсной основе выбирать регионального оператора, который и будет осуществлять сбор, транспортировку, обработку, утилизацию, обезвреживание, захоронение ТКО на территории субъекта РФ в соответствии с региональной программой и территориальной схемой обращения с отходами.

29 мая 2017 г. департаментом жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Воронежской области был объявлен конкурсный отбор регионального оператора по обращению с ТКО в Воронежском межмуниципальном кластере, включающем 9 муниципальных образований региона. Итоги конкурса еще не подведены.

Главное преимущество введения региональных операторов – упрощение контроля за процессом обращения с отходами, что позволит оптимизировать множество действий, связанных со сбором, вывозом и утилизацией мусора. Следовательно, обращение с ТКО с 2017 года – это не бизнес, а инфраструктура муниципального образования, назначением которой выступает жизнеобеспечение. Поэтому законодатель в ст. 24.7 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» обязал региональных операторов и лиц, образующих и размещающих отходы, заключать в обязательном порядке договоры на услуги по обращению с ТКО.

Таким образом, решению экологических проблем, в частности, в области обращения с отходами производства и потребления, должна способствовать, в первую очередь, реализации новейших федеральных и региональных нормативных положений.

Список литературы

1. Доклад о состоянии окружающей среды на территории Воронежской области в 2016 году // департамент природных ресурсов и экологии Воронежской области. Тамбов : ООО «ТПС», 2017. 208 с.
2. Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 47, ст. 6640.

3. Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (с изм. от 28.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 1 (ч. 1), ст. 27.

4. Об утверждении государственной программы Воронежской области «Охрана окружающей среды и природные ресурсы» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Воронежской области от 11 ноября 2015 г. № 856 (ред. от 24.03.2017) // Информационная система «Портал Воронежской области в сети Интернет» : [сайт]. URL: <http://www.govvn.ru> (дата обращения: 17.07.2017).

5. Об утверждении Территориальной схемы обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Воронежской области [Электронный ресурс] : приказ департамента природных ресурсов и экологии Воронежской области от 26 августа 2016 г. № 356 // Воронежская область. Официальное опубликование нормативно-правовых актов : [сайт]. URL: <http://pravo.govvn.ru/?q=node/7627> (дата обращения: 17.07.2017).

6. Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов [Электронный ресурс] : приказ Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 22 мая 2017 г. № 242 // Официальный интернет-портал правовой информации «Российская газета» : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2017/06/14/rosprirodnadzor-prikaz242-site-dok.html> (дата обращения: 17.07.2017).

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ КАК ОСНОВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Козырева М.В.

магистрант направления «Юриспруденция»,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

К числу условий, способствующих становлению и развитию демократического государства можно отнести парламентские выборы. Именно избрание депутатского корпуса позволяет выявить многообразие политических взглядов народа как источника власти, его готовность к участию в избирательных кампаниях. Выявление особенностей и значения парламентских выборов позволят совершенствовать процесс избрания депутатов в Российской Федерации как федерального, так и регионального уровней. От юридического качества законодательства о выборах зависит уровень развития демократии.

Ключевые слова: парламент, выборы, избирательное право, органы законодательной власти, демократия, избирательное законодательство.

В современном правовом государстве выборы органов государственной власти различного уровня придают легитимный характер, что позволяет им выражать волю избирателей, отдавших им свое предпочтение. Ведь именно непосредственное участие граждан в процессе формирования органов власти и управления позволяет в конечном итоге выявить политические пристрастия избирателей.

18 сентября 2016 года был избран состав Государственной Думы Федерального Собрания VII созыва. Незначительный опыт парламентских выборов, в том числе и региональных (избрание депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации) показал, что в настоящее время есть комплекс проблем, решение которых будет способствовать повышению юридико-технического качества избирательного законодательства, повышению уровня правовой культуры избирателей и доверия граждан к избранным ими органам власти.

Однако, безусловно, выборы представляют собой достаточно сложную процедуру, а их результат во многом зависит не только от законодательства, регламентирующего собственно сам процесс избрания депутатов, но и от многих других факторов. К числу последних можно отнести и политическую и правовую грамотность населения, степень осознанности и понимания значимости института выборов, политическое многообразие и свободу партийной борьбы, отсутствие фальсификации при голосовании, прозрачность процедуры подведения итогов голосования.

Современные проблемы порядка выборов депутатского корпуса в Российской Федерации условно можно разделить на две группы – правовые и неправовые. К числу правовых следует отнести различного рода пробелы правового регулирования избирательного процесса. В юридической литературе неоднократно высказывались веские критические замечания относительно нестабильности федерального законодательства о выборах, постоянных его корректировках, которые, по мнению Д.А. Авдеева, в большей степени были обусловлены политической конъюнктурой неужели решением правовых проблем, возникающих в результате правоприменительной практики [1, с. 58-59].

К неправовым проблемам, или факторам, оказывающим влияние на избирательное законодательство, относится уровень политической и правовой культуры избирателя. Ни для кого не секрет, что низкая явка избирателей на прошедшие в сентябре 2016 года парламентские выборы яркое тому подтверждение. Признание на конституционном уровне народа как единственного источника власти означает, что образуемые им органы государственной власти выступают при осуществлении своей деятельности от имени и во имя народа. Соответственно, народ, а юридически – избиратели [2, с. 25-30], обладают возможностью оказывать существенное влияние на процесс образования этих органов в ходе своего политического волеизъявления.

Однако, «при провозглашении народовластия реальная возможность населения каким-либо образом влиять на дела государства фактически была сведена к голосованию на выборах при упразднении всех остальных инструментов непосредственной демократии. Сами же выборы за прошедшее время и законодательно, и на практике трансформировались таким образом, что реализация этого важнейшего политического права и граждан превратилась в фикцию. Таким образом, положения ст.3 Конституции о принадлежности власти в России всему народу являются фиктивными, причем фиктивность эта обеспечивается самой же Конституцией [4, с. 5].

Одновременно с выборами депутатов Государственной Думы Федерального Собрания проводились выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Сложность проведения выборов 2016 года в региональный парламент на территории Тюменской области была обусловлена многими факторами. К числу таковых можно отнести, во-первых, сложноустроенность субъекта Федерации и, во-вторых, множество изменений в законодательстве о выборах. Для того, чтобы выявить особенности осенней избирательной кампании в Тюменской области, необходимо проанализировать ее процесс с учетом обновленного к моменту выборов законодательства.

Одним из основополагающих документов, регулирующих порядок подготовки и проведения выборов на территории Тюменской области является Избирательный кодекс (Закон) Тюменской области от 30 июня 2003 года № 139 (в редакции от 04.05.2016) [6], в соответствии с которым регламентируется состав Тюменской об-

ластной Думы и избирательные системы, используемые при проведении выборов, порог для получения депутатского мандата составляет 5% от количества голосов избирателей, участвовавших в голосовании. На территории Тюменской области образовано 24 одномандатных округа (юг Тюменской области – 10 округов, ХМАО–Югра – 10 округов, ЯНАО – 4 округа).

Как мы уже говорились выше отличительной особенностью избирательных кампаний стало масштабное реформирование федерального избирательного законодательства. По нашему мнению, тенденция законодательных новелл позволяет сделать вывод, что тенденция изменения законодательства о выборах получит дальнейшее развитие в системе избирательного законодательства и, в конечном итоге, приведет к созданию на территории Российской Федерации цивилизованного института сильных парламентских партий различной политической ориентации.

Проанализировав статистические данные по итогам выборов депутатов Тюменской областной думы, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, в избирательной гонке приняли участие 315 кандидатов, из них 225 кандидатов избирались по единому избирательному округу и 90 кандидатов – по 24 одномандатным округам, что относительно других регионов выше нормы. Следовательно, избиратели Тюменской области получили возможность широкого выбора кандидатов, что, в свою очередь, является одним из признаков демократической избирательной системы государства.

Во-вторых, организующую роль в подготовке и проведении выборов играла Избирательная комиссия Тюменской области, осуществляющей контроль за деятельностью избирательных комиссий автономных округов. Всего в списки избирателей было включено 2576048 человек. На избирательных участках работали 1265 членов УИК с правом совещательного голоса, 3219 национальных наблюдателей и 13 международных (в том числе 10 – в составе миссии ОБСЕ). В связи со сложностью субъекта организация и проведение избирательной кампании усложняется, требуется участие нескольких Избирательных комиссий, заключение между ними Соглашения, а также больший контроль и координация со стороны Избирательной комиссии Тюменской области, которая стала координатором выборов депутатов областной Думы шестого созыва [5].

В-третьих, явка по выборам в депутатов Тюменской областной Думы составила 60,69 % в целом по области и 81 % – в Тюменской области (без учета явки в автономных округах). Тюменская область стала одним из лидирующих регионов, показавших высокий процент заинтересованности избирателей в политической жизни региона.

Тюменское региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия» по итогам голосования получила наибольшее количество голосов в Тюменском областном парламенте, а именно 39 мандатов из 48, из которых 15 – по единому избирательному округу, а 24 – по одномандатным избирательным округам.

В целом же подводя итоги, следует отметить, что несмотря на позитивные результаты избирательных кампаний в Тюменской области по сравнению с подобными результатами в других субъектах Российской Федерации, отечественное избирательное законодательство продолжает оставаться в процессе своего реформирования. В тексте Конституции Российской Федерации отсутствуют полноценные

основы избирательного законодательства, которые устанавливают способы формирования органов публичной власти и принципы избирательного права, что и послужило причиной принятия ряда федеральных законов и дальнейшей модернизации законодательство о выборах. Перед подготовкой к новым выборам вносятся огромное количество изменений в эти федеральные законы, что оказывает негативное влияние на организацию и проведение выборов на региональном уровне.

Именно законодательная стабильность способна обеспечить нормальный ход любой избирательной кампании. Это в свою очередь создает условия для полноценного участия в парламентских выборах большинства избирателей. Ведь именно участие народа в процессе образования органов государственной власти, выражающееся в политическом высказывании своего отношения к предлагаемым социально-экономическим программам развития государства тех или иных политических партий является фундаментом построения демократического государства. Установленная законодательством процедура участия избирателей в парламентских выборах должна носить постоянный, стабильный характер.

На наш взгляд, также необходимо особое внимание сосредоточить на повышение правовой культуры граждан и полномасштабного привлечения избирателей по участию в парламентских выборах, явка на которые как правило, ниже по сравнению с президентскими выборами. Нельзя не согласиться с высказыванием Д.А. Авдеева, что для установления демократического стиля управления, претворения идей демократизма необходима как модернизация законодательства, так и смена общественно-ментального понимания новых изменений в организации государственного устройства» [3, с. 1626].

Считаем, что планомерная работа в этом направлении будет способствовать оптимизации избирательного процесса, а эффективная деятельность избранных органов власти позволит вернуть интерес в выборах и востребованность реализации активного избирательного права у российских граждан.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Выборность органов публичной власти как неотъемлемый признак республиканской формы правления // Современное состояние избирательного законодательства Российской Федерации и ее субъектов: проблемы реализации и пути совершенствования: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 18 июня 2010 года / Избирательная комиссия Тюменской области. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010.
2. Авдеев Д.А. Избиратели как источник власти, или юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11.
3. Авдеев Д.А. Демократия как основа республиканской формы правления // Право и политика. 2011. № 10 (142).
4. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. №15. 2007.
5. Сборник электоральной статистики по выборам депутатов Тюменской областной Думы шестого созыва // Избирательная комиссия Тюменской области, 2016.
6. Тюменские известия, 06 января 2004 года.

«НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Куржупова Я.В.

аспирант, Московская академия экономики и права, Россия, г. Москва

В связи с развитием гражданского оборота появилась потребность в предотвращении недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений по отношению друг к другу и в защите от таких недобросовестных действий. В Российской Федерации таким средством борьбы продолжительное время служила и служит статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [6]. Несмотря на многолетнюю практику применения указанной нормы, природа злоупотребления правом и на сегодняшний день неоднозначна. Еще не утихли научные споры о природе злоупотребления правом, как в гражданское законодательство Российской Федерации был введен принцип добросовестности, закрепляющий всеобщую обязанность участников гражданских правоотношений вести себя добросовестно, что породило новую дискуссию о природе категорий добросовестности, добросовестного и недобросовестного поведения и соотношении их с категорией злоупотребления правом. Исследованию проблемы соотношения категорий «недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом» в гражданском праве и посвящена данная статья.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, недобросовестное поведение.

В связи с модернизацией части первой ГК РФ и закреплением принципа добросовестности на законодательном уровне дискуссия о соотношении категорий «недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом» приобрела не просто теоретической, но и практический характер.

Можно выделить несколько существующих на сегодняшний день концепций соотношения категорий злоупотребление правом и недобросовестного поведения.

Представители первой концепции придерживаются мнения, что вышеуказанные категории тождественны, что эти понятия равнозначны. К такому выводу они приходят после буквального толкования статьи 10 ГК РФ, так как и запрет на злоупотребление правом и презумпцию добросовестности законодатель предусмотрел в одной статье.

Кроме того, п. 1 ст. 10 ГК РФ предусматривает, что злоупотребление правом включает в себя: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Такое построение нормы позволяет сделать вывод, что недобросовестное поведение включает все указанные формы злоупотребления правом, то есть, злоупотребление правом равно недобросовестное поведение.

К представителям данной концепции можно отнести, например, Т. Дроздову [9, с.19], Д.А. Липовцеву [12, с. 148], В.И. Емельянова [10, с. 15].

В судебной практике тоже встречается данная позиция: «неразумное и недобросовестное поведение приравнивается ГК РФ к злоупотреблению правом» [16]; «действия по купле-продаже автомобилей и передаче их в аренду за цену, значительно превышающую продажную и балансовую стоимость имущества, свидетельствуют об их недобросовестном поведении (злоупотреблении правом)» [17].

Г.Т. Бекназар-Юзбашев приходит к выводу о функциональном единстве категорий доброй совести и злоупотребления правом и, поскольку данные категории дублируют друг друга, предлагает отказаться от категории злоупотребления правом в законодательстве РФ вообще [1, с. 189].

К представителям второй концепции относятся ученые, которые считают, что злоупотребление правом есть форма недобросовестного поведения. Недобросовестное поведение есть суть злоупотребления правом. Представителями данного направления является Е.В. Вавилин [3, с.209], В.В. Горovenko. В.В. Горovenko свою позицию строит на разработанной профессором В.П. Грибановым [8] теории о разграничении содержания субъективного права и осуществления субъективного права. Добросовестное действие по реализации участником гражданского оборота права имеет форму осуществления гражданских прав. Недобросовестное действие имеет форму злоупотребления правом. Исходя из этого, автор считает, что в п. 1 ст. 10 ГК РФ было бы более правильно говорить о видах, а не о формах осуществления гражданского права [7, с. 175-176].

Встречается третья позиция, что, наоборот, недобросовестное поведение представляет форму злоупотребления правом. К такому выводу пришли А. Курбатов, А. Подмаркова [11, с. 109].

Кроме того, некоторые авторы считают, что понятия недобросовестного поведения и злоупотребления правом есть пересекающиеся, но не тождественные понятия. К числу сторонников такого подхода можно отнести: М.М. Якубчик [20, с. 114], О.А. Поротикову [15].

Очевидно, что понятие недобросовестное поведение значительно шире и включает в себя злоупотребление правом. Представителями данного подхода являются: С.Яковлева [19, с.56-57], Д.А. Матанцев.

Так, Д.А. Матанцев отмечает, что «понятие недобросовестного и неразумного поведения шире по своему объему понятия злоупотребления правом. Поэтому принцип добросовестности и разумности должен рассматриваться в качестве основного начала гражданского права, а нормы, его закрепляющие (в том числе и презумпция добросовестности и разумности), должны содержаться не в ст. 10, а в ст. 1 ГК РФ» [13, с. 14].

В последнее время ст. 10 ГК РФ подверглась модернизации. В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».

Злоупотребление правом рассматривается как одно из проявлений недобросовестности субъекта. Оно охватывает недобросовестное осуществление гражданских прав, но не охватывает недобросовестного исполнения гражданских обязанностей. Таким образом, недобросовестное поведение более широкое понятие, чем злоупотребление правом, по отношению друг к другу они относятся как общее и частное [4, с. 114].

Исходя из анализа п. 1 ст. 10 ГК РФ можно прийти к выводу, что злоупотребление правом в настоящей норме приравнено к заведомо недобросовестному осуществлению права, а шикана и обход закона являются только видами такого недобросовестного поведения. Можно было бы сказать, что наконец-то нормативно дали дефиницию злоупотребления правом, но правильно ли объяснять одно непонятное через еще более непонятное другое?

Как видим, теперь злоупотребление правом не тождественно недобросовестности (как можно было предположить, исходя из предыдущей редакции).

Злоупотребление правом определено как *заведомо* недобросовестное осуществление гражданских прав. Слово «заведомо» в определении злоупотребления правом, видимо, означает, что лицо достоверно знало, что его действия являются недобросовестными. При этом сама недобросовестность в этом контексте по-прежнему остается оценочным понятием без определения [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что не всякое недобросовестное поведение является злоупотреблением правом, но всякое злоупотребление правом есть недобросовестное поведение, т.е. злоупотребление правом является частным случаем недобросовестного поведения.

Такой подход снимает проблему злоупотребления гражданско-правовыми обязанностями, когда предлагается распространить действие статьи 10 ГК РФ на злоупотребление обязанностью как на одну из особых разновидностей злоупотребления правом [14, с. 102]. Обязанное лицо имеет возможность выбрать способ или перечень способов исполнения обязанности, т.е. имеет некое «микро-право» на исполнение обязанности, которое может выступать средством злоупотребления, и по своей сущности ничем, кроме своей юридической оболочки, не отличаться от «стандартного» злоупотребления правом [5, с. 47]. Однако, как известно, злоупотребить можно только при наличии субъективного права, в ином случае субъекту злоупотребить нечем [18, с. 61]. Недобросовестным может быть не только осуществление прав, но и исполнение обязанностей, а также действия по установлению и защите прав.

Таким образом, недобросовестное поведение и злоупотребление правом соотносятся как общее и частное. Однако на сегодняшний день правоприменительная практика идет по пути смешивания данных явлений, что приводит к их отождествлению.

Итак, определение понятий злоупотребления правом, недобросовестного поведения, их соотношения является очень сложной задачей, а значит, на сегодняшний день есть широкий простор для научного поиска и исследований по данной проблематике.

Вышеуказанные вопросы требуют тщательного исследования, разрешения, а своевременные ответы на них будут способствовать минимизации недобросовестного поведения, стабильности гражданского оборота и защите добросовестных участников гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Бекназар-Юзбашев Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 211 с.
2. Будылин С. Злоупотребил по неосторожности... К вопросу о субъективной стороне преддоговорной ответственности (и не только) // URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/28/zloupotrebil_po_neostorozhnosti..._k_voprosu_o_subektivnoj_s_torone_preddogovornoj_otvetstvennosti_i_ne (дата обращения: 14.07.2017).
3. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 225 с.
4. Вердян Г.В. Добросовестность как один из пределов осуществления гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2002. №2. С. 113-116.
5. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. №3. С. 44-50.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

7. Горовенко В.В. Недобросовестное поведение и злоупотребление правом: соотношение понятий // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 173-178.
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001. 411 с.
9. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
10. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс – Книга», 2002. 160 с.
11. Курбатов А., Подмаркова А. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // Хозяйство и право. 2009. №2. С. 104-115.
12. Липовцева Д.А. Злоупотребление правом, или «Последствия» первого блока поправок в ГК // Актуальные проблемы российского права. 2015. №11. С. 144-149.
13. Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с.
14. Микрюков В.А. О недопустимости злоупотребления гражданско-правовыми обязанностями // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 101-103.
15. Поротикова О.А. Заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав и иные формы злоупотребления правом в свете реформы гражданского законодательства РФ // URL: <http://www.zakon.kz/4684036-zavedomo-nedobrosovestnoe.html> (дата обращения: 14.07.2017).
16. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2012 по делу № А05-6091/2012 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS014;n=27112#0> (дата обращения 14.07.2017).
17. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 31.01.2013 по делу № А43-3958/2012 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AVV;n=57188#0> (дата обращения 14.07.2017).
18. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 202 с.
19. Яковлева С. Принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом в договорном праве // Хозяйство и право. 2010. № 11. С. 54-70.
20. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10 (190). С. 107-115.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Мысовских С.А.

студент направления «Юриспруденция»,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В статье Президент РФ отнесен к отдельной ветви власти, которая стоит над законодательной, исполнительной и судебной, взаимодействует с ними, контролирует их деятельность. В статье раскрывается влияние Президента РФ на структуру органов государственной власти, что нарушает систему сдержек и противовесов, которая является одним из главных принципов правового демократического государства.

Ключевые слова: разделение властей, Президент, законодательная власть, исполнительная власть, Конституция, власть, государство.

Одним из важнейших принципов демократического правового государства является разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение властей впервые было представлено Джоном Локком, который разделил власть на законодательную, исполнительную и федеративную (международную), однако, известность получила модель французского мыслителя Шарль де Монтескьё.

В настоящая время, суть разделения властей сводится к сосуществованию классических трех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной, каждая из которых является самостоятельной и независимой, выполняет определенные задачи в функционировании правового государства. Разделение властей основывается на естественном разделении таких функций как законотворчество, государственное управление, правосудие и т.д.

Как известно, в Российской Федерации к законодательной власти относится Федеральное Собрание Российской Федерации, состоящее из Государственной Думы и Совета Федерации; к исполнительной Правительство РФ; к судебной власти суды. До сих пор, актуальным вопросом остается неопределенное правовое положение Президента РФ в этой системе. В большинстве стран, Президент возглавляет исполнительную власть. Стоит отметить, что институт президентства в России возник в конце 80-х начале 90-х годов прошлого века. Так, пост первого Президента РСФСР занимал Б.Н. Ельцин. Конституция РСФСР 1978 г. провозглашала Президента высшим должностным лицом РСФСР и главой исполнительной власти в стране [1]. Сегодня, правовой статус Президента РФ закреплён в Главе 4 Конституции Российской Федерации 1993 г., согласно которой он является главой государства, гарантом Конституции, представляет РФ внутри страны и в международных отношениях (ст. 80). Однако, в Конституции РФ не содержится указание на отнесение его к ой или иной ветви власти, что послужило поводом для научных полемик. По нашему мнению, наиболее аргументированной точкой зрения можно считать, что Президент РФ осуществляет государственную власть в качестве главы государства, возвышаясь над законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Так, согласно п. 2 ст. 80 Конституции РФ глава государства обеспечивает согласованное функционирование взаимодействие органов государственной власти.

Президент Российской Федерации обладает широкими полномочиями в сфере законодательной власти. Как гарант Конституции государства он обладает законодательной инициативой, а также подписывает законы (ст. 84). Это подчеркивает участие главы государства в законотворческом процессе. Глава государства издает подзаконные нормативные правовые акты указы и распоряжения (ст. 90), обязательные для исполнения на всей территории страны; обладает правом роспуска Государственной Думы, а также правом отлагательным вето. Природа президентской власти, юридическая сила издаваемых Президентом нормативных актов недостаточно выявлены самой Конституцией.

Однако, многие ученые считают, обосновывают, что Президент РФ фактически является главой исполнительной власти. Так, анализируя полномочия Президента Д.А. Авдеев склонен полагать, что «Президент фактически возглавляет исполнительную власть» [2, с. 119]. Ученым приводятся достаточно убедительные доводы. В частности, Президент самостоятельно формирует Правительство (согласие Госдумы на назначение на должность Председателя Правительства носит номинальный характер). Следует отметить, что президент также фактически самосто-

ятельно наделяет гражданина полномочиями главы субъекта РФ (если после представления в третий раз кандидатуры на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации принял решение о ее отклонении либо не принял решение об отклонении или о наделении указанной кандидатуры полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, Президент Российской Федерации вправе распустить законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации). Президент вправе председательствовать на заседаниях Правительства, он также вправе отменить решения Правительства, если они противоречат, по его мнению, Конституции и нарушают права человека, а также вправе приостановить акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, по этим же основаниям. Президент непосредственно руководить деятельностью некоторых федеральных ведомств (ФСБ, МИД, МВД, МЧС, Минобороны, Служба внешней разведки). Структура и система органов исполнительной власти также формируется самостоятельно Президентом подзаконными актами и мн. др. В случае невозможности исполнять обязанности Президентом, их исполняет Председатель Правительства.

Исследование полномочий Президента позволяет прийти к выводу, что в руках Президента Российской Федерации сосредоточена та полнота власти, которой достаточно для проведения политической воли Президента в пределах Конституции Российской Федерации, гарантом которой он является [2, с. 119-120]. Все эти полномочия позволяют Президенту полностью контролировать деятельность исполнительной власти. Таким образом, президентские полномочия остаются в «рамках» исполнительной власти. Однако, резидент имеет и иные полномочия, в частности с судебной властью. Это выражается в представлении Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного Суда, Верховного Суда Российской Федерации (ст. 83.). Глава государства вправе также осуществлять помилование.

Казалось бы, почему такие полномочия возложены на одно лицо, а не распределены между государственными органами власти. Слишком большой объем полномочий в решении основополагающих проблем государственной и общественной жизни нарушает систему сдержек и противовесов, целью которой является распределение и сбалансирование властных полномочий между различными государственными органами, чтобы исключить сосредоточение всех полномочий в одних руках. Явный перевес полномочий в сторону Президента лишает возможностей остальным политическим субъектам, выступая в роли сдерживающих элементов, противостоять ему как того требует система сдержек и противовесов. Повторим, что отсутствие контрольных полномочий у палат Федерального Собрания не позволяет каким-либо образом влиять на исполнительно-распорядительную деятельность органов исполнительной власти [3, с. 49].

Президентская власть доминирует над остальными властями, нейтрализуя принцип разделения властей, который может привести к установлению личной диктатуры, а также сосредоточения властных полномочий в одном центре, следствием чего является неравномерность их распределения между высшими органами государственной власти. Сопоставление ст. 10 и 11 Конституции (в первой из них государственная власть определена в трех формах, во второй- в четырех) позволяет сделать вывод о том, что президентская власть обладает определенными чертами государственной власти, отличными от трех других [2, с. 567].

Граждане могут избирать только Президента РФ, депутатов Государственной Думы и представителей органов местного самоуправления. Президентская власть является полностью самостоятельной, так как Президент получает мандат от народа, что делает его независимым от парламента. Централизация Президентом РФ политической власти отражает признаки «суперпрезидентской» республики, когда власть фактически сосредоточена только в руках Президента. Монополизировав каждую из ветвей власти, президент легко может контролировать не только деятельность государственных органов власти и оказывать на них давление влиять, но и широко внедряться во все сферы жизни государства и общества.

Основная масса государственных полномочий сосредоточено главным образом в руках Президента, что свидетельствует не просто об авторитарности формы правления. Проблема заключается в том в том, что отечественная Конституция нуждается в определенной детализации ее некоторых размытых положений, касающихся закрепления правового статуса органов государственной власти и их взаимодействия между собой, основанной на системе сдержек и противовесов. Необходимо юридически точно определить место Президента в системе разделения властей, а, это положит конец научным дискуссиям относительно особенностей правового положения Президента в системе высших органов государственной власти.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С .А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011.
2. Авдеев Д.А. Принцип разделения властей как способ организации власти // Разделение властей в современной России: проблемы и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции. 21-22 октября 2008 г. / Под ред. д-ра юрид. наук профессора М. С. Матейковича. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский государственный университет 2008.
3. Авдеев Д.А. Баланс полномочий высших органов государственной власти: принцип разделения или распределения? // Государство и право. 2014. № 4.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М.В. Баглай. – 10-е изд., изм. и доп. – М. : Норма; ИНФРА- М, 2013.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ БИКАМЕРАЛИЗМА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Путра М.А.

магистрант направления «Юриспруденция»,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В статье анализируется структура законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Автор рассматривает возможность образование двухпалатного регионального парламента в субъекте Российской Федерации для эффективности его деятельности и значимости в сфере государственного управления, что в целом отвечает демократическому устройству государства. Именно бикамерализм регионального парламента отвечает традициям классической федерации, но и способствует становлению демократической основы государства.

Ключевые слова: федеративное устройство, парламента, бикамерализм, демократизм, субъект федерации, структура парламента, законодательный орган.

Проблема структурирования современного регионального парламента не теряет свою актуальность в связи с отсутствием единого легального подхода к определению структуры законодательного (представительного) органа субъекта и возникающими время от времени дискуссиями в научном сообществе об эффективности той или иной модели.

Структура современного парламента представляется двумя элементами:

- количеством палат, представляющих соответствующий парламент – одна, две, три и более палат;
- внутреннее устройство парламента, деление его на фракции, комиссии, комитеты, рабочие группы и другие составные части, вместе составляющие парламент.

Современные региональные парламента делятся на две основные группы, первую из которых составляют однопалатные, вторую – двухпалатные представительные органы законодательной власти. Трех и более палат в законодательном органе в настоящий момент не существует, однако история помнит случаи действия трехпалатного парламента, например, в Южно-Африканской Республике в период апартеида или во Франции в период консулата.

Структура парламента, при которой он состоит из двух палат, называется бикамерализмом. Название происходит от словосочетания латинских слов «bis» – дважды, и «саптага» – сводчатый потолок. Под сводчатым потолком необходимо понимать полностью закрытое пространство, буквально – камера. Этимологический анализ позволяет утверждать, что характер такой системы определяется самостоятельностью и независимостью каждой из палат, закрытой от остальных людей. Палаты двухпалатного парламента называются условно верхняя и нижняя. Это обуславливается особенностью законодательного процесса. Законопроектная работа ведется в нижней палате парламента разработка законов осуществляется, как правило, нижней палатой, при этом верхняя лишь рассматривает поступившей ей законопроект и одобряет его либо отклоняет и направляет на доработку обратно в нижнюю палату.

Как правило, верхняя палата, представляет определенную часть территории, в то время как нижняя – весь народ государства. Нельзя также не упомянуть контрольную деятельность, которая в большем объеме возложена уже на верхнюю палату. Таким образом, сохраняется баланс в деятельности парламента в целом при осуществлении его задач двумя палатами.

Дискуссии на тему эффективности двух палат в законодательном органе ведутся со времен становления первого двухпалатного парламента. Здесь речь идет о возникновении и развитии Парламента Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, который в период с 1716 года по 1832 год окончательно трансформировался из института, сохранившего некоторые средневековые черты (в частности, сословно-представительные элементы), в современный законодательный и представительный орган, который существует и в настоящее время.

Так, английский юрист эпохи просвещения. Иеремия Бентам говоря о необходимости верхней палаты парламента, отмечал, что «она приносит более вреда, чем пользы. Но это заключение не было бы правильным, так как, рассматривая деятельность какого-нибудь установления, надо принять в соображение и все то, что оно делает незаметно, одной своей способностью препятствовать» [3, с. 32].

Как указывает уже современный ученый Р.М. Ярва, двухпалатность свойственна стабильной (эволюционной) стадии развития системы государственных

органов. Однопалатная структура более присуща революционным (или переходным) этапам в истории государства, периодам становления институтов власти [9, с. 195].

Таким образом, верхняя палата, по своей природе, является скорее факультативным органом законодательной власти и возникает только в связи с развитием государства в сторону демократизма и правовой культуры граждан, их стремления участвовать в управлении делами государства.

Выше мы говорили о бикамерализме национального (общегосударственного) парламента. Что же касается развития бикамерализма в субъектах Российской Федерации необходимо понимать элемент механизма реализации демократической государственности, главной идеей которого было бы формирование представительных начал в их деятельности [1]. Верхняя палата формируется в таких случаях из представителей территорий субъекта Российской Федерации, которые имеют возможность отстаивать интересы региона в Федеральном Собрании Российской Федерации.

Преимущества двухпалатной системы региональных законодательных органов видятся в межпалатном (взаимно сдерживающем) факторе; большей эффективности в сдерживании исполнительной власти; более тщательной проработке законопроектов; увеличении гарантий Основного закона субъекта Федерации, поскольку увеличиваются сроки прохождения спорных законопроектов, что дает дополнительное время для рассмотрения законопроекта и его общественного обсуждения [5, с. 108]. Однако, можно согласиться и с тем, что с другой стороны, наличие второй (верхней) палаты регионального законодательного органа может повлечь затягивание процесса принятия законов [6, с. 69].

На момент написания статьи все законодательные органы всех субъектов Российской Федерации являются однопалатными. Последние двухпалатные законодательные органы, существовавшие в Чеченской республике, Республике Тыва и Свердловской области были реорганизованы в 2008, 2010 и 2011 года соответственно. Как указывается на официальном сайте Парламента Чеченской республики в современных условиях России нецелесообразно учреждение двухпалатных региональных парламентов, построенных по образу Федерального Собрания РФ. Безусловно, что федеральный и региональный парламенты отличаются объемом компетенции, функциями и своей значимостью, и ролью в системе государственного управления.

Может показаться, что двухпалатная структура парламента замедляет законодательный процесс, так как депутаты верхних палат региональных парламентов, как правило, работают на непостоянной основе, поэтому наличие этой палаты не может являться гарантией от принятия парламентом непродуманных, необоснованных законов. На современном этапе государственного строительства России наиболее адекватной представляется однопалатная структура парламентов субъектов РФ [8].

По нашему мнению, образование верхней палаты парламента является следствием повышения уровня заинтересованности населения в делах региона. Соответственно любые попытки искусственно повысить уровень демократизма, создавая двухпалатный парламент, будут тщетны. При этом, в субъектах Российской Федерации со сложной политической, социальной и демографической установление двухпалатного парламента представляется необходимым, что скажется на эффективности его деятельности. К примеру, создание бикамеральных легислатур в

республиках Южного федерального округа позволило бы обеспечить наряду с представительством как интересы населения в целом, так и интересы наций в многонациональных республиках, отдельных групп и слоёв общества; оптимизировать законодательный процесс, используя противовес поспешным и недостаточно продуманным законодательным решениям условно нижней палаты; стабилизировать государственность и политические отношения в обществе [7, с. 149].

Кроме того, научным сообществом также подчеркиваются сложности в осуществлении законодательной власти на территории субъекта Федерации двухпалатным парламентом. Так, О.Н. Булаков утверждает, что единство стратегических целей и направлений деятельности представительного органа власти субъекта Федерации не позволяют законодателям субъектов провести четкую грань и выявить положительные черты бикамерализма, кроме того, финансовые затраты на содержание бикамерального парламента больше, чем однопалатного (даже если депутаты вторых палат работают не на постоянной основе) [4, с. 10].

Однако это вовсе не означает, что нельзя оставить хотя бы возможность создания бикамерального парламента субъектами Российской Федерации. Ведь именно такую инициативу проявил в 2010 году депутат партии ЛДПР Владимир Таскаев. Им было предложено изменение принципа организации законодательных органов государственной власти субъектов РФ с целью формирования и функционирования в регионах только однопалатных парламентав. По его мнению, «два оставшихся субъекта РФ с двухпалатными парламентами вынуждены тратить на их содержание бюджетные средства, которые можно было израсходовать на социальные и иные нужды». Конечно, можно согласиться с тем, что бюджетные средства необходимо тратить только на самое необходимое, однако по нашему мнению, расширение возможности выражения народной воли является тем самым необходимым, на что стоит тратить бюджетные средства. Сам вопрос существования народной воли в современном российском обществе весьма дискусионен, однако, это не означает, что можно лишить граждан возможности участия в управлении делами государства. По верному замечанию Д.А. Авдеева анализ федерального законодательства позволяет прийти к выводу, что «начиная с момента принятия Конституции в 1993 году, наметилась своеобразная тенденция ограничения возможностей избирательного корпуса принимать участие в образовании органов публичной власти, при этом, несмотря на некоторые изменения законодательства, формально сохраняется соответствие признакам демократического государства» [2, с. 23].

Кроме того, Правительство РФ дало отрицательный отзыв на указанный законопроект, отмечая, что «система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом».

Действительно, Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и не разделена специфика однопалатных и двухпалатных парламентав. Вместе с тем, исходя из буквального толкования норм указанного Федерального закона, можно сделать вывод, что создание двухпалатных парламентав в стране допускается.

Обратимся к опыту классических федеративных государств. В органах законодательной власти штатов США бикамерализм распространен повсеместно, его

необходимость вызывалась более консервативным характером «верхних палат». В США в целом парламент штатов обладает большим влиянием, чем парламенты субъектов Российской Федерации. Это обуславливается существованием у парламента власти в решении вопросов организации и учреждении судов соответствующего штата, права определения избирательной системы и критериев к кандидатам на государственные должности. Соответственно разделение целей и задач между исполнительными органами и законодательными на территории штатов гораздо более четкое, нежели чем в России. Стоит также отметить, что высший законодательный орган США – Конгресс США, состоит из двух палат, верхняя из которых является «сильной» палатой по отношению к нижней, поскольку без её согласия решение парламента не может быть принято.

В ФРГ парламентами земель выступают ландтаги, в Бремене и Гамбурге они именуются городскими собраниями, а в Берлине – палатой депутатов. Ландтаги являются однопалатными парламентами, избираются по образу и подобию однопалатного федерального законодательного органа – Бундестага. Характерной особенностью парламентаризма в ФРГ является проявление скрытого, или фактического, бикамерализма. То есть, несмотря на то, что Бундесрат в соответствии с правовой позицией Федерального конституционного суда Германии не является ни верхней палатой двухпалатного парламента, ни парламентом вообще, Бундесрат осуществляет полномочия по рассмотрению законов после их разработки Бундестагом с возможностью императивного отказа от принятия законопроекта. Похожая ситуация и в землях, где наряду с ландтагом создается сенат для представительства социальных, хозяйственных, культурных и общинных корпораций земли.

Таким образом, анализируя зарубежный опыт организации работы парламента субъектов Федерации, можно сказать, что становление бикамерализма на их территории стало следствием развития гражданского общества, а также сильные традиции федерализма в указанных странах. Существующие в России препятствия для эффективной работы двухпалатных региональных парламента, такие как незначительный потенциал законодательных органов власти, незаинтересованность народа в участии в делах государства, являются, по сути, лишь отражением перевеса в системе разделения властей в пользу исполнительной и еще только зарождающимся состоянием демократизма в стране.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Демократия как основа республиканской формы правления // Право и политика. 2011. № 10 (142).
2. Авдеев Д.А. Демократическая иллюзия участия народа в формировании органов публичной власти в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 4 (45).
3. Бентам И. Тактика законодательных собраний. – СПб.: Л. А. Велихов, 1907. – 188 с.
4. Булаков О.Н. Бикамеральная структура парламента (практика и проблемы законотворчества) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9.
5. Булаков О. Н. К вопросу о законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: Материалы международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. Т. 2. 2009.
6. Ерыгин А.А. О структуре законодательного органа субъекта Российской Федерации // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции). 2016.
7. Луценко Е.В. Двухпалатная структура организации законодательных (представительных) органов государственной власти в субъектах Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2005. № 1-2.

8. Структура законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: [Официальный сайт Парламента Чеченской республики]. URL: <http://parlamentchr.ru/press-centre/analytics/277-struktura-zakonodatelnykh-predstavitelnykh-organov-gosudarstvennoj-vlasti-sub-ektov-rossijskoj-federatsii>.

9. Ярва Р.М. Функциональное назначение двухпалатной структуры парламента субъекта федерации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2006. № 10-3 (50).

КОНТРОЛЬ СДЕЛОК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ

Силантьева Я.В.

магистрант, Самарский государственный экономический университет,
Россия, г. Самара

В статье автором рассмотрены особенности государственного контроля за экономической концентрацией. Особое внимание уделяется контролю сделок, осуществление которых происходит путем слияния и поглощения.

Ключевые слова: государство, государственный контроль, концентрация, экономическая концентрация, контроль.

Одним из основных направлений антимонопольной политики, целью которого является недопущение изменения структуры рынка в направлении, создающем риски ограничения конкуренции, является контроль сделок экономической концентрации. Теоретической основой (оправданием) применения этого инструмента конкурентной политики является положение концепции «структура-поведение-результат» теории отраслевых рынков (Industrial Organization), согласно которой структура рынка (число и относительные размеры участников рынка, барьеры входа и выхода) определяет интенсивность конкуренции, цены и прибыль компаний [2, 3]. В рамках этих представлений, сформировавшихся на Западе в 1950-е гг., изменение концентрации производства рассматривалось как отражение изменения уровня рыночной власти.

По мере развития экономической теории и эмпирических исследований структуры рынка и интенсивности конкуренции стало очевидно, что связь между концентрацией и рыночной властью не столь однозначна. С одной стороны, сделки слияний и поглощений могут приводить к ограничению конкуренции, например, если результатом становится появление у отдельных участников рынка способности к созданию стратегических барьеров входа. В этом случае, образуется недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов, которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки конкурентам, либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации [1]. С другой стороны, укрупнение компаний может иметь и положительные экономические последствия (с точки зрения общественного благосостояния), в основе которых могут лежать различные механизмы, включая эффект экономии от масштаба, за счет которого крупные компании могут предлагать свою продукцию и на внутреннем, и на внешнем рынке по конкурентоспособным ценам (Bonaccorsi, 1992); повышение эффективности менеджмента за

счет более полного использования специализированного управленческого персонала (Hakansson, Gadde, 1997); расширение ресурсной базы компании, необходимой для осуществления экспортной деятельности (Cavusgil, 1984; Johanson, Vahlne, 1977); лучший доступ к финансовым ресурсам и большие возможности по принятию рисков экспортной деятельности (Hirsch, Adar, 1974) и др. Кроме того, организация экспортной деятельности предполагает значительные специфические инвестиции, связанные с техническим перевооружением и организационными изменениями в компании, проведением исследований зарубежных рынков, модификацией продукта под требования зарубежных заказчиков с учетом действующих на внешних рынках регулирующих норм и т.п. Подобные затраты определяют барьеры входа на рынок экспортных поставок и предъявляют дополнительные требования к финансовым возможностям компании-экспортера (Verwaal, Donkers, 2002).

В многочисленных эмпирических исследованиях тестируется взаимосвязь между размером компании и различными характеристиками ее экспортного поведения. Наиболее часто при этом используется показатель интенсивности экспорта (доли экспорта в общем объеме выпуска фирмы) либо сам факт наличия или отсутствия экспортной деятельности компаний. В доминирующем числе работ выявлена положительная связь между этими показателями и размером компании: согласно работе (Miensenbock, 1988), обобщающей результаты 200 исследований в этой области, доля работ, выявившая значимую положительную взаимосвязь, составила около 90%; в аналогичном исследовании (Gemunden, 1991) процент ниже – около 60% рассмотренных работ. В более поздних исследованиях получены аналогичные результаты. Например, в (Filatotchev et al., 2009; Majocchi et al., 2005; Serra, Pointon, Abdou, 2012) выявленная связь между размером компании и интенсивностью экспорта положительна; в других работах (Alonso, Donoso, 2000; Suarez-Ortega, Alamo-Vera, 2005) она оказалась статистически незначима. Необязательность положительной взаимосвязи между рассматриваемыми показателями подчеркивается также значимостью фактора отраслевой принадлежности компании: в работе (Pla-Barber, Alegre, 2007) искомый эффект выявлен в отраслях с низкой долей расходов на исследования и разработки, в то время как для наукоемких отраслей, таких как биотехнологии, он статистически незначим: определяющим фактором для них являются инновации и технологии.

Неоднозначность итогового экономического эффекта, подобная последствиям сделок экономической концентрации компаний-экспортеров, может возникать и в других ситуациях, подлежащих рассмотрению антимонопольного органа. Осознание этого факта привело к применению в антитрасте так называемого «взвешенного подхода», когда решение о допустимости той или иной сделки M&A (от англ. mergers and acquisitions, что в переводе означает «слияние и поглощение») принимается на основе соотнесения обусловленных ею выгод и рисков с точки зрения воздействия на конкуренцию и общественное благосостояние. В части контроля сделок слияний и поглощений это проявилось в смещении акцентов от анализа концентрации как такового к оценке ожидаемых экономических эффектов сделок экономической концентрации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите конкуренции», п. 4.
2. Авдашева С.Б. Экономический анализ для целей применения антимонопольного законодательства // Конкурентное право. 2012. № 1. С. 5-11.
3. Авдашева С.Б., Калинина М.М. Предписания участникам слияний // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 141-158.

РОЛЬ ИНТЕРПОЛА В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Сулумов Р.И.

магистрант первого курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются вопросы о функциональной роли Международной организации уголовной полиции (Интерпол), призванной в условиях современного времени активизировать и улучшить свою работу по поиску преступников и пресечению преступлений международного характера.

Ключевые слова: международная преступность, сотрудничество государств, Интерпол.

Процессы интернационализации преступности объективно свидетельствуют о необходимости совместного решения вопросов международного правопорядка, растущее значение последнего все чаще привлекает внимание представителей научной школы. Международную законность сложно обеспечить в одиночку, она провозглашается в качестве принципа соблюдения правовых предписаний, обращенных к субъектам общественных отношений. Особая роль в таком сотрудничестве принадлежит международным правоохранительным организациям, одной из старейших таких объединений является Международная организация уголовной полиции – Интерпол. Интерпол, как и любая другая международная организация, действует на основании устава, в котором определены цели и задачи. Так, согласно ст. 2 Устава Международной организации уголовной полиции – она имеет целью:

а) обеспечивать широкое взаимодействие всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках существующего законодательства стран и в духе Всеобщей декларации прав человека;

б) создавать и развивать учреждения, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней [1].

Рост преступности и угроз с многочисленными жертвами вследствие террористических актов, контрабанда наркотиков, торговля людьми, финансовые аферы препятствуют полноценному развитию общества. Для искоренения подобных негативных проявлений, несмотря на расхождения в политических взглядах государства обязаны сосредоточиться на борьбе с интернациональной преступностью, обеспечив тем самым достойное и безопасное будущее своих граждан.

В настоящее время Интерпол объединяет 190 государств, в каждой из которых создан орган, выполняющий функции национального центрального бюро (НЦБ) организации. В 78 субъектах Российской Федерации функционируют территориальные подразделения организации, их основная цель – борьба с общеуголовными преступлениями, при этом не затрагиваются политические, религиозные, военные преступления. Так, «в 2016 году при содействии российского бюро Интерпола удалось осуществить 64 выдачи разыскиваемых преступников из государств дальнего зарубежья. Заслуживает внимания экстрадиция из Италии в апреле 2016 года Дмитрия Безделова, экс-руководителя «Росграницы», обвиняемого в совершении мошенничества с бюджетными средствами на сумму более 1 млрд. рублей. Из последних примеров – экстрадиция из ОАЭ в декабре прошлого года Олега Шаманина, подозреваемого в организации преступного сообщества в Северодвинске Ар-

хангельской области. По версии следствия, созданная фигурантом преступная группа занималась жестокими вымогательствами денег у местных бизнесменов. В 2016 году впервые за всю историю членства России в Интерполе добились выдачи преступников из Мексики и Южной Кореи, Ирака» [2]. Очевидно, что коллективная работа приносит реальные результаты по поиску преступников и как следствие применение к ним мер юридической ответственности с учетом содеянного. Договорные отношения относительно скоординированной деятельности способствуют правоохранительным органам предвидеть и своевременно в рамках действующего законодательства вносить коррективы в свою работу, при этом еще и сочетаются методы централизованного руководства с оперативным управлением и самостоятельностью правоохранительных служб.

Вступление нашей страны в Интерпол в 1990 году, ставшее началом пути, явилось событием действительно исторического значения. Подписывая в 1996 году Указ Президента РФ «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» Б.Н. Ельцин обозначил целесообразность коллегиальной работы международной правоохраны в поиске и поимке преступников по всему миру. Главными задачами Интерпола, гласит п. 2 Указа Президента РФ № 1113 являются: «обеспечение эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях; оказание содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации; осуществление наблюдения за исполнением международных договоров по вопросам борьбы с преступностью, участником которых является Российская Федерация» [3].

Следует отметить, что в последние годы криминальное сообщество изменилось в качественном контексте, то есть произошли структурные изменения преступности, связанные с устойчивостью их противозаконной деятельности и, как следствие, стабилизировались и приобрели новые «изолированные» формы отдельные виды преступлений. К примеру, терроризм, как губительное явление проявляет себя по-разному, средства и способы совершения данного правонарушения непредсказуемы. При этом, пишут В.В. Собольников, и В.Д. Путятин «усиливается его агрессивность по своему проявлению и неизмеримо деструктивность по содержанию. Предельную степень своего проявления терроризм получил в условиях глобализации» [4, с. 40]. Данное преступление против мира и безопасности не осуществляется в примитивной форме взрыва или захвата заложников, все чаще в средствах массовой информации можно услышать об экологическом терроризме, информационной войне, пропагандистской деятельности, вербовке и проч.

Современная политическая обстановка, а именно события, связанные с украинским кризисом, санкции против России, осуждение действий Российской Федерации многими странами не повлияли на взаимоотношения России и Интерпола. Более того, наша страна достаточно интенсивно участвует в международной борьбе с преступностью, хотя присутствуют определенные проблемные моменты, связанные с институтом экстрадиции. Россия подписала Европейскую Конвенцию об экстрадиции 1957 года с оговорками, запрещающими выдачу российских граждан, это обусловлено содержанием Основного закона, статья 61 которого гласит: «гражданин России не может быть выслан за пределы своей страны» [5]. То есть речь идет о частичном принятии такого института, как экстрадиция, в этом смысле мы отличаемся от стран Евросоюза, между которыми существует двусторонняя

обязанность выдачи преступников. «Экстрадиция не осуществляется на основании общего международного права, а лишь при наличии конкретного международного договора, в ряде случаев – на основе принципа взаимности, что определенно находится в прямой зависимости от степени сотрудничества государств. А значит, как и прежде, когда выдача осуществлялась по решению государя, применение института экстрадиции и сегодня не свободно от политических соображений, а сам акт выдачи является проявлением суверенной воли государства» [6, с. 11].

Таким образом, требуется дальнейшее совершенствование механизма взаимодействия по линии Интерпола и основной задачей на сегодня остаётся укрепление потенциала организации, его инновационное развитие в целях эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы.

Осуществляя работу по укреплению международного правопорядка и обмен информацией между полицейскими ведомствами государствам необходимо избавиться от политической мотивированности при принятии решений о выдаче преступников. К сожалению, амбициозные предпочтения первых лиц в некоторых странах преобладают над «разумом», а равно препятствуют своевременной профилактике и предупреждению международных преступлений. Любое государство, как пишет А.С. Алихаджиева, будучи «волевой организацией, располагающей различными средствами, способно влиять на все стороны общественной деятельности» [7, с. 7]. Страны должны быть едины в борьбе с террористическими группировками, экстремизмом, независимым исламским государством, осуществляющим незаконную торговлю людьми, поставки оружия, наркотиков и иных преступлений против человечества и безопасности.

На сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что, находясь в «натянутых» экономических отношениях, именно Россия пытается проводить политику взаимного сотрудничества борьбы с международной преступностью. Конечно же такое положение дел отрицательным образом складывается не только на криминогенной ситуации внутри государства, но и за ее пределами. Положительная тенденция отмечена в последние годы, представитель нашей страны стал вице-президентом Интерпола от Европы. «Что даёт России эта должность? На самом деле, совсем не то, о чём обычно сразу же думают, потому что все эти резонансные случаи с отказами России в экстрадиции наших беглых олигархов или отказы объявить их в международный розыск – это лишь мизерная часть от общего объёма работы, как это обычно и бывает со всеми сенсациями, которые привлекают много внимания, но имеют небольшое значение» [8].

В заключении хотелось бы отметить, что, к сожалению, преступность развивается вместе с обществом, используя в своих целях передовые достижения науки и техники. Интерполу необходимо постоянно совершенствоваться, чтобы оставаться силой, способной противодействовать международному криминалу.

Список литературы

1. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпола) (вступил в силу 13 июня 1956 г., с изменениями по состоянию на 1 января 1986 г.) // URL: <http://zakon.kuban.ru/private/interpol.htm> (дата обращения: 10.06.2017).
2. «Впервые мы добились выдачи преступников из Мексики и Южной Кореи». Глава Интерпола России Александр Прокопчук – о борьбе с терроризмом и киберпреступностью, громких задержаниях ушедшего года и новом проекте «Часовщик» // URL: <http://iz.ru/news/659700> (дата обращения: 10.06.2017).

3. Указ Президента РФ от 30.07.1996 года № 1113 (ред. от 27.10.2011 г.) «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» // СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3895; 2011. № 44. Ст. 6240.

4. Собольников В.В., Путятин В.Д. Терроризм как юридико-психологическое явление: проблемно-психологический анализ и перспективы противодействия // Российский следователь. 2016. № 10. С. 40 – 43.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 25.12.1993 г.; СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 1; 2009. № 1. Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; 2014. № 30. Ст. 4202.

6. Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. 2016. № 5. С. 7 – 11.

7. Алихаджиева А.С. Экологическая функция российского государства: проблемы и перспективы развития // Право и политика. 2015. № 14. С. 6-8.

8. Россия и Китай научат Интерпол бороться с преступностью // URL: <http://www.putin-today.ru/archives/36522> (дата обращения: 11.06.2017).

ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Тахаев А.А.

магистрант второго курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Саратов

В статье анализируются некоторые особенности правового статуса и практической деятельности правозащитных организаций, официально действующих на территории Российской Федерации. Акцентируется внимание на ключевых проблемах в правозащитной работе данных организаций, формулируются предложения по совершенствованию механизма защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: государство, права человека, правозащитная деятельность, правозащитные организации.

Находясь в условиях построения демократии и сохранения атрибутов гражданского общества Россия старается выдержать баланс между внутривнутриполитическими явлениями и международными обязательствами по соблюдению, гарантированным Основным законом государства прав и свобод личности. Правозащитные организации осуществляют свою деятельность по всему миру, в том числе, и на территории России. Данных объединений великое множество. Правозащитники – это общественные деятели, защищающие человека мирными средствами от произвола государства, включая гражданские, социальные, политические права и свободы человека, признают их равными независимо от национальности, пола, расы, места проживания, вероисповедания, материального положения. Правозащитные организации, будучи «незаинтересованными» призваны, как самостоятельное «течение» помогать в отправлении эффективной правовой защиты. Однако, научной мир и наши соотечественники считают, что именно правозащитные организации чаще всего занимают выгодную политическую позицию, выступают, как оппозиционеры существующему политическому режиму, адресно обвиняя во всех бедах государ-

ство, или отдельных представителей власти. Общемировая практика показывает, что негосударственные организации часто служат прикрытием теневых интересов, государственных и частных, в том числе и разведывательных, и многие из правозащитных организаций, функционирующих в России, уже просто подорвали к себе доверие. Хотелось бы, отмечает член Совета Регионального отделения Ассоциации юристов России в Республике Мордовия С.В. Маркиянов, «чтобы уполномоченные по правам человека больше внимания уделяли вопросам обеспечения больных льготными лекарствами, соблюдению органами социальной защиты прав инвалидов. Контролирующих органов много, но свои обязанности они выполняют не всегда добросовестно. Особенно это касается правозащитных организаций» [1, с. 12].

Таким образом, одной из значимых проблем в правозащитной деятельности российских неправительственных организаций, по нашему мнению, является недоверие со стороны населения, отсутствие тесного взаимодействия с ним, а зачастую даже неприязнь. Подобное отношение социума к правозащитным организациям объясняется, прежде всего их обостренной политизированностью, и зависимостью от иностранных инвестиций. И как показывает практика последних лет, самое печальное, что молодое поколение россиян крайне негативно относится к правозащитным организациям. Это, обусловлено целым рядом причин, самая главная из которых обещание на протяжении длительного времени «светлого» будущего и торжества истины. С другой стороны, оценивать однобоко деятельность всех правозащитников, глядя на одну организацию, негативно пропиаренную средствами массовой информации тоже было неверным. Важно относиться к любому информационному продукту с определённой осторожностью, и понимать, что не все то, что мы слышим, не все то, что мы читаем, соответствует действительности.

Поскольку правозащитная работа предполагает отстаивание не только права отдельного человека, а защиту права на что-то вообще, она носит универсальный характер и полагается правозащитниками общезначимой. Такая общезначимость требует создания для защиты прав широких коалиций, которые, как правило, преследуют свои корыстные цели, прикрываясь лозунгами о защите прав человека. Чаще всего, такие блоки резко высказываются против существующей власти, в результате чего занимают оппозиционную сторону относительно большинства людей, проживающих в стране. Как отмечает В.В. Гриб «правозащитные организации ведут мониторинг нарушений прав человека, готовят региональные и национальные доклады, взаимодействуют с Уполномоченным по правам человека Российской Федерации и региональными уполномоченными, принимают участие в международных форумах различных межгосударственных организаций, выступая с критикой тех или иных действий властей. Федеральная власть пытается воздействовать на них различными формами и методами и сделать их союзниками или партнерами, чего не скажешь о прямо обратном отношении некоторых региональных властей» [2, с. 35]. По словам омбудсмана, общественность склонна возлагать обязанности правозащитников в большей степени на государственные, а не на общественные организации. Главным правозащитником в РФ граждане страны считают Президента России Владимира Путина. Современное российское общество переживает сложные процессы – социальный кризис, трансформацию социальной структуры, политические и духовные изменения, конфликты взглядов, и, к сожалению, все это отдаляет друг от друга социум и власть, порождает и подпитывает недоверие «низов» к «верхам». Россияне считают, что важнейший признак стабильного общества – это главенство закона над всеми и равенство всех перед ним.

Именно поэтому в январе этого года глава государства призвал на защиту прав граждан прокуратуру. Прокурорский надзор является наиболее действенным и призван выполнять все законодательные требования по защите нарушенных прав и их восстановлению. На прокурорском контроле находится широкий спектр жизненно важных вопросов, таких как: защита нематериальных благ, поддержка инвалидов, жилищные, пенсионные, трудовые права и прочее. Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка считает, что «права людей ведь нарушаются не только там, где человека могут без видимых причин схватить на улице и бросить в тюрьму. Существуют целые группы населения, которые нуждаются в постоянной защите. Это старики, инвалиды, дети, малоимущие и нетрудоспособные граждане – те, кто пострадал от противоправных действий. Они зачастую даже не знают, что им делать в ситуациях, когда попираются их права. Адвокатов нанять себе они попросту не в состоянии. И прокуратура в этом случае становится для них чуть ли не единственным шансом на восстановление справедливости» [3]. Правозащитная и прокурорская деятельность сродни по смыслу, хотя существует мнение о том, что только прокуратура способна реально добиться восстановления нарушенных прав, что подавляющее большинство конституционных прав не способны защитить никакие омбудсмены, правозащитники и уж тем более международные организации. Не стоит забывать, что в последнем случае речь идет о государственных механизмах защиты прав и основных свобод граждан. Правозащитная роль прокуратуры выражается в инициировании судебного разбирательства в случае нарушения конституционных прав и свобод.

В настоящее время в России существуют серьезные вызовы, которым государство не способно противостоять в одиночку (экономическая блокада – санкции), борьба с терроризмом, миграционные потоки, недостаточный уровень и темпы реформирования государственных институтов, высокий уровень бедности, коррупция, отсутствие правовой культуры граждан и т.д.). И только при поддержке гражданского общества государство в состоянии противостоять любым угрозам внутреннего характера. В нашей стране, как известно, правовой статус правозащитных организаций не предусмотрен самостоятельным нормативным актом, возможно, это и есть обстоятельное препятствие на пути защиты прав российских граждан. Несмотря на имеющиеся трудности, можно смело заявить, что в России сформировался такой неотъемлемый элемент гражданского общества, как правозащитные организации. У общественных организаций огромное количество работы, а у правозащитных организаций еще больше, потому что за решениями чиновников, за решениями органов власти необходимо наблюдать, так как всего одно решение способно загубить тысячи демократических процессов. На сегодняшний день в России нет ни одной проблемы, по которой бы ни высказывались правозащитники. Наступление на права профсоюзов и средств массовой информации, нарушение прав соотечественников за рубежом, невыплаты заработной платы, нарушения прав человека в местах лишения свободы, пытки в полиции, нарушение бюджетных процессов, удушение предпринимательства – по этим и сотням других проблем правозащитники не только высказывались, но и шли в суд. Правозащитная организация должна позиционировать себя не в широком смысле, а в конкретном, то есть заниматься внимательным анализом нарушений прав человека, серьезнее подходить к организации нужной правовой помощи. Какова бы не была оценка работы современных правозащитников одно очевидно, что они служат своеобразной альтернативой в защите нарушенных прав. Правозащитные организации важны и

нужны, остается надеяться, что данный институт модернизируется и достигнет соответствующего профессионального уровня, ведь от того насколько предприимчива и порядочна работа сторонников правды зависит судьба целой нации.

Список литературы

1. Маркиянов С.В. «Мы защищаем людей, их конституционные права». Интервью с председателем регионального отделения Ассоциации юристов России в Республике Мордовия Иваном Петровичем Филимоновым // Юридический мир. 2016. № 8. С. 6-12.
2. Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества // История государства и права. 2010. № 10. С. 33-35.
3. Правозащитные приоритеты прокуратуры. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20170626/279082050.html (дата обращения: 10.07.2017).

РОССИЙСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ СИСТЕМА И ЛИЧНОСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Тахаев А.А.

магистрант второго курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Саратов

Каждый российский гражданин слышал о существовании негосударственных фондов, целью которых является обеспечение защиты прав и свобод человека. Подобного рода организации не преследует своей целью получение прибыли, а все их функции являются гуманистически направленными. На территории Российской Федерации правозащитные организации образуются, как правило, оппозиционными структурами. Реализация и эффективность норм о правах и свободах человека в любом государстве и обществе зависит от многих факторов. В настоящей статье анализируется опыт деятельности отечественной правозащитной системы в современных реалиях, а также предпринята попытка выявить достоинства и недостатки в теории и практике признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: государство, правозащитная деятельность, личность, права человека.

С момента принятия Всеобщей декларации прав человека прошло не мало лет, принятая после Второй мировой войны она преследовала лишь одну стратегическую цель – избежание новой трагедии массового нарушения прав человека. Для России это сейчас актуально. Достаточно посмотреть государственное телевидение, и станет понятно – население уже всерьез готовится к Третьей мировой войны, в которой страна должна играть энергичную роль. Конечно, реальное обеспечение защиты личности требует немало времени и значительных преобразований в обществе, направленных на формирование нового типа взаимоотношений между гражданином и государством. Отвечая за охрану прав и свобод человека руководство страны уделяет внимание развитию институтов гражданского общества и в последнее время активизировалась работа правозащитных движений, борющихся за формирование правового государства. Речь идет о различных общественных организа-

циях, правозащитниках-одиночках, деятельность которых разобщена и носит порой стихийный характер. Государство, будучи особой политической организацией распространяет свою власть на все население, проживающее на определенной территории, издает обязательные для всех властные веления, располагает специальным аппаратом управления, и самое главное, представляет интересы общества, руководит им. Права человека – это социальная ценность, для государства не просто важная, а скорее, основополагающая. Основной закон Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Любое демократическое государство, претендующее на это высокое звание, обязано создавать необходимые правовые предпосылки для реализации прав и свобод человека, в противном случае обеспечивать механизмы восстановления нарушенного права будь-то несправедливый приговор или социальная гарантия. Несмотря на широкий набор, конституционно-правовых средств защиты прав и свобод человека, практика свидетельствует об их многочисленных нарушениях в России. Подразумевается не столько защита конституционно провозглашённых ценностей свободного развития личности, его нематериальных благ сколько нарушения более адресного характера. Российской правозащитной системе известны случаи прямого нарушения конституционных прав, как-то: разжигание розни на почве национальной, половой принадлежности, вероисповедания. При чем граждане нашего государства сталкиваются с этой проблематикой внутри страны, которая в главном нормативном акте гарантирует их надлежащую реализацию. Социальная категория граждан, обозначенная в федеральных законах, как особо нуждающихся в государственной опеке, также не обеспечивается должным образом. Защита нарушенных прав сотрудников правоохранительной системы, военнослужащих и членов их семей, беженцев и вынужденных переселенцев, сексуальных меньшинств, людей с тяжёлыми пороками выполняется хаотично, что, вызывает волну негодования в народных массах, не говоря уже о представителях общества, имеющих свою политическую позицию. Безусловно, государство пытается обойти самые острые углы в деле защиты прав личности, для это создан институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, призванный обеспечить правопорядок. В мае текущего года глава института омбудсмена Татьяна Москалькова доложила о результатах, проделанной за 2016 год работы Президенту РФ. Доклад содержит информацию от всех уполномоченных по правам человека, функционирующих в 85 субъектах Российской Федерации. Было отмечено, что «сегодня большой пласт проблем связан с трудовыми правами граждан. Люди обеспокоены тем, что им задерживают заработную плату или вовсе не платят. И совместно с Генеральной прокуратурой, со всей системой прокуратуры удалось восстановить нарушенные трудовые права многим и многим гражданам» [2]. Кроме того, самыми острыми остаются вопросы ветхого и аварийного жилья, задержка заработной платы, валютная ипотека и растущие тарифы на услуги ЖКХ. Следует отметить, что печальная статистика обращений российских граждан за защитой, нарушенных прав связана с их отчаянием разобраться на «местах». Подтверждением этому служит, уже устоявшаяся практика обращения граждан России, минуя все инстанции от социальных до судебных в Администрацию Президента РФ или посредством онлайн-связи обращения во время прямых трансляций с Владимиром Путиным. Очевидно, что подобная ситуация свидетельствует о недостатках в работе правозащитных организаций, к тому же, обременяя главу государства своими повседневными проблемами и

поиском путей их решения, отвлекают его от решения стратегических, межгосударственных, политических, экономических и прочих вопросов. Надо признать, что в условиях российской действительности основные препятствия в правозащитной системе создают бюрократические проявления со стороны должностных лиц, коррупция, личностная неприязнь, дискриминация, правовая безграмотность. Как справедливо отмечает Г.В. Синцов «поскольку в подавляющем большинстве случаев уполномоченные по правам человека в своих ежегодных докладах отражают сведения о конкретных случаях нарушения прав и свобод граждан, а также об использованных мерах защиты нарушенных прав и мероприятиях по их восстановлению, подобные ежегодные доклады, на наш взгляд, могут успешно осуществлять просветительскую функцию и выполнять задачу по повышению уровня правовой грамотности населения» [3, с. 10]. Кроме того, следует согласиться с мнением Д.С. Варданян в том, что «для действенной охраны и защиты прав и свобод сегодня нужна система законов, развивающих конституционные нормы и закрепляющих обязанности государственных органов по защите прав и свобод личности, так как в правоприменительную практику еще недостаточно внедрены процедуры прямого действия Конституции РФ и международно-правовых актов. В частности, необходимо принять закон, который бы не только детализировал положения ст. 33 Конституции РФ, закреплял право граждан Российской Федерации на обращения, но и определял обязанности соответствующих органов по их своевременному рассмотрению, предусматривал ответственность государственных органов за ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей» [4, с. 16].

Думается, что популяризация и разъяснение населению механизмов защиты их неотъемлемых прав можно осуществлять при поддержке средств массовой информации. Научная школа давно говорит о необходимости создания Электронного интернет-портала «Правозащитная Россия», в свободном доступе соотечественники могли бы получать необходимую информацию по всем интересующим их вопросам (бесплатная он-лайн консультация). Во-первых, это заметно улучшило бы работу правозащитной системы, где-то даже облегчило ее, и, во-вторых, такого рода интерактивность минимизирует сроки рассмотрения обращений граждан и некоммерческих организаций.

Существуют различные механизмы защиты прав и свобод личности в современной России, каждый из которых имеет возможность обеспечить защиту в пределах своих компетенции и возможностей. В нашем государстве довольно часто претерпевает изменения законодательство, идет борьба с преступностью и коррупцией, но, к сожалению, процесс формирования сверхэффективных механизмов защиты прав и свобод личности требует больших усилий, и поэтому может затянуться еще надолго. Правозащитное движение в России есть необходимый атрибут демократического общества, при этом, по-прежнему не понятно кем финансируются правозащитные организации. Являясь негосударственными, правозащитники существуют благодаря западным компаниям или состоятельным фондам США, что тут же ставит под сомнение объективность работы борцов за правду в нашей стране.

Таким образом, в условиях сложной обремененной санкциями экономической обстановки и политического давления со стороны некоторых иностранных держав правозащитная деятельность является одним из немногих стабилизирующим фактором. Государство обязано создавать правовые, политические, культурные, экономические, социально-психологические гарантии для осуществления прав

и свобод человека. Ввиду развития технологий перед правозащитниками возникает еще и философский вопрос о подходе к защите прав. К сожалению, приходится констатировать, что правозащитное движение в Российской Федерации на сегодняшний день переживает кризис, а значит, нуждается в поиске разумных, реальных средств и методов защиты человеческих ценностей, таких как жизнь, здоровье, уверенность в будущем.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 25.12.1993 г.; СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 1; 2009. № 1. Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; 2014. № 30. Ст. 4202.
2. Москалькова доложила Путину о проделанной правозащитной работе. 2017. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2017/05/05/551854/> (дата обращения: 05.06.2017).
3. Синцов Г.В. Ежегодный доклад уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации как инструмент защиты прав и свобод неопределенного круга лиц // Юридический мир. 2014. № 5. С. 8-10.
4. Варданян Д.С. Российская правозащитная система // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 26 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тахаев А.А.

магистрант второго курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Саратов

Данная статья посвящена теоретико-правовым основам современной правозащитной системы Российской Федерации. В статье делается акцент на некоторые пробелы в действующем законодательстве, препятствующие полноценному осуществлению правозащитной деятельности организациями, функционирующими на территории нашей страны.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, государство, права граждан, гражданское общество, правозащитная система.

Россия позиционирует себя как демократическое государство, многое делается для формирования подлинно правового государства. Необходимо признать, что демократизация общества – сложный процесс политических, экономических и социальных преобразований. Правозащитные организации – это особый вид негосударственных неприбыльных организаций, основная задача которых контроль за соблюдением государством своих прямых обязанностей по отношению к населению, а именно: защита от произвола, коррупции и бюрократических «замашек» со стороны органов исполнительной, судебной власти, должностных лиц. Они содействуют уменьшению организованного насилия, осуществляемого иногда представителями власти. Ныне действующий аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации не в состоянии гарантировать соблюдение всеми органами и должностными лицами прав человека, но, в состоянии контролировать,

применять определенные меры воздействия, предоставленные ему законом. И здесь уже не так важны формы воздействия, к примеру, показательные акции, или привлечение к решению проблемы средств массовой информации, сколько результативное повышение уровня правовой защиты рядового гражданина.

В России современное правозащитное движение стало активно развиваться после 1993 года, надо отметить, что наметились определённые положительные тенденции в этом направлении. Очевидно, что развитие отечественной правозащитной системы во многом зависит от политической обстановки, как внутри государства, так и извне, негативное влияние на процесс формирования правового государства оказывают оппозиционные структуры. Формирование стратегии национальной безопасности с учетом всех факторов риска и угроз, а равно их своевременного и эффективного предотвращения невозможно без акцента на обеспечение базовых прав человека. Необходимо использовать наиболее радикальные меры по улучшению качества правозащитной деятельности, добиваться снижения агрессивного состояния российского общества, возникшего между народонаселением и современной системой. Справедливо отмечает Л.В. Медведицкова, что «правозащитная система прав человека наиболее содержательно отражает процесс приобретения нашим обществом качества правового, подлинно гуманного и демократического социума. Правозащитная система – это процесс фактического воплощения в жизнь конституционных прав и свобод человека посредством деятельности компетентных субъектов, применения эффективных правозащитных средств и методов, оказания правозащитного воздействия на общественные отношения [1, с. 23]. Также, отмечает Г.А. Прокопович «правозащитная деятельность – это систематическая работа различных субъектов правозащитной структуры России (публичных – государственных и муниципальных органов, и непубличных – институтов гражданского общества), направленная на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Она ориентируется на положительный результат – восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, осуществляется определенными средствами, характерными для ее конкретных субъектов, и предполагает сам процесс. Содержание правозащитной деятельности составляет целесообразное положительное изменение ситуации с нарушениями прав человека и преобразование ее в интересах человека, общества и государства» [2, с. 25].

Несмотря на трудности, в целом, правозащитное движение в России продолжает выполнять свою миссию и оказывать правовую помощь рядовым гражданам. Западные СМИ осуждают отечественное правозащитное движение, объясняя это тем, что права российских граждан реализуются с малой толикой, и поэтому, добрая половина россиян в поисках справедливости покидает пределы своей Родины. По мнению иностранных экспертов, речь идет не столько о нарушениях в сфере социальной помощи, беспредела в силовых структурах, сколько о нарушениях элементарных конституционных прав, таких как свобода слова, вероисповедания, социальная помощь и т.д. Безусловно, оценка сторонних наблюдателей имеет определённое значение, и самое печальное, что соотечественники разделяют эту точку зрения. В частности, по данным социологических опросов «Россия входит в первую десятку стран по уровню экономического развития, 14% предполагают, что она располагается между 50-м и сотым местами. По мнению 6%, в плане экономического развития Россия является одной из самых отстающих стран. Говоря о степени защиты прав и свобод граждан, 35% россиян отнесли Россию к списку первых 50 стран мира, 19% – к первой десятке. По оценке 17% респондентов, уровень за-

щиты прав и свобод граждан в России соответствует строчке в рейтинге между 50-м и сотым местами, 10% назвали страну одной из наиболее отстающих» [3]. Это не означает вовсе, что мы должны придерживаться европейских стандартов защиты прав человека, но, однозначно, обязаны активизироваться в вопросах надлежащего исполнения международных обязательств, когда-то, прописанных в ст. 30 Всеобщей декларации прав человека 1948 года: «ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации» [4].

Таким образом, отечественной правозащитной системе остается делать выводы, выносить определенный опыт в целях улучшения работы правозащитного движения. Недоработки, к сожалению, существуют, и самой банальной проблемой следует назвать отсутствие концептуальной законодательной основы осуществления правозащитной деятельности, к примеру, Доктрины или же Концепции «О правозащитной деятельности в Российской Федерации». Речь идет также о недостатках в законодательной базе, регламентирующей институт омбудсмена в России. Претерпи ряд положений федерального конституционного закона изменения и результативности в работе Уполномоченного было бы гораздо больше. Возможно, конкретизация нормативной базы улучшила бы работу правозащитных организаций в нашей стране. В ч. 2 статьи 2 Декларации «О правозащитниках», принятой резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года говорится: «каждое государство принимает такие законодательные, административные и иные меры, какие могут оказаться необходимыми для обеспечения эффективных гарантий прав и свобод, упомянутых в настоящей Декларации» [5]. Оценивая деятельность российского института омбудсмена важно отметить, что ведется плодотворная работа по оптимизации правозащитной деятельности. Объединяются усилия законодотворцев и научной школы, которые сходятся во мнении о целесообразности консолидации правозащитной системы современной России. Так, в мае текущего года в Государственной Думе Российской Федерации обсуждалось предложение о предоставлении права омбудсмену делать заключения на основные федеральные законы, касающиеся правозащитной проблематики. Как отметил глава комитета Госдумы по развитию гражданского общества Сергей Гаврилов (КПРФ): «мы считаем, что нужно консолидировать нашу правозащитную систему. У нас существует уполномоченный (по правам человека) на федеральном уровне, в регионах, уполномоченный по защите прав детей, прав предпринимателей. Я думаю, что это послужит общему успеху» [6]. Эффективность деятельности Уполномоченного измеряется количеством выявленных причин системных нарушений прав человека и устранения их путем выдвижения предложений об изменении законодательства и правоприменительной практики, и, наконец, формула эффективности складывается из коммуникаций Уполномоченного с правозащитным сообществом и всего набора инструментов защиты прав. Кроме того, в России предложили создать Евразийскую правозащитную группу. Она объединит общественные организации и правозащитников, которые уже продуктивно смогут работать в указанной области. Такая практика развита в зарубежных странах, и она, учитывая политическую культуру каждого региона способна справиться со сложными задачами в сфере оказания правовой помощи. Российская правозащитная система – реально существующий организационно-правовой и функциональный институт. Любые преобразования в

обществе неразрывно связаны с четкой продуманной правозащитной политикой. Тщательное изучение всех нюансов и недостатков в данной сфере позволит минимизировать риски, а привнесение корректировок в российскую правозащитную систему позволит установить новые подходы, будет содействовать ее совершенствованию. Таким образом, было бы неправильно рассчитывать на эффективную реализацию прав и свобод человека без хорошо развитой и урегулированной модели правозащитной деятельности.

Список литературы

1. Медведицкова Л.В. Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 25 с.
2. Прокопович Г.А. О необходимости построения модели правозащитной деятельности в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 24-26.
3. Россияне оценили свою защищенность в РФ выше уровня экономического положения. URL: <http://www.interfax.ru/russia/543473> (дата обращения: 08.07.2017).
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. 05.04.1995 г. № 67.
5. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl/declarations/defender.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
6. В Госдуме настаивают на консолидации правозащитной системы. URL: <https://regnum.ru/news/society/2275895.html> (дата обращения: 08.07.2017).

ФЕДЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

Федорец М.Н.

соискатель кафедры конституционного и муниципального права,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В статье рассматривается особенность федеративной модели государственно-территориального устройства России, анализируется конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации и федеративные отношения между центром и регионами. Выявленные недостатки позволяют предложить меры для совершенствования федеративной модели государственно-территориального устройства с учетом специфики конституционного развития Российской Федерации, а также иных факторов, в числе которых правосознание россиян и авторитарность государственного правления.

Ключевые слова: федерализм, государственно-территориальное устройство, федерация, федеративные отношения, централизация и децентрализация, государственное правление.

Современное состояние государственно-территориального устройства в Российской Федерации характеризуется устойчивостью и стабильностью. Это во многом обуславливается применяемыми ранее рядом государственно-правовых мер, приведших к упорядочению федеративных отношений – между Российской Федерацией и ее субъектами. Однако, это не означает, что вопрос об оптимальности и

дальнейшем совершенствовании государственно-территориального устройства потерял свою былую актуальность.

По нашему мнению, российский федерализм продолжает эволюционировать, что находит свое отражение в изменениях не только государственно-территориального устройства страны, но в изменениях концептуального подхода в видении федеративных начал России. По верному замечанию А.А. Степановой «уникальность России как федеративного государства состоит в том, что она является чуть ли не единственным государством, которому приписывают практически все известные и вновь придумываемые теории и модели федеративного устройства» «И Россия неустанно продолжает экспериментировать с собственным федеративным устройством» [8, с. 20].

С момента провозглашения России федерацией до настоящее время можно выделить несколько основных этапов эволюции отечественного федерализма. *Первый* – образование субъектов Федерации (1918-1937 гг.); *второй* – фактическая унитаризация федеративных отношений и образование смешанного типа федерации, допускающее параллельное сосуществование субъектов Федерации и административно-территориальных единиц, не обладающих подобным статусом (1937-1985 гг.); *третий* – децентрализация федеративных отношений (1985-2000 гг.); *четвертый* – централизация государственного управления (с 2000 по настоящее время) [1, с. 9-10].

В настоящее время наблюдается определенная доля консервации в развитии федеративных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами, что в целом может характеризоваться положительно. Однако, на наш взгляд, сами федеративные отношения нуждаются в своем совершенствовании. До сих пор остаются нерешенными проблемы современного отечественного федерализма [1]. К их числу исследователи относят проблемы, не только обусловленные самой сложившейся федеративной моделью государственно-территориального устройства, но и проблемы фундаментального характера: во-первых, унитарность и авторитаризм государственного управления, исключающий сбалансированную централизацию и, во-вторых, правосознание российских граждан [2]. В своей совокупности вышеуказанные обстоятельства существенным образом оказывает влияние на все политико-правовые процессы, происходящие в социальной сфере. Таким образом, следует учитывать, что проблемы федеративной модели государственно-территориального устройства производны от проблем фундаментального характера развития отечественной государственности.

В отечественной юридической науке встречаются разные предложения относительно модернизации как государственно-территориального устройства, так и федеративных отношений в целом. Высказываются предложения о возможности образования модели государственно-территориального устройства в основе которой будут положены как федеративные, так и унитарные принципы образования административно-территориальных единиц, система территориальной организации государственной власти и т.д. В частности, по мнению Ю.В. Кима «поиск совершенного государственно – территориального устройства закономерно подводит к тому, что оптимальная форма, рационализирующая механизм государства, представляет некий «срединный», промежуточный вариант, который должен гармонично сочетать федеративные и унитарные принципы построения государственности. Наиболее предпочтительной формой государственного устройства России в будущем представляется унитарное государство, опирающееся на широкую законода-

тельную автономию регионов. Именно к такой модели исторически тяготеет Россия; она наилучшим образом соответствует сущности и традициям отечественной государственности. Кроме того, рассматриваемая модель: а) не конфликтует с фундаментальным принципом государства – суверенитетом и б) в равной мере оберегает государство как от крайностей федерализма, так и гипертрофированного централизма» [6, с. 14].

По верному замечанию А.А. Степановой, в России формально сложилась своя собственная модель федеративного устройства: Россия – конституционная, ассиметричная федерация, основанная на территориальном и национально-территориальном принципах, признающая исключительный суверенитет Федерации. Принцип федеративного государственного устройства не совпадает с реально сложившимися чрезмерно централизованными механизмами взаимодействия центра и регионов. На основании чего А.А. Степанова к числу основных проблем российского федеративного государства, относит следующие: подмена федеративных принципов управления унитарными, отсутствие оптимального межуровневого разграничения компетенции и конституционных механизмов переплетения общегосударственных и территориальных интересов и приходят к выводу, что все это не может не оказывать негативного влияния на эффективность работы государственного механизма и требуют скорейшего разрешения [8, с. 23].

Совершенствование государственно-территориального устройства Российской Федерации должно быть обусловлено не только рядом факторов (национального, территориального, экономического, географического и мн. др.), а также иметь безупречную правовую составляющую, способствующую укрепить правовые связи федеративных отношений как между Российской Федерацией и ее субъектами, так и собственно между субъектами Федерации.

Известно, что любое государство вне зависимости от его государственного устройства всегда испытывают влияние двух тенденций – централизации и децентрализации. Приоритет одного из них по сути может позволяет характеризовать государство как федеративное или же унитарное. Безусловно, «децентрализация не всегда приводит к появлению федеративного государства; ее результатом может быть, например, лишь расширение полномочий органов местного самоуправления без формирования субъектов Федерации и соответствующих органов государственной власти, т.е. без учреждения федеративной государственности» [5, с. 33].

Следовательно, при законодательном закреплении тех или иных принципов государственно-территориального устройства, необходимо учитывать сложившееся исторически особенности образования административно-территориальных единиц, их правового статуса и схему отношений между центром и регионами [9].

Профессор Н.М. Добрынин, определяя принципы построения федеративного государства в России, справедливо указывает об их комплексности, о сочетании национального, национально-территориального и территориального способов образования субъектного состава Российской Федерации [4, с. 147]. Профессор М.С. Саликов указывает на то, что «нынешняя модель государственного устройства России тупиковая, поэтому необходимо решиться на радикальную реформу: создать демократичную, стабильную, симметричную, территориально организованную федерацию» [7, с. 208].

Нельзя не согласиться с выводом О. Ю. Ельчановой, что именно «уникальность территориальных форм устройства и системы управления ими в России есть отражение сложного длительного исторического развития, полиэтничности ее населения, са-

мобитности национальной государственности. Любые изменения территориального устройства государства должны носить эволюционный, стадийный, взвешенный характер, приспособление их под известные «образцы» вряд ли будет эффективным. Непродуманное объединение или разъединение регионов по какому-либо признаку может породить деструктивные и дестабилизирующие тенденции и привести к потере управляемости территориями» [3, с. 765].

Полагаем, что наиболее оптимальным вариантом решение проблемы государственно-территориального устройства Российской Федерации видится в переходе от национально-территориального деления к административно-территориальному. Это позволит, как нам кажется, сохранить и обеспечить многообразие исторических и культурных традиций, проживающих на территории Российской Федерации народов, создаст условия для конституционного равенства образуемых ими субъектов Федерации. Однако создание симметричной федерации требует ряд мер и времени, в связи с этим видится перспективным на ближайшее время сохранение по меньшей мере трех видов субъектов: республика, область (как вариант губерния) и города федерального значения.

Проблема поиска модели формы государственно-территориального устройства Российской Федерации назрела и пришло время для разработки концепции дальнейшей модернизации государственно-территориального устройства с учетом различного рода факторов, могущих сыграть предопределяющую роль (политико-правовые, экономические, финансовые, национальные, религиозные и др.). Полагаем также, что с учетом вышеуказанных факторов и особенностей отечественного государственного строительства будет учитываться как дореволюционный опыт Российской империи, так и опыт Советской России в совершенствовании и становлении оптимальной модели государственно-территориального устройства современной России.

Таким образом, дальнейшая модернизация государственно-территориального устройства России должна исходить из необходимости совершенствования федеративных начал организации публичной власти в сочетании с принципами централизации и равноправия конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации. При этом важнейшими факторами являются многонациональность проживающего на территории России населения, историческое развитие государства, особенности сложившихся взаимоотношений между федеральными и региональными органами власти, а также уровень правосознания граждан.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Проблемы и перспективы федерализма в России // Конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации: современное состояние и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Тюмень, 18 сентября 2015 г. / под ред. канд. юрид. наук, доцента Д.А. Авдеева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016.
2. Авдеев Д.А. Монархическое правосознание и республиканская форма правления в России // Право и политика. 2010. № 8 (128).
3. Ельчанова О.Ю. Стратегии территориального устройства России в контексте центр-региональных отношений: историческая ретроспектива и современное прочтение // Право и политика. 2014. № 6 (174). DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12001.
4. Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации: Учеб. пособие. Современная версия новейшей истории государства. 3-е изд., перераб. и доп. / Н.М. Добрынин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 147.

5. Ившина И. Н. Федерализация как способ изменения формы государства // История государства и права. 2014. № 19.
6. Ким Ю.В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Тюмень, 2009.
7. Саликов М.С. О преимуществах и возможностях создания территориальной Федерации // Политические исследования. 1998. № 3.
8. Степанова А.А. Еще раз о федеративном устройстве России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7.
9. Федорец М.Н., Авдеев Д.А. Конституционно-правовой поиск модели формы государственно-территориального устройства Российской Федерации // Право и политика. 2014. № 11. С. 1661-1669.

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Юн Л.В.

аспирант кафедры теории и истории государства и права УВО,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В данной статье рассматриваются вопросы правовой культуры трудовых отношений, регулируемых советским и постсоветским законодательством. Анализируются нормативно-правовые акты трудового законодательства, а также рассматривается взаимовлияние правовой культуры и трудовых отношений в советский и постсоветский периоды развития российской государственности.

Ключевые слова: правовая культура, трудовые отношения, советское законодательство, маргинальное правосознание, принудительный труд.

Культура трудовых отношений советского и постсоветского периодов российской государственности имеет свои существенные различия, проявляющиеся в принципиальном противопоставлении «трудовой обязанности» и «запрета принудительного труда».

В постреволюционный период времени в 1918 году в России был принят первый Кодекс законов о труде, имеющий преимущественно императивный характер и устанавливающий обязательность труда. В нем, в тоже самое время, регламентировались отдельные права трудящихся (размер заработной платы, дополнительная оплата сверхурочных часов, право на больничный лист, отпускные и т.д.). Последующий Кодекс 1922 года несколько расширил права работников (право на гарантированную заработную плату, право заключения индивидуальных и коллективных договоров и т.д.), но трудовая повинность (обязательный труд) оставалась главным принципом регулирования трудовых отношений.

Остановившись на отдельном внимании на истории культуры трудовых отношений советского периода, следует отметить, что действовавшее тогда социалистическое право регулировало общественные отношения с точки зрения новой социально – правовой реальности, где главенствующее место принадлежало государству.

Правам же граждан – как одним из главных составляющих элементов общества отводилось второстепенное значение. Следовательно и правовая культура советского периода, в том числе в сфере трудовых отношений, складывалась из элементов социалистического правосознания и социалистической идеологии, формирующихся под воздействием огосударствления всех сфер жизнедеятельности граждан. Правовая культура общества формировалась в результате целенаправленного идеологического воспитания такого отчужденного (маргинального) правосознания, где убежденность в правоте закона, обязывающего всех граждан советского государства трудиться не вызывала сомнений [6]. Принцип «от каждого по способности, каждому по труду» был доминирующим в стратегии и тактике законодательной и правоприменительной сфер деятельности того периода. Правовые нормы советского времени были рассчитаны на неуклонное укрепление и поддержание дисциплины труда, а также твердое соблюдение всеми гражданами их обязанностей перед обществом. Идеология советского периода не признавала в полной мере прав граждан, ведущих, по мнению законодателя, маргинальный образ жизни, т.е. неработающих и характеризующихся, антиобщественным, паразитическим образом жизни, то есть тунеядцев [7, с. 159-169].

В эпоху формирования советского государства, в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», нормы которой вошли в положения Конституции 1918 г., закреплялось, что «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность», которая будет являться средством осуществления принципа всеобщности труда, прежде всего в отношении «нетрудовых элементов». Также и ряд других нормативно – правовых актов советского периода устанавливал обязательные трудовые отношения между гражданами и государством. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29 января 1920 г. устанавливал, что в советской республике осуществляется «повсеместное и постоянное привлечение к общественно – полезному труду лиц, таковым не занимающихся». С переходом к новой экономической политике (НЭП), с принятием Декрета ВЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 июня 1919 г. «О введении трудовых книжек в гг. Москва и Петроград» на всех граждан РСФСР, достигших шестнадцатилетнего возраста возлагалась обязанность иметь трудовые книжки, подтверждающие то, что они, т.е. граждане, принимают участие в производственной деятельности. За отсутствие данного документа, гражданина РСФСР не привлекали к ответственности, так как в данный промежуток времени существовала биржа труда, в которую население обращалось за помощью в поисках работы [8].

В случае же, если человек не исполнял своей «трудовой повинности» на свободе, его лишали свободы, но не освобождали при этом, от обязанности трудиться в местах её лишения. В Уголовном кодексе 1926 г. была установлена уголовная ответственность за тунеядство, ведение антиобщественного, паразитического образа жизни, занятия бродяжничеством и попрошайничеством, декриминализованная только в 90 – е годы прошлого столетия.

В сталинский период правления обязательный и принудительный труд использовались особенно активно. К последнему принуждали заключенных, содержащихся в учреждениях Главного управления исправительно-трудовых лагерей. Несмотря на то, что за свой труд заключенные получали соответствующее денеж-

ное вознаграждение, эти деньги в административных документах изначально и вплоть до конца 1940-х гг. обозначались как «денежное поощрение» или «денежное премиальное вознаграждение». Понятие «зарплата» тоже иногда употреблялось, но официально такое название было введено только в 1950 г. В течение месяца работающим заключенным деньги выдавались в сумме, не превышающей месячного премиального вознаграждения. Кроме премиального вознаграждения, заключенным, в зависимости от поведения их на производстве и в быту, могли быть выданы с разрешения начальника лагерного подразделения и личные деньги в сумме не более 100 руб. в месяц. Деньги сверх этой суммы зачислялись на их личные счета и выдавались по мере израсходования ранее выданных денег. Из заработной платы заключенных удерживались «по средней стоимости расходов по лагерю в целом, стоимость гарантированного питания, выдаваемой одежды и обуви и подоходный налог с тем, однако, чтобы при всех условиях работающим заключенным на руки выдавалось не менее 10 % фактического заработка». Установленные законом вычеты на практике были огромными. Так, на строительстве Куйбышевской ГЭС при начисленной среднемесячной зарплате заключенных в 1951 г. в 397 руб. на руки они получали в среднем 200 руб. При этом более 7 % заключенных получали лишь минимальный 10 % гарантированный заработок. Особенно следует обратить внимание на 10-процентный гарантированный заработок заключенного ГУЛАГа [5]. Соответственно и трудовая культура работающих осужденных была принудительно одобряемой ими, вопреки действующим в мире международным правовым актам. Так, Конвенция Международной организации труда (далее – МОТ) № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 г. впервые устанавливала, что каждая страна-член МОТ «обязуется упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах в возможно кратчайший срок» [1]. Труд заключенных сталинского ГУЛАГа не только не считался принудительным с точки зрения действовавших на тот момент советского законодательства, но и не представлял иного выбора осужденным.

Вообще, правовая культура как обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общей культуры, представляет собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению [4, с. 429]. В условиях действия принципа принудительного труда, посредством соответствующего трудового воспитания граждан с юного возраста, также принудительно оказывалось воздействие на их правосознание с помощью существовавшего тогда политического режима, «одобряемого» большинством советских граждан.

В настоящий период времени в Российской Федерации принудительный труд отменен, но существует довольно много нерешенных проблем в области трудового законодательства. Его несовершенство, декларативность ряда норм, а также желание работодателей извлечь максимальную выгоду для своего экономико-правового состояния, с одной стороны, и, с другой – объективные причины политического и социально-экономического характера, вызванные необходимостью решения неотложных хозяйственных и производственных задач любыми средствами и многое другое, порождают значительную пробельность трудового права [9].

Согласно п. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации принудительный труд запрещен, так как главенствующее место в современном демократическом обществе отдается правам и свободам человека и гражданина [3]. Также, если мы обратимся к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (далее – Конвенция), то можно увидеть, что согласно п.2 ст. 4 данной Конвенции никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду. Однако согласно п. 3. ст. 4 Конвенции определение *принудительного или обязательного труда* не включает в себя: любую работу которое обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 Конвенции или условно освобожденное от такого заключения; службу военного характера; службу, обязательную в момент объявления в государстве чрезвычайного положения или бедствия, в случае угрозы жизни и благополучия населения; работу или службу, которая является частью обычных гражданских обязанностей [2].

Также, согласно ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации принудительный труд запрещен. В статье дается четкое определение, что следует под ним понимать. Принудительный труд – выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе: в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности.

Высокий уровень трудовой активности и культуры трудовых отношений сегодня обусловлен материальной заинтересованностью работника, что принципиально отличает его от рабочего советского периода. Сегодня формируется новая правовая культура [10, с. 347-351] трудовых отношений, основанная на принципах «добровольности» и «взаимовыгодных условий труда», вытекающих из фундаментальных преобразований государственного устройства в связи с его переходом от советского к постсоветскому периоду развития.

Список литературы

1. Конвенция Международной организации труда N 29 относительно принудительного или обязательного труда (Женева, 28 июня 1930 г.) (по состоянию на 16 февраля 2017 г.) // СПС Гарант.
2. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС Консультант Плюс.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с изм. и доп. от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 15.04.2017 г.
4. Мартышин О.В. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2009. – С. 429.
5. По сталинским лагерям: зарплаты заключенных [Электронный ресурс]: URL: <http://great-stalin.livejournal.com/11600.html>. Дата обращения: 06.05.2017 г.
6. Степаненко Р.Ф. Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности Монография / Под редакцией О.Ю. Рыбакова. Казань, 2015.

7. Степаненко Р.Ф. Причинность и формы маргинального поведения в период становления советского государства. Вестник ТИСБИ. 2012. №1 (49). С. 159-169.

8. Степаненко Р.Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова – Ленина. Казань, 2015.

9. Юн Л.В. Правовая культура трудовых отношений: историко-правовые аспекты // Современные технологии управления [Электронный ресурс]: <http://sovman.ru/issue/2017-76/>. Дата обращения: 11.05.2017 г.

10. Юн Л.В. Общая характеристика назначения наказания с точки зрения философии права. В сборнике: Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 частях. Под общей редакцией: Р.Ф. Степаненко, И.Г. Гараниной, А.В. Солдатовой. 2016. С. 347-351.; Юн Л.В., Бадыкова И.Н. Влияние профессиональной этики на правовое сознание личности. В сборнике: Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 ч. 2017. С. 148-149.

Подписано в печать 07.08.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,48. Тираж 500 экз. Заказ № 215
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а